

БОРИС
СУДАРУШКИН

Волжский
роман

Последний рейс
"Фултона"

Волжский роман

Борис Сударушкин

Последний рейс «Фултона»

«ВЕЧЕ»

2020

Сударушкин Б. М.

Последний рейс «Фултона» / Б. М. Сударушкин — «ВЕЧЕ»,
2020 — (Волжский роман)

ISBN 978-5-4484-8261-8

В книгу известного русского писателя вошли три повести о Гражданской войне в России. «Юность чекиста» рассказывает о подавлении белогвардейского мятежа в Ярославле летом 1918 года. Автор использованы архивные документы, воспоминания активных участников тех далеких событий. Однако это не историческая хроника: наряду с действительными в повести выведены вымышленные персонажи, при этом многие факты из жизни главного героя повести – восемнадцатилетнего рабочего, ставшего чекистом, – взяты из биографии старого большевика Ивана Алексеевича Гагина. Повесть «По заданию губчека» – продолжение книги «Юность чекиста». В основу ее сюжета положены события 1918–1919 годов, когда после белогвардейского мятежа ярославскими чекистами был раскрыт новый контрреволюционный заговор. В работе над повестью автор использовал воспоминания председателя Ярославской губернской чрезвычайной комиссии М. Лебедева, учителя М. Драчева, материалы следствия по делу организаторов мятежа в Рыбинске и Ярославле. Повесть «Последний рейс „Фултона“» о том, как летом 1919 года, в разгар Гражданской войны, чекисты спасли голодных детей, отправив их на пароходе в хлебобродные поволжские губернии, как этот рейс пытались использовать в своих целях враги молодой республики.

ISBN 978-5-4484-8261-8

© Сударушкин Б. М., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Юность чекиста	6
Часть первая. Заговор	6
Красногвардейцы	6
Генерал	13
Дома	14
Зимой	16
Ограбление	22
Менкер	24
«Актеры»	26
Театр	28
Осечка	32
Мятеж	34
Часть вторая. Баржа	38
Всполье	38
Заволжье	43
Расстрел	46
Отпор	49
Сурепов	53
Испытание	56
Побег	59
Стрелка	64
Крах	66
Занавес	70
Часть третья. Коллеги	72
Возвращение	72
Лобов	76
«Учитель»	77
Допрос	81
Фотография	87
Банда	89
Монастырь	92
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Борис Михайлович Сударушкин

Последний рейс «Фултона»

Повести

Юность чекиста (Повесть)

Часть первая. Заговор

Красногвардейцы

Ночью отряд подняли по тревоге.

Выкатили «максим», построились перед штабом, ошетились тусклыми стволами трехлинейек. Свет из узких окон выхватывал из темноты напряженные лица.

Строй был неровен, но недвижим, словно вылитый из чугуна. И тишина такая, что Тихон слышал, как зябкий октябрьский ветер жутко свистит в дуле холодной винтовки.

Ждали, что скажет командир, высокий, широкоплечий, крест-накрест перехлестнутый сырмятной португеей. Но Лобов, цепким взглядом окинув строй, недовольно дернул козырек фуражки и ушел в штаб. Вскоре появился на крыльце вместе с плотным парнем в короткой путевой тужурке.

– Красногвардейцы! – заговорил парень, рассекая воздух пятерней, словно рубил его на куски. – Сейчас в губернаторском особняке заседает Совет рабочих и солдатских депутатов. На повестке один вопрос – о власти. Мы, большевики, за передачу ее Советам. Меньшевики развели болтовню, эсеры вызвали свою боевую дружину и грозятся арестовать нас. Мы не хотим кровопролития, но революцию надо защищать. Красногвардейцы! Выполните свой долг!..

Лобов сказал еще короче:

– Надо – значит, надо. Равняйся!.. Смирно!.. На-пра-во! Шагом марш!

И вывел отряд на Стрелецкую улицу.

Дробный стук тяжелых сапог отскакивал от булыжной мостовой, ударялся в черные занавешенные окна. Тихон не видел, но чувствовал, как из-за бархатных штор красногвардейский отряд ощупывают недобрые, испуганные глаза.

Не шел этой ветреной ночью сон к коллежским асессорам и губернским секретарям, тайным и статским советникам, хапугам-лавочникам и пронырливым чиновникам, владельцам мастерских и хозяевам фабрик, управляющим и директорам акционерных обществ, купцам всех гильдий и попечителям богоугодных и прочих заведений. Было отчего съежиться, потерять покой. Вчера, двадцать шестого октября тысяча девятьсот семнадцатого года от Рождества Христова, в городе шрапнельным снарядом разорвалась страшная весть – в Петрограде скинуто Временное правительство, власть взяли Советы...

Советами называются, а с ними не посоветовались, нужна ли новая власть.

По ним так и старая была хороша – на собственность не покушалась, рабочему быдлу поблажки не давала, войну обещала до победного конца. А значит, на военных заказах пожить можно, только не зевай, расторопней будь.

И вот на тебе – Советы, чтоб они сгнули. Чего хорошего ждать, если в них теперь большевики заправляют? Большевики – слово-то какое страшное. Так ознобом до костей и прохватывает.

Что за дни наступили: нынче не знаешь, что завтра ждет – венец или конец. Может, и не стоило царя-то скидывать? Может, с ним-то, помазанником божьим, поспокойней бы жилось? Как-никак триста лет Романовы правили, знали толк, как держать народ в узде. Что нам царь – в карман залез?

А Временное – оно и есть временное. Доболтался, долюбовался собой адвокатишка Керенский, проморгал, как из-под него премьерское кресло вышибли. Эх, знать бы, что рабочий в октябре плечом в сторону отпихнет, так в феврале красный бант не нацепляли бы, не били бы себя в грудь – мы тоже за демократию. Кому нужна такая демократия.

Вон она чем обернулась – временному Керенскому взамен большевистские Советы идут! Не навсегда ли? Пронеси и помилуй! – крестились обыватели – людишки, что ели и пили до обморочного состояния, по субботам парились до того, что мозги набекрень, уповали на авось и на Бога. С тоской и страхом прислушивались к сильным шагам красногвардейцев...

Впереди светлела, поблескивая крестами, многоглавая церковь Ильи Пророка.

Бывший губернаторский особняк, или Дом народа, как его стали называть после Февральской революции, стоял на самой набережной. Оттуда, с Волги, в город врывался знобкий ветер, хлестал по щекам, сбивал дыхание.

Быстро пересекли Ильинскую площадь, сгрудились возле церковной ограды. К ней почти вплотную подступал губернаторский парк. Командир послал туда молоденького красногвардейца в солдатской папахе, старой бабьей кацавейке, подпоясанной офицерским ремнем.

Парнишка снял с плеча винтовку, отдал ее Тихону. Потом поглубже засунул в карман красную нарукавную повязку красногвардейца и исчез в темноте.

Вернувшись, доложил командиру простуженным, сиплым голосом:

– В парке пусто. У входа с набережной солдаты толкуются.

– Что делают?

– Курят да лаются.

Лобов дернул козырек фуражки, приказал:

– Цепью, в затылок за мной. И чтобы ни звука...

Бесшумно, теньями проскочив в парк, затаились за черными стволами деревьев. Через паутину голых, общипанных ветром ветвей просматривалась задняя стена губернаторского особняка. Ярко отливали желтизной окна верхнего, третьего этажа. Слева и справа ко второму, окна которого чуть процеживали свет, двумя растянутыми подковами вели каменные подъезды с перилами. Окна первого этажа были темны.

Убедившись, что отряд не заметили, Лобов подвел красногвардейцев к левому подъезду. Постучал в дверь – она тут же открылась.

Мимо скуластой женщины в красной косынке прошли в комнату с окнами в зал заседаний. На руках внесли сюда и «максим».

Вместе с парнишкой, которого Лобов посылал в разведку, Тихон на корточках пристроился за пузатой, обитой обручами кадкой с землей. С любопытством огляделся по сторонам. Кадками была заставлена вся комната. Из них поднимались причудливые растения, каких Тихон и не видывал раньше.

Одни были похожи на деревья с мохнатыми стволами, другие ветвились кустарником. Листья, большие и широкие, как лопухи, вытянутые, как осока, и толстые, словно из воска, сплетались над головой, закрывая потолок.

Запахи ванили, камфоры и лимона смешались в такой крепкий настой, что Тихон чуть не чихнул, едва удержался, ткнувшись носом в рукав куртки.

– Где это мы? – шепотом спросил он соседа.

– В зимнем саду. Губернатор тут всякие растения выращивал, которые и зимой цветут.

– А разве такие есть?

– Есть, только не нашенькие, а заграничные.

– Две широкие двери зачем-то. Одной бы за милую душу хватило, – по-хозяйски рассудил Тихон.

– Сказывают, губернатор сюда прямо из парка на лошадях в одну дверь въезжал, а через другую выезжал.

– А ты откуда все знаешь? – покосился Тихон на парнишку. Был он примерно одного с ним возраста, но низенький, в строю они на разных флангах стояли. – С губернатором чаи распивал?

Парнишка хоть и уловил в голосе Тихона недоверие, но не обиделся, пояснил:

– Я в феврале его превосходительство князя Оболенского арестовывал здесь. Не один, конечно...

Теперь с завистью, уважительно посмотрел Тихон на неказистого красногвардейца. Повезло человеку – самого губернатора свергал. А Тихону и похвастать нечем. Не рассказывать же, как с обезоруженными рабочими пристава Зеленцова погоны сдирал. Не велика заслуга.

– Интересно получается, – вслух размышлял Тихон. – В Питере – Зимний дворец, здесь – зимний сад.

– Теперь они свое везде отзимовали.

– А ну, тише вы! – цыкнул на них Лобов.

Через окна и застекленные двери голоса выступающих сначала доносились приглушенно. Но страсти накалялись, ораторы говорили все громче, все энергичней бросали слова в переполненный, прокуренный зал. Чтобы слышно было еще лучше, красногвардейцы открыли широкие форточки.

У стен толпились солдаты с винтовками, лица угрюмые, усталые, заросшие щетиной. На ораторов смотрят исподлобья, подозрительно, перебивают их криками, бьют прикладами винтовок в паркетный пол.

Вверху, на антресолях, где во время губернаторских балов сверкал трубами оркестр, засела эсеровская дружина. Шарят по залу злые глаза, лакированными козырьками поблескивают фуражки лицеистов. Из-за высокого барьера высовываются вороненые дула винтовок.

В первых рядах, напротив президиума, депутаты понарядней – белые манишки, ухоженные бороды, пенсне. За ними – рабочие депутаты, представители фабричных и заводских комитетов. Вскликивают с мест, разгоняют руками табачный дым, рвут на жилистых шеях черные косоворотки.

Над столом президиума захлебывался колокольчик, под ударами разгоряченных кулаков вздрагивала фанерная трибуна, от криков дрожали, посверкивая, хрустальные подвески на бронзовой люстре.

Одни выступающие призывали немедленно, сегодня же, передать власть Советам, поддержать революционный Петроград. Другие яростно твердили, что это преждевременно, что это будет самоубийством Советов. Третьи голосили по Временному правительству, почему зря ругали большевиков.

Четвертые, видимо, и сами не понимали, чего же им надо, – под сурдинку крыли и большевиков, и меньшевиков, и Керенского. Или с умыслом запутывали других.

И неясно было, чье мнение возьмет верх, за кем пойдут депутаты.

Из президиума выкатился к трибуне «вождь» городских меньшевиков Савинов – розовый, упитанный, с мокрыми губами. Раздувая глянцевые щеки, раскатыстым «р» застрочил по депутатам:

– Нечего нам на питерцев равняться! У нас в губернии совершенно другие условия...

– Какие? – спросили из зала.

Савинов словно с разгона на стену налетел:

– Попрошу без неуместных вопросов. Вспомните, товарищи, поддержали ли они революцию в пятом году, когда вы не на жизнь, а на смерть бились здесь с жандармами, когда в Москве истекла кровью Пресня? Нет, они отсиделись за вашими спинами. А теперь, когда надо бросить все силы на борьбу с Германией, они коварно свергают законное Временное правительство и тем самым катастрофически ослабляют Российское государство. Это – прямое предательство!

Из зала – нарастающей волной – крики:

– Сам повоюй!..

– Отъелся, как боров на барде!..

– В шею меньшевика!..

Голос Савинова утонул в криках.

Так и пришлось меньшевику, не досказав, что хотел, вернуться на свое место.

Только шум отхлынул – к трибуне поднялся тот самый парень в путевой тужурке, который вызвал красногвардейцев.

– Ну, держись! Сейчас товарищ Павел врежет меньшевикам и эсерам по первое число, – оживился парнишка в кацавейке, подтолкнул Тихона локтем.

Но не успел большевик начать свое выступление, как с антресолей упал ломкий тенорок:

– От какой партии говоришь?

– Я член партии большевиков, – раздельно произнес товарищ Павел, в улыбке полыхнул белыми зубами.

– Тебя вместе с Лениным в пломбированном вагоне привезли, – слышался с антресолей тот же неустоявшийся голосишко. – Кайзеровский шпион!..

– Долой!..

– Пущай говорит!..

– Бросай шпиенов в окошко!..

Товарищ Павел сунул руки в карманы распахнутой тужурки. Стоял, раскачиваясь с носков на стоптанные каблуки, ждал тишины.

Крикуны утомились, свистели только с антресолей. Из зала кто-то зверским басом гаркнул:

– Галерка! Цыц!

Свистуны смолкли.

– Умеют меньшевики и эсеры всё с ног на голову ставить, – как гвозди в дерево, вбивал слова в прокуренный зал товарищ Павел. – Вон что выдумали – питерцы в пятом году революцию не поддержали! Врешь, Савинов, революция в Петрограде началась с Кровавого воскресенья! Только твои же дружки – меньшевики из Петроградского Совета – выступили тогда против восстания. Вы, меньшевики, и у нас в городе мутили воду, и в Москве распустили свои дружины раньше, чем настоящие бои начались. Так что не рассказывай нам, кто за нашими спинами отсиживается. Ты сам тогда за границей ошивался, от страха из теплого европейского нужника не вылезал...

В зале громыхнул такой смех, будто лопнул котел под давлением.

Но на помощь Савинову уже спешит к трибуне заволжский меньшевик Михаил Алумов. Черный картуз зажат в кулаке, глаза под густыми бровями сосредоточенные, пронзительные. Под суконным пиджаком светлая рубашка навыпуск, начищенные сапоги без морщин, поскрипывают.

Не поймешь сразу – или простой рабочий во все лучшее оделся, или интеллигент зачем-то рабочим вырядился.

– Наш пострел везде поспел, – покрепче перехватил винтовку Тихон.

– Земляк? – спросил парнишка.

– Инженер из наших мастерских. Таких земляков только на мушке и держать. Умеет мозги наизнанку выворачивать...

И точно: опытный оратор, Алумов заговорил веско, доходчиво. Слушая его, согласно закивали солдаты. По самому больному ударял меньшевик – говорил о земле, которая непаханной лежит и ждет крестьянина, одетого в солдатскую шинель; о мире, которого жаждут матери и жены-солдатки; о том, что в войне, развязанной царем, уже пролиты реки русской крови.

– Правильно! Попил Николашка мужицкой кровушки! – раздалось из толпы солдат.

– Германский империализм – оплот международного капитала – еще не разбит, – размахивал картузом Алумов. – Он зорко следит за делами в России и готов в любую минуту задуть революцию!..

Алумов сделал паузу, перевел черные глаза на окно, где с набережной голой веткой постукивал в стекла высокий тополь. И многие в зале тоже посмотрели на окна – и вправду, не подглядывает ли оттуда международный капитал?

– Я за власть рабочих и крестьян! – напряг голос Алумов. – Я за власть Советов!.. Но я против, чтобы Советы сегодня взяли власть в свои руки!..

Зал притих. Стало слышно, как кто-то в нетерпении скребет каблуками по полу.

– Мы не созрели для управления! У нас нет опыта! У нас нет грамотных людей! Взять сейчас власть – что породить анархию!.. Развал!.. Разруху!.. Сыграть на руку немцам!.. Я тоже за мир, но за мир, заключенный на развалинах Берлина, на костях Вильгельма Гогенцоллерна!

Шаркая ногами, как смертельно уставший человек, Алумов подошел к столу президиума. Савинов услужливо подвинул свободный стул, одобрительно похлопал по плечу. Алумов сел, подперев лобастую голову крепкой рукой.

Из первых рядов, с антресолей бурно хлопали, ретивые повскакивали с мест. В зале, среди рабочих депутатов, хлопки реже. Солдаты чесали затылки, о чем-то переспрашивали друг дружку. Видимо, так и не поняли Алумова – воевать им до победного конца, за чертовы Дарданеллы, или нет?

– Этот будет похитрей Савинова, – вполголоса сказал пожилой красногвардеец. – По усам помазал, а в рот не угодил. Ловкий...

Опять прорывается к трибуне товарищ Павел, спрашивает зал:

– Можно, я задам три вопроса?

– Давай, парень! – поддержали его в рядах, где сидели рабочие.

– Кто из вас за войну до победного конца?

– Дураки перевелись!.. – злыми голосами ответили солдаты.

– Большевики тоже против войны! – улыбнулся товарищ Павел. – Еще вопрос... Нужна вам земля?

– Как же мужику без земли? – чуть не выронил винтовку солдат в прострелянной, с оторванным хлястиком шинели. – Кормилица, чай...

Товарищ Павел повернулся к нему.

– Большевики за передачу всех помещичьих земель трудовому крестьянству!

– С этим мы согласные, это нам подходит, – закивал солдат.

– Последний вопрос... Кому нравится не на себя, а на фабриканта, на заводчика за гроши по двенадцать часов ломить?.. Нет таких?.. И большевики за то, чтобы фабрики и заводы принадлежали не Карзинкину, не Дунаеву, не Вахромееву, а всему народу! Так вот, товарищи, – ни мира, ни земли, ни свободы мы не получим без немедленного перехода всей власти к Советам!..

Антресоли и первые ряды взорвались свистом, улюлюканьем. Сизый табачный дым колыхнулся от истошных криков:

– Шпион!..

– Долой!..

– Арестовать!..

С места в президиуме поднимается длинный, как жердь, с вытянутым лошадиным лицом и захватистыми руками вожак местных эсеров Лаптев. Закричал, перекрывая шум в зале:

– Брать власть Советам – безумие, они не для этого созданы! Если большевики будут настаивать на своем, нам придется, чтобы выполнить народную волю, применить к ним силу!..

– Всадить пулю меж глаз, тогда узнает, какова народная воля, – не выдержал Тихон.

Лобов шикнул на него.

Эсеровские дружинники на антресолях защелкали затворами винтовок, взяли под прицел товарища Павла. Он мельком посмотрел в темные окна зимнего сада, кашлянул в кулак и сказал, покачиваясь с носков на каблучки:

– Хватит, господа меньшевики и эсеры, нас пугать. Большевики не из пугливых. Да и бояться нам нечего – мы находимся под надежной охраной вооруженных рабочих.

В ту же секунду по команде Лобова красногвардейцы распахнули окна настежь, направили винтовки на эсеровскую дружину. Кто-то на антресолях пытался скомандовать, но споткнулся на слове и замолк – туда целился рифленным стволом поднятый на подоконник «максим». Один красногвардеец уже ухватился за гашетку, другой держал наготове пулеметную ленту.

Зал замер. И вдруг раздался оглушительный звон: промедлив, выбираясь из-за кадки, Тихон последним вскочил на тесный подоконник, плечом надавил на стекло, и осколки посыпались на паркет!

Меньшевики и эсеры в президиуме повскакивали с мест. Савинов, сидевший с краю, у самого окна, метнулся к противоположной стене.

– Ну, едрена вошь, напужали меньшевика! – протянул солдат в шинели с оторванным хлястиком. – Никак, теперь заикой сделается.

Солдаты расхохотались, спало напряжение в зале.

Бледный и злой, Савинов вернулся на свое место, что-то возбужденно зашептал мрачному Лаптеву. Тот барабанил по столу костистыми длинными пальцами и молчал, поглядывая то на эсеровскую дружину, то на красногвардейцев. Словно бы прикидывал, чья возьмет.

– Красногвардейцы пришли сюда с одной целью – поддержать революционный порядок, – опять заговорил товарищ Павел. – Что же касается того, будто большевики законное правительство свергли, то я по-простому скажу, по-рабочему... Какое же оно, к чертовой бабушке, законное, если мы от него ни мира, ни земли, ни свободы не получили? Правильно в Питере сделали, что разогнали этих временных. Сухой сучок это, а не правительство, отломить его – да в огонь! От имени фракции большевиков предлагаю немедленно передать власть в городе и губернии Советам рабочих и солдатских депутатов!..

На голосование были поставлены еще две резолюции: эсеровская – против передачи власти – и меньшевистская – о несвоевременности перехода власти к Советам.

Тихон заметил – к Лобову подошла женщина, открывшая им дверь в зимний сад. Что-то сказала на ухо и вернулась в зал.

Командир на секунду задумался. Дернув козырек фуражки, принял решение, подозвал к себе Тихона и парнишку, с которым они сидели за кадкой.

– Минодора, работница с ткацкой, узнала, что меньшевики и эсеры хотят сорвать голосование. Вероятней всего, отключат свет. Соберите в доме все керосиновые лампы, все свечи – и сюда. Ясно?

– Сделаем, – закинул Тихон винтовку за плечо.

– А вот винтовочки оставьте.

– А если полезут?

– Кулаки-то на что?..

Но и кулаки не потребовались, через полчаса ребята стащили в зимний сад около десятка свечей, дюжину керосиновых ламп. И вовремя. Только начали подсчитывать голоса – люстра в зале погасла.

– Зажигай, – приказал Лобов.

И зал осветился неровным светом ламп и свечей, на стенах и потолке задвигались огромные тени.

Лаптев и Савинов зашныряли между рядами, зашущукались. На антресолях шумит, ругается эсеровская дружина. Алумов туда-сюда ходит вдоль стола президиума, нервно потирает вспотевший лоб.

И вот поднимается председательствующий:

– Большинством голосов принята резолюция о передаче власти Советам!..

От крика и свиста гаснут свечи. Савинов, задев стулья, бежит к трибуне:

– Мы опротестовываем результаты голосования. Подсчет сделан неправильно!..

– Обман!

– Подтасовка! – вторят с мест эсеры и меньшевики.

Неожиданно вспыхивает люстра. Табачный дым ест глаза, чадят непогашенные керосиновые лампы. Шум не утихает, волной перекачивается от стены к стене, бьется в оконные стекла, за которыми брезжит пасмурный рассвет.

Товарищ Павел весело бросает в зал:

– Большевики не против, давайте переголосуем. Кстати, для сведения: возле электрошита мы поставили красногвардейца с винтовкой!..

За резолюцию большевиков голосуют восемьдесят восемь депутатов. За резолюцию меньшевиков и эсеров вместе – сорок шесть.

Принимая новую власть, бьют в натруженные ладони рабочие. Отставив винтовки, дружно хлопают солдаты и красногвардейцы. Минодора, работница с ткацкой фабрики, машет над головой красной косынкой. Рядом, без фуражки, стоит Лобов и молча улыбается.

Шум такой, что Тихону начинает казаться: еще немного – и звонкие хрустальные подвески на огромной люстре солнечными лучами брызнут во все стороны.

– Посеяли ветер – пожнете бурю! – пугает Савинов.

– Социалисты-революционеры снимают с себя полномочия членов Совета! – вскакивает Лаптев.

– Не застите свет, господа! – кричит им товарищ Павел. – Идет наша, пролетарская революция!..

Меньшевики и эсеры демонстративно покидают заседание Совета.

Следом, гремя прикладами и матерясь, скатилась с антресолей эсеровская дружина!..

Было уже утро, когда красногвардейцы вышли из губернаторского особняка, построились на смотровой площадке, нависшей над крутым волжским откосом. От Волги тянуло холодом, ветер гнал по набережной последние листья и обрывок кадетской газеты «Голос».

– Спасибо, красногвардейцы! – обратился к ним товарищ Павел. – Это хорошо, что дело обошлось без выстрелов. Кто стекло разбил?

– Я, – потупился Тихон. – Случайно... Замешкался...

– А вышло в самое время. Только, думаю, меньшевики и эсеры не утихомятся, возни много будет. Да и не только с ними. Так что, красногвардейцы, ваши винтовки еще нужны революции!..

Генерал

Красногвардейцы арестовали губернского комиссара уже не существующего Временного правительства. Только проводили его в тюрьму – объявился заместитель, генерал Маслов. И этот начал вредить новой власти. Отряду Лобова поручили арестовать генерала.

Вошли в губернский комиссариат, открыли дверь в кабинет – Маслов, одетый в белую черкеску, перетянутую ремнем с кожаными ножнами, даже головы не повернул. Что-то пишет за столом, будто очень занятый.

Лобов подошел к нему, заглянул в бумаги и с вежливой издевкой спросил:

– Извините за беспокойство. Что изволите писать, ваше превосходительство?

Генерал презрительно оглядел его от фуражки со звездочкой до сапог, но все-таки ответил:

– Подписываю ассигновки на выдачу денег из казначейства.

– Если не секрет – кому?

– Городской управе и духовной консистории.

Лобов присвистнул, сдвинул фуражку на затылок.

– А, собственно, зачем вы сюда явились? Какое вам дело до того, чем я занимаюсь? – задавал Маслов вопросы, суетливо перебирая бумаги на столе.

– Какое дело? Да самое прямое – деньги-то вы, генерал, наши выписываете.

– Что?!

– Вы своими руками, извиняюсь за выражение, ни шиша не сделали. Вот и выходит, что рабочими денежками распоряжаетесь, – спокойно объяснил Лобов, рассматривая бархатные шторы на окнах, портреты в тяжелых рамах, мраморный письменный прибор на столе из красного дерева, лепные украшения на потолке.

– При чем здесь вы – и городская управа?!

Лобов поправил на плече ремешок от маузера.

– Правильно, ерунда получается – городскую управу мы только что разогнали. И этой самой духовной консистории не стоит денег давать, поскольку Бога нет. Кому же, спрашивается, вы ассигновки выписываете и на каком основании?

Маслов не сразу нашелся, что и сказать.

– На основании законов Российской империи! – выскочил он из кресла, будто его пружиной вышибло.

– Опять чепуха выходит, – урезонил Лобов. – Российская империя приказала долго жить, и все ее законы советской властью отменены.

– Не признаю я ваших Советов!

– А подчиниться придется.

– Я Временным правительством уполномочен!

– А разве мы спорим? Вы были уполномочены правительством временным, а мы постоянным, во главе с Лениным. Так что сдавайте дела новой власти, настоящей.

Маслов бросился к телефону на стене, бешено закрутил ручку.

– Если в губернскую милицию звоните, то зря – мы ее тоже разогнали, – поставил в известность Лобов, расхаживая по кабинету. – И полковника Ланцова – начальника гарнизона – попусту не беспокойте. Бесполезно.

– Что с ним?

– Сидит дома, уволили мы его. Дал честное слово, что против советской власти выступать не будет, а то бы встретились с ним в Коровниках. Собирайтесь, ваше превосходительство.

– Не имеете права! Я буду жаловаться!

– Уж не Керенскому ли? – улыбнулся Лобов. – Ну, несдобровать мне... Вагин! Веди арестованного в тюрьму.

Только Тихон подошел к генералу – тот выдернул из ножен длинный кинжал, замахнулся. Тихон едва успел перехватить руку генерала, кинжал упал на ковер.

– Это насилие! Бандиты! Никуда не пойду!

Тихон молча винтовкой подтолкнул Маслова к дверям. Вывел на улицу и предложил всерьез, без улыбки:

– Если желаете – наймите извозчика.

– Зачем? – не понял генерал.

– До Коровников далековато. Как бы вам не устать, ваше превосходительство.

Маслов выкатил глаза.

– Нанимать извозчика за свой счет, чтобы он меня же в тюрьму вез?

– А что такого? – удивился Тихон. – С какой стати я буду раскошелиться?

– Ни за что!

– Было бы предложено. Тогда уж извините – шагом марш! – И Тихон пешком повел последнего представителя старой власти в тюрьму.

Дома

Неделю не было Тихона дома, в Заволжье. Как пришел, мать расцеловала, прослезилась:

– Слава-те господи, живой! Все сердце изболелось за тебя, окаянного...

– Чего со мной случится? Чай, не на фронт уходил, – проворчал Тихон, а сам тоже соскучился по дому.

Да и устал крепко. Снял задубевшие от грязи сапоги, умылся, сел за стол, накрытый по такому поводу скатеркой.

Сестра Нина на радостях, что брат вернулся живой и невредимый, надела за ситцевой занавеской вышитую кофточку.

Мать налила сыну щей не в общую глиняную миску, а в отцовскую тарелку, которую берегла пуще глаза. Села справа от Тихона, сестра слева. В комнате тепло, печь выбелена чисто, на полу мягкие половики, на сундуке кошка гостей намывает. На стене постукивают ходики с кукушкой. Но кукушка давным-давно не кукует.

Еще мальчонкой Тихон хотел ее «уловить», сунул в дверцу гвоздем – кукушка и поперхнулась.

Хорошо Тихону дома. В отряде-то всё вобла да чай с сахарином, а здесь – щи. Хотя и без мяса, но вкусные: мать в них побольше жареного луку положила и свеклы для цвету. Хлеба, правда, маловато.

В сенях кто-то зашаркал, постучал в дверь. Нина пошла открывать. Вернулась с Иваном Алексеевичем Резовым – токарем из Заволжских мастерских, где работал Тихон.

– Вечер добрый, Вагины, – поздоровался старый рабочий. – Вот на огонек заглянул.

– Садись к столу, Иван. Щи у меня сегодня вроде бы удались, – захолопотала мать.

– Спасибо. Только что отужинал, и не уговаривай, – повесил Резов картуз на гвоздик, сел на лавку у самых дверей. Потом оторвал узкий клочок газетки, скрутил сигарку и задымил, словно только за этим и пришел.

А сам ждет рассказов Тихона. Не удалось ему быть в Доме народа, когда там советскую власть утверждали: вместе с другими заволжскими красногвардейцами охранял мастерские, следил за порядком в поселке. Мало ли что могла старая, временная власть в свой последний день выкинуть?

Иван Алексеевич в доме Вагиных частый гость – с отцом Тихона с малолетства дружил, до самой смерти Игната. Когда Тихон подрос, устроил его в мастерские.

Сидит на лавке, сквозь дым посматривает на парня. А Тихон – ни слова. Помнит – отец за едой никогда не разговаривал. Степенно доел щи, мать кружку заваренного сухим зверобоем чаю подала, а к нему – целый кусок сахара. Чем не пиршество?

Чтобы растянуть удовольствие, Тихон старенькими шипчиками расколол сахар на мелкие кусочки, выпил вторую кружку.

Отогрелся, разговорился. И про зимний сад рассказал, в который губернатор на лошадях въезжал, и как выдавил плечом дорогое «бемское» стекло, и как уговаривал арестованного генерала до Коровников на лихаче прокатиться. Мать ахала, качала головой, всплескивала руками. Сестра прямо в рот смотрела.

Иван Алексеевич кашлял от дыма и недовольно пощипывал реденькую бородку. Наконец не выдержал, остановил Тихона:

– О деле толкуй, а не о том, как стекла бил. На это ты с детства мастак. Я у тебя рогаток поломал – печь топить можно. Кто от большевиков выступал? Кто против?..

Хорошая память у Тихона. Почти слово в слово повторил, что говорил Алумов, показал, как тряс щеками Савинов.

Иван Алексеевич выпрашивал подробности, ругал Алумова:

– Вот как жизнь по местам расставляет – когда-то я с ним в одном кружке занимался, вместе рабочих на маевки собирали. А и тогда душа к нему не лежала. Скользкий человек, с темнинкой на душе. Начнет говорить за здоровье, а кончит за упокой. Но это еще, думается мне, цветики. Теперь от него любых пакостей жди.

– Отошло его время, дядя Иван. Руки короткие, чтобы пакостить, наша теперь власть.

– Эх, молодой ты еще, зеленый.

Мать охотно поддакнула:

– И не верится, что вырастет, мужиком станет. Ты ему, Иван, винтовку доверил, а он с Сережкой-соседом голубей порывается гонять.

Тут и сестра оживилась, свое вставила:

– Мне и подружки говорят: чудной у тебя братец – то по поселку с винтовкой ходит, нос задравши, то на Росовском выгоне с мальцами в лапту гоняет. А они все – вот! – Сестра показала вершок от пола.

– Давно ли играл-то? – поинтересовался Резов.

– Да этим летом, – ответила за Тихона сестра.

Тихон покраснел, начал оправдываться:

– Ну сыграл разок. Так это же я, дядя Иван, не для развлечения, а на пользу дела. Потом ребятишкам рассказывал, кто такие большевики, про товарища Ленина.

Резов успокоил парня:

– Что с ребятишками играешь – греха нет. Веселись, пока молодой. Я вот старьей, а иной раз в городки так бы и сразился. Но глаз уже не тот, и рука ослабела. А ребята, слышал, тебя любят.

– Его и девушки любят, – не удержалась Нина. – Очень даже... насчет Красной гвардии интересуются.

Особенно Шурочка, так и пристает – где Тиша? Где Тиша?

– Вот еще, нужна мне твоя Шурочка, – вспыхнул Тихон.

А сестра все не унимается:

– В Сосновом бору гулянье было – так никого станцевать и не пригласил. На качелях покачался – и был таков.

– И правильно сделал, – поддержала мать Тихона. – Рано ему еще с барышнями гулять, молоко на губах не обсохло.

– Так это же, мама, для пользы дела, – шутила Нине. – Глядишь, и девушек бы политике обучил...

Рассмеялся Иван Резов. Простившись, ушел домой.

Частенько поругивал он Тихона, а любил – от правды не отступится, характером весь в отца. И ростом, и силой выдался в него – Игнат шутя царские пятаки гнул. Только у Тихона лицо белое, чистое, как у девки. И смешливый, чуть что – так и прыснет. С мальчишек первый закоперщик во всех проказах, но добрый. Наверное, потому и тянулись к нему сверстники, следом за ним в Красную гвардию пошли.

Трудное было время – городские власти всех собак спустили на первых красногвардейцев. Эсеры вредили открыто, меньшевики из-за угла, тишком. Свои дружины вооружали до зубов, а рабочим-большевикам мешали, как могли, натравливали на них обывателей.

Немало и в мастерских было тех, кому в жизни светил только кабак, – неудачников «питерщиков», как их презрительно звали кедровые рабочие. Эти уже хлебнули в столице сладкой жизни – обсчитывали клиентов, обманывали хозяина, копили грош к грошу. Открывали свой буфет, а то и лавку. Разорившись, возвращались назад, опять впрягались в ненавистную рабочую лямку.

Другие, хоть и не видели шикарной питерской жизни сами, но, наслышавшись восторженных рассказов бывшего полового из трактира на Мойке или приказчика из модного магазина на Невском, выброшенного хозяином за воровство, тянулись к легкой жизни в мечтах.

Подражали питерщикам – лаковые сапоги с голенищами-«самоварами», холщовая рубаха под кушак, на рубеле накатанные до блеска брюки, на лбу намусоленный вихор, в глазах лакейская наглость. Среди таких вот находили себе опору и эсеры, и меньшевики.

У честных, думающих рабочих не было иного пути, как с большевиками. Весною отправлялись артелью в Питер по шпалам, а осенью, бывало, возвращались назад без гроша в кармане, но поумневшие. Встречались им в столице добрые люди, объясняли, почему одни с жиру бесятся, а другие впроголодь живут.

До многого доходили и своим умом, понимали, что поодиночке справедливости не добьешься. Становились большевиками, шли в Красную гвардию. А это было небезопасно: комиссары Керенского грозились арестовать красногвардейцев, хозяева выгоняли с работы.

По рекомендации Резова Тихона взяли в центральный отряд Красной гвардии. Отработав день в мастерских, Тихон переправлялся через Волгу и дежурил в штабе на Стрелецкой. Ночь отдохнув, опять шел в смену.

Доставалось Тихону. Когда выпадало беспокойное дежурство, валился с ног от усталости. Но не жаловался. Иван Резов слышал от Лобова, что и тот доволен парнем – от опасности не прячется. «Вот только горячий, лезет на рожон, не подумавши. Так это со временем пройдет, – думал старый рабочий. – В восемнадцать лет кому море не по колено, сам таким был».

Зимой

В первых числах нового, восемнадцатого года на воротах Заволжских мастерских вывели обращение городского Совета. Ветер обрывал углы серого бумажного листа, хлестал по нему снежной крупой. Резов и Тихон торопились в смену, но возле обращения задержались, притопывая от мороза, прочитали:

«Буржуазия и ее прихвостни всеми мерами стараются выкачать из банков денежные средства, чтобы поставить советскую власть в критическое положение. Товарищи рабочие! Вы должны установить контроль над каждой поступающей и расходуемой копейкой».

– Спихватились вчерашний день догонять, – бурчал потом Резов.

– Чем недоволен, дядя Иван? – удивился Тихон. – Теперь буржуи не рыпнутся. А ты ворчишь, как старик Дронов.

Столяр Дронов – фигура в Заволжье известная, каждый мальчишка его знает. Желчный, ехидный старик. До Февральской революции царя по-всякому чистил, потом – Временное правительство, а после Октября за большевиков принялся.

– Балаболка ты, Тишка, – обиделся Иван Алексеевич, что его с Дроновым сравнили.

А через день красногвардейцам центрального отряда было приказано опечатать банковские сейфы, участвовал в этом и Тихон. И понял: не зря тревожился старый рабочий – сейфы оказались уже пустыми.

– Куда городская власть раньше смотрела? – возмущался Иван Алексеевич. – Сейфы надо было еще в декабре опечатать, когда декрет о национализации банков вышел. А у нас дали буржуйам все вклады растащить.

Тихон и сам не мог понять, как же так получилось.

– Ничего, дядя Иван. Мы их за это контрибуцией ударим.

Контрибуцию собрали. И пуще озлобилась городская буржуазия. Как проказой, заразились от нее ненавистью «служилые люди», из тех, которые себя – соль земли – считали тоже обиженными новой властью: преподаватели гимназий, мелкие чиновники, прочие.

По городу змеями ползли слухи, сплетни:

– В Совдепе каждый день пьянки, окна завесят – и при свечах...

– Германский кайзер нашим большевичкам за предательство прислал вагон денег и вагон кожных пиджаков...

– В городе голодуха, а совдепщики жрут в три горла. Как с утра вскочут – и зернистую икру ложками...

– В Продуправе крупчатки, масла топленого – ужас сколько! Мыши, крысы жрут, а людям – нет!..

Чем нелепее, диковиннее слух, тем ему легче верят.

Вышел декрет об отделении церкви от государства. Попы – как осатанели, большевиков с амвона антихристами объявили. А в городе, в котором было столько церквей, что казалось – кресты на раздутых куполах держат здесь небо, сила у попов была. Им подпевали монархисты. Спевшись, контрреволюция бросила открытый вызов...

С утра в штаб на Стрелецкой стали поступать тревожные, настораживающие сообщения: в разных местах города вроде бы стихийно собирались возбужденные чиновники, лавочники, бывшие офицеры.

У Знаменских ворот поминают скинутого царя:

– Николашка хоть и дурак был, а жить другим давал: хочешь – торгуй, не умеешь – ходи с шарманкой...

Возле Спасского монастыря надрывается золотушный монах:

– Мощи князя Федора и чад его по ночам шевелятся, из раки тройной стон слышится...
Близок, близок судный день!

На Власьевской скорбят по Учредительному собранию:

– Ладно – Керенский нехорош, так Учредилровку давай! Большевиков там только четверть оказалась, вот они ее и разогнали, узурпаторы...

– Господи! Болит душа за матушку Расею, – слезливо тянет рядом хозяин ювелирного магазина «Ваза». – По всей вероятности, отдадут мой магазин приказчикам. На старости лет по миру пустят...

У театра, боязливо озираясь по сторонам, отводят душеньку трое интеллигентов. Представительный, из «лицейских преподавателей», шепчет:

– Декреты выпускают – один ужаснее другого: то об отнятии земли, то о низведении офицеров до солдатского положения, то о запрещении Закона Божьего. Почитаешь такое – волосы дыбом!

Другой, опухший от сна, брызжет слюной:

– А я теперь не читаю. Гори все синим огнем!..

– Напиться да забыться, – поддержал квелый, с сизым носом.

Особняком от других – еще толпа. Тут «матушку Расею» даже не поминают – всё о барышах. И свой оратор есть:

– Братья! Кого из вас не штрафовали большевики за спекуляцию? Нет таких: Эрдмана – за махорку, Готлиба – за мануфактуру, Либкеса – за шоколад, Лейбовича – за изюм. Как жить? Как торговать? Нет, не по пути нам с этой босяцкой властью!..

У нотариальной конторы на театральной площади обыватель в шубе и судейской фуражке без кокарды жалуется другому, в шапке, напыленной на уши, в пальто с бобром:

– Что выдумали эти проклятые Совдепы – плати домработнице не меньше пятидесяти рублей! Я выгнал старую, думал – новенькая поговорчивей будет, хватит ей и пятнадцати. А она тоже хвост задрала – давай мои полсотни.

– Ах, зараза! И что же вы?

– Выгнал ее, дуру рябую, а она Совдепам пожаловалась. Так и пришлось по их указу ни за что ни про что выдать ей сто тридцать рубчиков. Каково?

– Господи! Грабят средь бела дня – и жаловаться некому, – посочувствовал обыватель в пальто с бобром...

К полудню разрозненные толпы стали стекаться в одну. Но все пока без лозунга, без идеи. Каждый сам по себе, со своим недовольством, со своей злостью.

Но нашлись люди, которые сумели подобрать для толпы общий интерес. Кто-то крикнул:

– В Продуправе крупчатку раздают!..

Второй, прячась за спины, бросил в толпу:

– Комиссаров – в Волгу!..

Цель обрисовалась. Двинулись по Власьевской в центр, на ходу прихватывая палки, камни. По дороге присоединялись другие.

– Куды, граждане?

– За харчами!..

– Я вот и бидончик взял. Может, постным маслицем разживусь...

На перекрестке возле чайного магазина толпа замедлила шаг, остановилась. Посреди улицы, преграждая дорогу, – парень из тех, кого предлагалось в Волге топить. Стоял, улыбаясь, от холода засунул руки в карманы старенькой путевой тужурки, раскачивался с носков на каблуки.

Толпа насторожилась. Все бы понятно было, окажись за спиной совдепщика солдаты со штыками, пулеметы. Но на улице – хоть шаром покати. Что-то не то! Не так!

– Расходитесь по домам, граждане, – скучно сказал парень. – Взрослый народ, отцы семейств, и образованные есть... Стыдно. Ничего нет в Продуправе. Там и тараканы-то с голоду разбежались...

Некоторые из рабочих, хорошо знавшие товарища Павла, повернули назад. Но влились в толпу приказчики, маркеры из бильярдной, буфетчики.

А тут из-за угла, со стороны Спасского монастыря, еще колонна. Впереди – дюжие хоругвеносцы с белыми лентами на груди, с тяжелыми иконами в руках. В календаре январь, от стужи носы деревенеют, а они, надрываясь, вразнобой тянут пасхальное «Христос воскрес из мертвых...».

Все смешалось, перепуталось. Шагали рядом интеллигент с бидончиком для постного маслица, уголовник с финкой в кармане, монах с иконой Николая Чудотворца.

Пытались два красногвардейца остановить толпу – их измордовали, чуть живых бросили возле Знаменской башни.

Пустив первую кровь, ражие парни в суконных поддевах и полушубках стали звереть, бить всех, кто попадался на пути, встречных и поперечных.

В это время на Мытном дворе росла, пучилась другая толпа. Здесь верховодили бородачи из «Союза Михаила Архангела» – колбасники, трактирщики, лавочники. Вооружившись охотничьими ружьями, гирьками на ремешках, железными тростями, начали с погрома в торговых рядах неправославных.

Красногвардейцев обстреляли, нескольких обезоружили и тоже избili до полусмерти. Хлынули на улицу, на соединение с теми, кто шел от Сенного базара и Спасского монастыря.

Стало ясно – теперь ни уговорами, ни силами центрального отряда Красной гвардии контрреволюцию не утихомирить. По тревоге были подняты все красногвардейские отряды города, штаб связался с солдатскими комитетами.

На Духовской улице отряд Лобова попал в ловушку: погромщики ловко перекрыли проходные дворы, заняли удобные позиции на крышах и чердаках.

Отстреливаясь из маузера, Лобов ругался сквозь зубы:

– Офицерская рука чувствуется. Вон как обложили...

Кончались патроны, ранило одного красногвардейца, другого. Неизвестно, чем бы закончился бой, если бы на помощь не подоспели красноармейцы. Впереди, без фуражки, несмотря на мороз и колючий ветер с Волги, бежал, размахивая наганом, быстрый, проворный человек в накинутой на плечи мятой солдатской шинели.

Под огнем красноармейцев погромщики начали разбегаться. Двоих, засевших на чердаке, удалось скрутить. Точно определил Лобов: оба оказались из бывших офицеров, под гражданским пальто – офицерские кители без погон.

После боя военный без фуражки подошел к Лобову.

– Крепко они вас прижали. Потери есть?

– Трое раненых.

– Легко отделались. Это не лабазники с кассетами – люди опытные. У меня в комиссариате спецов не хватает, а они, сволочи, по крышам лазят...

– Почему без фуражки?

– Забыл второпях. И шинель не моя, какой-то солдатик накинул. Слушай, парень, ты почему такой длинный? – неожиданно обратился военный к стоявшему рядом Тихону.

– Мамка таким родила.

– Родила, а не подумала, что в длинного попасть легче.

– А я тощий, как лопата. Встану боком – не попадут.

Военный с удовольствием рассмеялся.

– Молодец! Нечего пули бояться, вся-то с ноготок. Вот шестидюймовый снаряд в голову угодит – тогда могут быть неприятности...

Построив красноармейцев, повел их к Никольским казармам. Глядя ему вслед, Тихон поинтересовался у Лобова, кто это.

– Военком города Громов.

– Веселый, видать, мужик.

– Жизнь веселая выдалась – полгода в одиночной камере просидел, потом на германском фронте целую горсть георгиевских крестов получил. А их там даром не давали... Такое пережил, что другой, наверное, и улыбаться бы разучился...

Только отряд Лобова вернулся в особняк на Стрелецкой – забренчал телефонный звонок. Ближе других к массивному, в деревянном корпусе «эриксону», укрепленному на стене, сидел Тихон, протирая ветошкой затвор винтовки.

– Штаб? – спросили его шепотом.

– Штаб слушает.

– Срочно красногвардейцев к Продуправе!

– А что случилось?

– Высылайте, – услышал Тихон только одно слово, и разговор прервался – на другом конце поспешно повесили трубку.

Сообщил об услышанном командиру – и получил от него нагоняй:

– Зачем сунулся, если разговаривать по телефону не умеешь? Ничего толком не выяснил. Как теперь быть?

– Ехать надо, по пустякам бы не звонили, – буркнул Тихон.

Лобов задумался, сказал как бы про себя:

– Опять Продуправа. Толпа к ней рвалась, да не пустили...

Посмотрел на красногвардейцев, отогревающихся у буржуйки. Досталось им сегодня – глаза провалились, щеки обветрены, руки красные от мороза.

– Со мной пойдут десять человек! – решил он, приказал завести грузовой «фиат».

Когда подъехали к Продуправе, из-за угла к машине, размахивая винтовкой, бросился человек в башлыке и коротком пальто.

– Сидорин? – в темноте узнал командир рабочего с завода «Феникс», несшего здесь охрану. – Что стряслось?

– Беда, товарищ Лобов. Ворвались человек двадцать, не меньше. И все с револьверами. Я к телефону, вам позвонил.

– Почему не сказал, сколько их? От страха язык отнялся? – сердито выговорил Лобов, вылезая из кабины.

– Не успел. Уже по коридору шли – я в окно выпрыгнул. Смотрю – в проулке еще толпа.

Лобов выругался. Дернув фуражку за козырек, приказал выгружаться. Машину послал в штаб за подкреплением, а сам повел отряд туда, где собралась толпа.

– А как же эти, в Продуправе? – заволновался Сидорин.

– Потом выкурим...

Бежали вдоль заборов и стен домов по тропочке меж сугробов. Снег на улицах убирали плохо, домовладельцы распоряжения большевистского Совета саботировали. Редкие фонари испускали на морозе радужное сияние, освещали только небольшой кружок мерцающего снега под столбом.

Лобов топал впереди, втянув голову в поднятый воротник шинели, придерживая рукой тяжелую колодку маузера. Тихон следом за ним. Винтовку скинул с плеча, держал под мышкой.

Добежали до угла, а там крики, кто-то надрывается:

– Мы всегда за ревалюцию! И Стенька Разин, и Пугачев откель? Из нашего, из крестьянского класса. Они тады еще ревалюцию подымали. А где, спрашиваю, рабочие тады были? У них кишка тонка, они в лопухах сидели...

– Давайте на ту сторону, по одному. Ложись за железную ограду, – шепнул Лобов.

Перебежали, легли в снег, выставив винтовки поверх кирпичного цоколя ограды. Тихон зачерпнул полное голенище снегу, расшиб колено, когда падал у забора, чуть не охнул от боли.

На снегу боль быстро ослабла, зато холодом так всего и прошибает. И застуженные руки – как не свои, указательный палец примерзает к металлическому курку винтовки.

Напротив, в проулке, толпа, человек сто. Под фонарем высоченный мужик в заячьем трухе, в рваном полушубке орет:

– Мы, крестьяне, Расею кормим и поим, а нас совдепы со свету сживают! Хоть бери суму и иди по дворам побираться, хоть ложись и помирай! Будем терпеть аль нет?

– Долой продразверстку!

– Бей комиссаров!

– Красного петуха им!

– Сжечь Продуправу к чертовой матери!

– Тащи флягу карасину!..

Тихон взгляделся в толпу. Одеты по-деревенски, но добротнo, тепло, – кто в дубленом полушубке, кто в тулупе из мазкой, окрашенной овчины. Все в валенках, в крепких сапогах. Лица, не в пример рабочим, сытые, лоснящиеся. Такие по дворам не побираются, сами на базаре втридорога дерут да еще обвесить норовят.

У нескольких винтовки, с десятков охотничьих ружей, человек у пяти обрезы. Некоторые и вовсе с пустыми руками, или, может, за пазухой, под полушубком, наган греется.

Узнал Тихон и того, под фонарем, а заячьем треухе. Подтолкнул командира в бок:

– Эсер Лаптев. Как вырядился, и не узнаешь – мужик мужиком...

Лобов мрачно прикидывал, как быть. Пока подоспеет подмога – наверняка зажгут Продуправу. Десять человек против ста, да еще в помещении человек двадцать, как говорил Сидорин. Но решился – иного выхода не было:

– Ребята! Целься в крыши... Залпом, по моей команде!..

На морозе глухо клацнули затворы, черные стволы пинтонок задрались вверх.

Лаптев заорал опять:

– Братья-крестьяне!..

Только раззявил рот, чтобы продолжить дальше, как Лобов коротко бросил команду:

– Пли!..

Красногвардейцы дружно пальнули – с крутых крыш взметнулся, посыпался снег. Резкий залп бичом стеганул по толпе. Она вздрогнула, отпрянула назад. Еще раз по толпе ударило эхо, отскочившее от широкой стены соседнего дома.

А Лобов командует снова:

– Пли!..

И еще залп по крышам. Фонарь закачался, пятно желтого света заскользило по стенам, по сугробам, выхватило из темноты поленницу дров.

Толпа шархнула в разные стороны.

Кто-то повалился в снег, по нему затопали ножищами. Упавший пронзительно и страшно заверещал, должно быть, поверив в смерть:

– Убили!..

Но Лаптев не растерялся, вертелся в толпе бесом, стрелял из нагана вверх, в ту сторону, откуда раздалась залпы, бил бегущих по головам:

– Стой! Стой, сволочи!.. Их там немного! Голыми руками передушим!..

Несколько бородатых мужиков послушались его, залегли за поленницей. Началась беспорядочная ответная стрельба. Пули зазвенькали по металлическим прутьям ограды, вжали красногвардейцев в снег, загнали за кирпичные тумбы.

Если бы Лаптев знал, что здесь всего десять человек, толпа смяла бы их моментально.

– Головы не высовывать! – приказал Лобов.

Выстрелы становились все реже. И тут в конце улицы вспыхнули два светящихся глаза. Они увеличивались, приближались – это на полной скорости мчался автомобиль с подмогой. Затормозив, радиатором ткнулся в сугроб, из кузова посыпались красногвардейцы.

«Братья-крестьяне» бросились кто куда. Матерясь и размахивая руками, с наганом метался между ними Лаптев, пытался остановить. Но куда там! Мужики неслись мимо него, на бегу бросали в снег ружья, обрезы. Один, чтобы легче бежать, скинул даже овчинный тулуп.

Расстреляв патроны, Лаптев кинулся под арку дома, в темный двор. Тихон и Сидорин побежали за ним. Схватили за ноги, когда эсер пытался перелезть через забор. Лаптев оказался здоров, подмял обоих, в кровь расцарапал Сидорину лицо, Тихона – кулаком в поддых.

Опять повис на заборе, уже хотел перекинуться через него, но тут подоспел Лобов, подобрал лежавшую в снегу винтовку Тихона и ударом приклада оглушил эсера. Тот рухнул в сугроб.

Скрутили руки за спину, связали ремнем. Натерли снегом лицо, насыпали за ворот. Лаптев пришел в себя, начал ругаться, грозить.

– Заткнись, – отдышавшись, вяло бросил Сидорин. – Будешь вякать – насыем снегу в штаны, пугало огородное...

Лаптев съежился, замолчал. Усадили его в кузов грузовика.

Красногвардейцы из подкрепления арестовали еще полсотни кулаков, остальные рассеялись по городу.

Бежали и те, что заняли Продуправу. Они времени зря не теряли – втихомолку, пока Лаптев на улице голосил о потерянных свободах, пытались взломать сейф. Да не успели, в спешке растеряли по лестницам весь инструмент – зубила, сверла, ножовочные полотна.

В сейфе Продуправы, как Лобов узнал потом, было три миллиона рублей из тех, которые красногвардейцы по контрибуции собрали у городской буржуазии.

Но осталось неизвестным, что за люди заняли Продуправу – или уголовники, или эсеровские дружинники. На допросе Лаптев, скаля желтые зубы на вытянутом, лошадином лице, заявил, что никакого нападения не было. А раз в России свобода слова и собраний, то митинговать можно где хочешь и когда хочешь. И к фляге с керосином он лично никакого отношения не имеет.

Но оказалось, что имел. Выяснили это только весной...

Ограбление

В этот день в Заволжских мастерских должны были выдавать зарплату. Однако кассир Кусков задержался в банке, рабочие, ворча и переругиваясь, начали расходиться.

Тихон возвращался домой вместе с Иваном Резовым. В воротах столкнулись с Михаилом Алумовым.

– Наше вам, пролетарское, – приподняв картуз, ехидно поприветствовал он старого токаря и прошел мимо, к конторе.

– Не к добру весел меньшевик, – заметил Иван Алексеевич. – Сияет, как самовар перед праздником.

Только отошли от мастерских – навстречу трое в наглухо застегнутых пальто. Руки в карманах, касторовые кепки надвинуты на глаза, сапоги в грязи.

– Не знаешь, кто такие? – оглянувшись, спросил Розов.

– Впервые вижу, – беззаботно ответил Тихон. – Мало ли людей шлендает.

– Чего бы им шлендать по лужам? – бубнил свое Иван Алексеевич. – По набережной куда сподручней...

Прошли квартал, другой, завернули за угол. И тут услышали выстрелы.

– Где это? – остановился Резов.

– Вроде бы у мастерских...

Старый рабочий, расплескивая лужи, побежал назад, за ним – Тихон.

У ворот их встретил механик Степан Коркин.

– Беда, Иван, кассу ограбили.

– Как ограбили? Кассир же не вернулся.

– Только что подъехал. Внесли деньги в кассу – и сразу трое с наганами ворвались. Охранника наповал, в кассира промазали. Мешок с деньгами прихватили – и через забор в Росовский лес. Кускова водой отпаявает, от страха не очухается.

– А Мишка Алумов?!

– Что Алумов? – не понял Коркин.

– Где он?

– В конторе сидит. Тут стрельба, а он даже не вышел, стервец, лишь в окошечко посмотрел.

– Ладно. Собирай, Степан, красногвардейцев, надо догнать бандюг. Сердце чуяло – не случайно эта тройца забрела сюда...

До Росовского леса дошли по следу сапог, хорошо заметному на вспаханном поле. Но в лесу, где уже вылезла молодая трава, следы пропали. Прочесали его вдоль и поперек – налетчики как сквозь землю провалились.

– Не могли они далеко уйти, искать надо, – упрямо говорил Коркин.

– Может, на дорогу выбрались? – предположил Тихон. – В деревню подались?

– Я бы на их месте не от Волги, а к Волге бежал, – рассудил Резов. – Ночью на другую сторону на лодке махнул – и ищи ветра.

– Между Росовским лесом и Сосновым бором перелесок есть, – вспомнил кузнец Федор Смолин. – А Сосновый бор в самый раз к Волге выходит. Почти на берегу – заколоченная дача Укропова. Не там ли они схоронились? Удобное местечко...

– Веди, Федор, к перелеску, – решил Иван Алексеевич. – Может, следы найдем...

И точно – в одном месте березовый перелесок наискосок прорезал узкий ручей, в грязи возле него ясно были видны следы сапог.

Напились из бочажка – и дальше.

Уже смеркалось, когда подошли к поляне, на которой стояла дача Укропова – несколько деревянных строений, покосившаяся беседка. К Волге, где на светлом песке чернели вытащенные на берег лодки, спускалась по глинистому косоугру развалившаяся лестница с перилами.

Иван Резов остановил отряд. Вслушались в тишину. Упал с дерева сухой сучок, плеснулась рыба в воде. И снова тишина – натянутая, настороженная.

– Я возьму двоих и разведая, – сказал Коркин.

Иван Алексеевич согласился:

– Правильно, незачем всех сразу под огонь. – И добавил: – Если они тут...

Механик назвал Тихона и Смолина. Осторожно подошли к ближнему дачному домику. Он был пуст, стекла выбиты, дверь сорвана. Нудно поскрипывало растворенное окно.

Крадучись, направились к двухэтажному дому с мезонином. Коркин осторожно подергал дверь – не поддавалась. Показалось, что заколочена.

– А-а, черт! – ругнулся механик и саданул плечом. Дверь с треском распахнулась.

– Гришка! Пулемет! Окружили!.. – закричал кто-то на втором этаже.

Коркин вскинул наган и бросился по лестнице. Хлопнул выстрел. Механик споткнулся на ступеньке, скатился вниз, к ногам Тихона, вскочившего в дом следом за ним.

Тихон поднял голову и отпрянул в испуге – на лестничной площадке, широко расставив ноги, с револьвером в руке стоял коренастый мужик в галифе и белой рубахе. Надо стрелять, а Тихона как оторопь взяла, не может поднять винтовку.

Из-за спины выстрелил Федор Смолин. Человек в галифе покачнулся, выронил револьвер и завалился набок.

Тихон пришел в себя, подхватили Коркина на руки, перенесли его за беседку. А сверху, из мезонина, уже строчил пулемет.

Подбежал Иван Алексеевич. Фуражка козырьком назад, в руке наган. Присел рядом с Коркиным.

– Живой?

– Ногу задело, – сказал Смолин. – Надо сапог снять...

Коркин скрипнул зубами.

– С ногой потом, не помру. Не дайте убежать гадам, деньги не упустите...

– Потерпи, Степан, мы скоро, – и Резов, пригибаясь, побежал туда, где залег отряд. За ним – Смолин и Тихон.

Пулеметчик заметил их, прижал к земле. Переползли за домик с выбитыми стеклами, отдышались. Тихон осторожно высунул голову – дуло пулемета с дергающимся язычком пламени торчало из узкого окошка почти под самой крышей. Теперь он полосовал очередями по кустам, где залегли остальные красногвардейцы.

- Эх, пулеметчика бы снять, – протянул Тихон.
- Иван, у тебя граната есть, – напомнил Смолин Резову.
- Что толку – отсюда не достать.
- Попробую из винтовки царапнуть пулеметчика... И сразу вперед...
- Дело, – согласился Иван Алексеевич, отстегнул гранату от пояса.

Федор Смолин долго целился в окно, выискивал точку, в которой пулеметчик не защищен прочным щитком. Наконец выстрелил – и пулемет смолк. На какие-то секунды замолкли и винтовки, словно удивившись неожиданной тишине.

Иван Резов вскочил на ноги и с гранатой в руке побежал к даче. Бандиты опомнились, опять захлопали винтовочные и револьверные выстрелы.

Но поднятые Резовым красногвардейцы были уже у самой дачи. Взрывом гранаты вырвало раму окошка, из которого торчал ствол пулемета. Тихон, перегнав Резова, второй раз ввалился в дом, в нос ударило пороховой гарью...

Через четверть часа все было кончено.

С поднятыми руками, перемазанные копотью и кровью, на поляну перед дачей вышли пятеро бандитов.

- Где деньги? – подошел к ним Резов.
- В доме их нет, не ищите, – ответил один. – У Толканова они, у командира. Как бой начался, он выпрыгнул в окно – и к Волге. Там у него лодка припасена... Теперь не догоните, – злорадно добавил бандит...

Старый рабочий со злости чертыхнулся, вместе с Тихоном пошел к беседке, где оставили механика. Его уже перевязали, двое красногвардейцев делали из березовых слег носилки. Степан морщился, поглаживая ногу, с сожалением глядел на разрезанный яловый сапог.

Иван Алексеевич присел на пенек, рассказал о деньгах.

- Выходит, зря гнались за бандюгами? – приподнялся Коркин.
- Нет, не зря, Степан. На фронте такой ненависти не встречал... А с деньгами что-нибудь придумаем. В Губком партии обратимся, помогут...

Менкер

На следующий день Тихон дежурил в штабе на Стрелецкой и узнал от Лобова, что ночью красногвардейский патруль хотел проверить документы у позднего прохожего, тащившегося с мешком. Мужчина кинулся бежать, отстреливался. Нашли его в доме владельца магазина «Ваза» на Власьевской, в нескольких шагах от чека. И ночного гостя, и хозяина арестовали. При обыске в доме обнаружили три разобранных новеньких пулемета, парусиновый мешок с деньгами и вместительную шкатулку, в ней золотые десятирублевки с профилем самодержца всея Руси.

– Пытался я этого гостя допросить – молчит, только зубы скалит, – устало сказал Лобов. – Давай-ка я его еще раз вызову. Жаль, что ты Толканова в лицо не видел...

И тут неожиданно помог Сидорин: когда задержанного проводили по коридору, опознал в нем главаря банды, которая зимой захватила Продуправу.

Больше Толканов не запирался. Понял: что не расскажет он – сообщат арестованные на даче.

- К какой партии принадлежите? – спросил его Лобов.

– Я убежденный монархист, – сознался Толканов. – Но в город приехал по заданию правых эсеров.

– Интересная перелицовка. Ну, и зачем пожаловали сюда? Грабить?

– Нет, экспроприировать, – поправил Толканов.

– Для пополнения партийной кассы?

– Не только. Главное – чтобы вызвать недовольство рабочих.

– Почему выбрали Заволжские мастерские? Можно было найти кассу и побогаче.

– Нам было указано на нее.

– Кем?

– Когда в мастерских получка, мне передал хозяин магазина «Ваза». Больше ничего не знаю, мое дело маленькое. – Кривя губастый рот, Толканов добавил: – И вообще, комиссар, сматывал бы ты удочки. По моим наблюдениям, скоро запахнет палеными большевиками. Потому так откровенно и говорю, что ваше дело – швах...

Толканова увели.

– Нагло держится. За свою шкуру не дрожит, будто она у него застрахована. Пугает или что-то знает? – рассуждал Лобов.

Вызвал на допрос владельца магазина «Ваза». Маленький, юркий, с блестящей, словно лакированной, лысиной, этот, не в пример Толканову, юлил, изворачивался, пускал слезу.

Лобов не выдержал, грохнул по столу кулаком:

– Хватит нас за нос водить! Толканов все выложил.

Торговец съежился, растерянно промямлил:

– Ну если господин офицер признался, то мне сам бог велел...

От волнения заикаясь и часто сглатывая слюну, рассказал, что хранил деньги какой-то организации, что втравил его в это дело эсер Лаптев.

– Я отказывался, но он припугнул меня. Твое дело, говорит, телячье, а что чека под боком – еще лучше, безопасней.

– Кто вам сообщил, что должна быть ограблена касса Заволжских мастерских? – пытался выяснить Лобов.

– Чернявый, горбоносый... Глаза пронзительные, так и сверлят.

– Местный или приезжий?

– Разумеется, местный. Мне даже показалось – он работает там, в Заволжских мастерских.

– Почему так решили?

– Он обещал каким-то образом задержать кассира, чтобы рабочие уже разошлись. И еще... Был обговорен условный знак: если деньги в кассе, занавеска в среднем окне конторы будет сдвинута на середину... Я все рассказал, клянусь вам...

Когда владельца магазина вывели из кабинета, Тихон сразу подступил к Лобову:

– Ясно, кто этот чернявый, – Алумов, его портрет. Он и в конторе был. Все сходится. Надо брать, пока не удрал.

– Не так-то все просто, Вагин, – нахмурился Лобов. – Мы у Продуправы арестовали Лаптева, а позавчера его освободили.

– Это же контра явная! – опешил Тихон.

– И генерала Маслова выпустили, которого ты в Коровники провожал.

– Кто же так распорядился?

– Соломин из Горисполкома. Видимо, не хочет с эсерами и меньшевиками ссориться, они забастовкой пригрозили. Может, ему и видней, мы не все знаем. Короче, пусть этим чекисты занимаются.

Арестованных передали в чека, оттуда их направили в Коровники. А через неделю Толканов и хозяин магазина «Ваза» бежали из-под конвоя, когда их вели на пристань разгружать

дрова. А еще дней через пять на Стрелке прибило к берегу утопленника. В нем опознали торговца, убитого в затылок.

Тихон был уверен – это Алумов навел банду на кассу Заволжских мастерских. Уговорил Лобова сходить в чека, поговорить насчет ограбления.

Их принял секретарь чека – серьезный молодой человек в черной хромовой куртке. Тонкое, интеллигентное лицо тщательно выбрито, в лацкане – красный матерчатый бант. На столе – местная газета «Коммунист», на ней красный, остро отточенный карандаш.

Лобов рассказал, как перед ограблением кассы Тихон встретился в воротах мастерских с Алумовым, о занавеске в окне конторы, о приметах, которые назвал хозяин «Вазы».

Менкер внимательно выслушал его, что-то записал в тетрадку. Потом задумчиво протянул, поглаживая маленький подбородок с ямочкой:

– Странно, странно. У нас на допросе он ничего подобного не говорил.

– Ты что же – не веришь нам? – рассердился Лобов.

– Ну что ты, что ты, товарищ Лобов. Какое может быть недоверие, ведь одно дело делаем. Вероятно, торговец решил себе цену набить, а у нас спохватился, побоялся.

– Тут действует целая организация!

– А где доказательства, дорогой товарищ?

– Надо арестовать Лаптева и Алумова – будут и доказательства. Подпольная касса в магазине – их рук дело.

– Торговец называл Лаптева – какие еще доказательства нужны? – добавил Тихон.

– Эх, товарищи дорогие! – проникновенно сказал Менкер. – Вы что думаете – мы всё можем? Дел – горы кавказские, а сотрудников – раз-два и обчелся. В губернии банды, вчера в Крестах нашего работника подстрелили. Будет жить или нет – неизвестно. А меньшевики и эсеры только того и ждут, чтобы нас перед народом очернить. Арестуем Лаптева – а он не виновен. Как тогда?

– Товарищ Менкер, тут не просто бандиты, тут заговор настоящий, – упрямо возражал Лобов. – Нельзя Лаптева и Алумова на свободе оставлять.

Секретарь чека начал сердиться, нервно завертел карандаш в руке.

– Слушай, Лобов! Нам лучше знать, заговор это или нет! Не можем мы по вашим приметам – чернявый, горбоносый – человека арестовывать. Это же будет явным нарушением революционного закона, а мы призваны его соблюдать!..

Так Лобов ничего и не доказал Менкеру.

– Втравил ты меня, Вагин, в историю, – ругался он, когда вышли на улицу. – И правда – чего с пустыми руками приперлись? Толканов бежал, торговец убит, Алумов, как говорится, не пойман – не вор. Нужны веские доказательства, что есть заговор. Иначе никто не поверит.

Спустя месяц нашли и доказательства...

«Актеры»

В штаб на Стрелецкой прибежала девчонка-горничная из гостиницы «Царьград», едва отдышалась.

– Миленькие!.. Меня хозяин послал, у нас пьяные актеры разгулялись.

– В милицию ступай, – сказали ей.

– Родненькие! Они наганами грозят.

– Интересно, откуда у актеров наганы? – удивился Лобов.

Когда отряд подошел к гостинице, хозяин, горничные, сторож толпились у входных дверей. Испуганно поеживаясь, прислушивались к тому, что делалось на втором этаже. Оттуда доносились крики, ругань, кто-то плясал, кто-то пытался петь:

...Ночь тиха, пустыня внемлет Бо-о-гу...
И звезда с звездою га-ва-рит...

К красногвардейцам подскочил хозяин гостиницы с округлившимися от страха глазами, похожими на оловянные пуговицы, востро заостренным чубчиком на голове.

– Слышите?.. Сейчас палить начнут. Помогите ради Христа от этих постояльцев избавиться, житья от них нет. Целую неделю пьют, шумят, а сегодня и вовсе как с цепи сорвались. Не актеры это, а бандиты какие-то...

– Почему раньше не сообщили? – прервал его Лобов.

– Судите меня – боялся, – приложил руку к груди хозяин. – Ведь они все, как один, с револьверами. Бабахнут – и вспоминайте дети, как папу звали. А у меня две девочки и третья дите ожидается...

– Пятеро остаются здесь, – скомандовал Лобов. – Смотрите, как бы из окон не стали сигать. Остальные – за мной...

Хозяин гостиницы вжал голову в плечи, спрятался за спины красногвардейцев. По крутой лестнице поднялись на второй этаж. Длинным коридором, похожим на пенал, прошли к номеру, где бушевали гуляки. Встали по сторонам высокой двери, за которой сбивались пьяные, злые голоса:

– В гроб Советы! В гроб рачьих и собачьих депутатов!..

– Разгоним их к чертовой матери!.. И клинками! Клинками!..

– Господа! Господа! У меня в Калужской губернии имение... Пришли – и всё до ниточки... Даже железо с крыши сняли...

...Ночь тиха, пустыня внемлет Бо-о-гу...

– К дьяволу вашего Бога, поручик. Диктатора мне дайте, диктатора!.. Чтобы большевики кровью захлебнулись!..

Лобов расстегнул кобуру маузера:

– Кажется, по адресу пришли, – и кулаком постучал в дверь. Шум не утих, тогда он постучал тяжелой рукоятью пистолета.

– Какая сволочь веселье ломает? – заорали в номере, грянул выстрел. Пуля пробила филенку, впиалась в стену коридора.

Лобов выпалил из маузера. В комнате вскрикнули, зазвенело разбитое стекло. Красногвардейцы прикладами винтовок ударили в дверь. Створки распахнулись, упал вырванный крючок.

Из-за стола, заставленного бутылками, тарелками с объедками, поднялись трое. На полу корчился раненный в плечо. Рядом, в луже вина, валялся револьвер.

Командир отпихнул его ногой в угол, приказал:

– Поднимай руки! Поворачивайся к стенке! И не шевелиться...

Раненого перевязали, увели вместе с другими задержанными. Оставшиеся красногвардейцы начали обыск. Под кроватями нашли «цинк» с патронами, карабин, пять бутылочных гранат. Под матрасами – три браунинга.

– Счастье наше, что перепились, – говорил Лобов, составляя описание обнаруженного. – Иначе бы они тут такую стрельбу устроили – до утра бы не выкурили...

Чтобы добраться до подоконника, на котором валялись какие-то мятые коробки, Тихон переставил стул. Взялся за другой – этот показался тяжелее первого.

Перевернул его и увидел под сиденьем толстую кожаную сумку. Отвязал ее, вытряхнул на стол стопку отпечатанных на пишущей машинке бумаг. Вместе с командиром склонился над ними.

– «Присяга, приносимая при вступлении в члены организации», – вслух прочитал заголовок Лобов. Несколько строк пробежал молча, потом опять вслух:

«...Клянусь и обещаю, не щадя ни сил своих, ни жизни своей, везде и всюду распространять идею „Союза“: воодушевлять недовольных и непокорных советской власти, объединять их в общества, разрушать советское управление и уничтожать опоры власти коммунистов, действуя где можно – открыто с оружием в руках, где нельзя – тайно, хитростью и лукавством...»

В узком потайном кармашке нашли странные картонные треугольники с двумя буквами на них – О и К. Лобов покрутил их в руке. Так и не поняв, что это такое, отложил в сторону. Опять уткнулся в бумаги.

Здесь же лежала «Памятка во исполнение общей цели», отпечатанная в нескольких экземплярах. В ней руководителям «Союза» вменялось в обязанность ознакомить рядовых членов организации с его программой, чтобы те, «кто чувствует себя слабым духом и неспособным выдержать тех испытаний, которые неизбежны в решительной активной борьбе, могли своевременно, до поступления документов в Центральный штаб, отказаться от участия в деле, иначе всякие уклонения от обязанностей и отказы будут считаться сознательной изменой, как и разглашение тайн организации, и караться до лишения жизни включительно».

– Сурово, – заметил Лобов. – Как что – так и душа вон, чтобы другим неповадно было. Не по этому ли уставу хозяина «Вазы» хлопнули?..

Тихон расправил сложенный вчетверо плотный листок бумаги.

– План какого-то города, – догадался он. – Вот река, еще. А это, видать, железная дорога, мост...

Лобов взял карту в руки. Внимательно рассмотрев ее, сказал жестким, словно пересохшим, голосом:

– Наш это город, Тихон. Со знанием дела планчик сделан, все советские учреждения отмечены. И штаб на Стрелецкой, – показал он черный крест на карте.

– Зачем им это? – растерянно уставился Тихон на командира.

– Зачем?.. Тут дело серьезное. Не иначе – мятеж готовится. Теперь и доказательства есть.

Надо срочно сообщить в чека...

Не подозревал командир красногвардейского отряда, что обнаруженные в гостинице «Царьград» документы «Союза защиты родины и свободы» попадут в руки активного члена этой самой организации.

Через несколько дней Лобов спросил Менкера, что арестованные показали на допросе.

– Не актеры это оказались, а контрики явные, офицеры, – оживленно сказал Менкер. – Спасибо тебе, товарищ Лобов, проявил настоящую революционную бдительность.

– Я не за спасибо работаю. Как следствие идет?

– Полным ходом, товарищ Лобов! – заверил его Менкер. – Так что не волнуйся...

Но полным ходом шло не следствие, а подготовка к мятежу.

Театр

Вечером четвертого июля по Борисоглебской улице с саквояжем в руке шел поджарый мужчина в добротном английском костюме, клетчатой кепке. Квадратный подбородок тщательно выбрит, усы короткие, жесткие. Под широким лбом пристальные, сосредоточенные глаза.

Выглядел мужчина элегантно, чем-то неуловимым был похож на преуспевающего актера. Да и завернул он во двор Интимного театра, недавно появившегося в городе.

С черного входа поднялся на второй этаж, постучал в салон водевильной актрисы Барановской, назначенной директором этого небольшого театра.

Хозяйка, одетая в темное вечернее платье, с меховым боа на плечах, уже ждала гостя, сразу же проводила в комнату, в которой сидело несколько мужчин.

При его появлении все встали. Один из них – в заношенном офицерском френче, густые черные волосы мысом спускаются на низкий упрямый лоб, борода и усы на манер скинутого самодержца – четким военным шагом подошел к гостю, энергично пожал руку:

– С благополучным прибытием, Борис Викторович!..

Гость уселся за стол посреди комнаты, в ногах поставил саквояж. Оглядев присутствующих, коротко произнес:

– Начнем, господа. Времени у меня в обрез...

Здесь, в салоне Барановской, произошло последнее перед мятежом заседание штаба заговорщиков. Гость с саквояжем был Савинков – руководитель «Союза защиты родины и свободы», документы которого нашел Тихон в гостинице «Царьград».

Первым взял слово мужчина во френче – полковник Перхуров, назначенный Савинковым «главноначальствующим» губернии:

– Господа! Мною составлено обращение к населению, которое будет обнародовано сразу же, как только мы возьмем власть. Чтобы после не возникло недоуменных вопросов, ознакомлю с ним сейчас...

Полковник, как бык, покосился на красный бант в лацкане хромовой кожанки Менкера. Зачитав парадное начало, перешел к сути:

– «...В целях воссоздания в губернии законного порядка и общественного спокойствия повсеместно восстанавливаются органы власти и должностные лица, существовавшие до октябрьского переворота...»

Полковник снова недовольно покосился на красный бант. Менкер завозился, прикрыл его рукой.

– «...Судебная власть восстанавливается в составе окружного суда и мировых судей, – повысил голос Перхуров. – Восстанавливаются земское и городское самоуправления. В волостях действуют старшины и секретарь...»

– Какие будут вопросы, господа? – пытливо всматриваясь в лица присутствующих, спросил «главноначальствующий», дочитав обращение.

– Круто! Весьма, весьма... – неопределенно сказал Лаптев.

– Это же монархическая платформа! – растерянно воскликнул Савинов.

Лидер городских кадетов промолчал, видимо, целиком согласный с текстом обращения.

– А что, собственно, вы хотели услышать? – нервно одернул френч полковник. – О равенстве и братстве с мужичьем?!

– Нам, социал-демократам, трудно будет объяснить такой поворот рядовым членам партии, – неподдельно разволновался меньшевик. – Столько лет боролись с самодержавием – и опять мировой судья...

– Ишь ты – они боролись с самодержавием! – ехидно протянул Лаптев. – Комариными укусами вы занимались, а не борьбой. Если бы ваша партия была единственным противником самодержавия, Романовы процарствовали бы еще триста лет.

– Господа, сейчас не время для межпартийных споров, – зябко повела плечами Барановская.

– Мы оттолкнем от себя массы! Монархия не пользуется сейчас спросом! – пытался убедить полковника Савинов.

– Если монархом будет Петр Первый – я за монархию! – раздраженно произнес Перхуров.

– Ну хоть бы пару фраз об Учредительном собрании... О Советах без большевиков. Иначе нельзя... – пыхтел Савинов.

Перхуров прервал его, отчеканил:

– Это ваше дело! Можете обещать членам вашей партии хоть Александра Македонского, хоть боярскую думу. Вопрос об устройстве русского государства будет решаться позднее. Сейчас главное другое – поддержат члены вашей партии восстание или нет?

– Мы всей душой, конечно, – мелко затряс головой Савинов. – Только нам нужна более гибкая форма участия в этом деле.

– Что вы имеете в виду? – в упор посмотрел на него полковник.

– Ну хотя бы нейтралитет... На первое время...

– А я хотел назначить вас своим помощником по гражданской части...

– Я согласен! – воскликнул Савинов и покраснел от удовольствия.

– А ломался, как пряник, – чуть слышно буркнул Лаптев и обратился к загадочно молчавшему Савинкову: – Согласован ли текст обращения с вами, Борис Викторович? Вы принимали участие в покушениях на министра внутренних дел Плеве и московского генерал-губернатора великого князя Сергея Романова. Какова ваша позиция теперь?

Прежде чем ответить, Савинков многозначительно помолчал.

– Я ознакомился с обращением. В общем и целом его одобряю. Уверен, господа, мы договоримся. Революция завела Россию в тупик, называемый большевизмом. Чтобы вырваться из него, надо сплотить все антибольшевистские силы. Это в настоящее время наша самая главная задача, самая надежная платформа!..

Выступлением Савинкова остались довольны все. Решив таким образом щекотливый вопрос о власти, перешли к насущным задачам.

Поднялся Ланцов – при Керенском начальник военного гарнизона города, теперь – заместитель начальника артиллерийского склада. Одновременно заместитель «главноначальствующего».

– В ночь выступления караул в артскладе будет свой, надежный, – без особого энтузиазма сказал Ланцов. – Если, конечно, не произойдет что-нибудь из ряда вон выходящее...

– Типун вам на язык! – резко осадил его Перхуров, дал слово Валиеву – командиру Первого стрелкового полка, расквартированного в бывшем Кадетском корпусе.

Валиев пригладил ладонью белесые волосы, сквозь которые просвечивала плешь, доложил:

– Завтра отдам приказ сдать винтовки на склад, якобы для технического осмотра. С безоружной солдатней легче будет договориться. Думаю, полк поддержит восстание. В крайнем случае – нейтралитет...

Следующим отчитывался Лаптев:

– Мы установили связь с руководителями левоэсеровской дружины на ткацкой фабрике. Твердо обещано – дружина выступит как один! Ткачи поддержат восстание. Голод – наш первый союзник...

О положении в Заволжье сообщил Михаил Алумов:

– Будем смотреть правде в глаза: большевики пользуются среди рабочих авторитетом. Настоятельно прошу послать в Заволжье еще один отряд офицеров-боевиков. Только тогда можно гарантировать успех восстания.

– Заволжье – ответственный участок. Распорядитесь, господин Перхуров. Какие воинские части находятся в центре города? Как настроены, какова численность? – спросил Савинков полковника Сурепова, назначенного начальником контрразведки.

– В связи с тяжелой для большевиков обстановкой на фронтах красноармейцев здесь осталось немного. На Стрелецкой улице – штаб Красной гвардии. Кто такие красногвардейцы, думаю, объяснять не надо. Их преданность большевикам известна. Вероятно, поэтому госпоже Барановской так и не удалось найти там подходящего человека. Хотя кое-какие шаги в этом направлении сделаны. – Сурепов выразительно посмотрел на хозяйку, как бы приглашая дополнить его сообщение. Но та промолчала. Видимо, особо похвастать было нечем.

– Сколько людей в отряде? – насупился Савинков.

– Около сотни. Было больше, несколько маршевых подразделений отправлено на Восточный и Северный фронт.

– Эти двести штыков могут сорвать весь план восстания! – заходил Савинков по комнате, увешанной старыми театральными афишами.

«Это тебе не динамит под городских подкладывать», – ехидно подумал Перхуров. Ярый монархист, в душе он презирал бывшего «социалиста-бомбиста». Считал его выскочкой из тех, которые своими дурацкими покушениями на великих князей, губернаторов и полицмейстеров подготовили революцию и помешали ему, тверскому дворянину, стать генералом.

Презирал, но до поры до времени терпел, понимая, что без таких, как Савинков, опять посадить на престол царя будет трудно.

– Без драки не обойтись! – твердо заявил Перхуров. – На нашей стороне внезапность, так что успех я гарантирую.

– А кто гарантирует, что мы не положим под окнами этого штаба лучших бойцов, прежде чем ворвемся в него? – Савинков опять уселся за стол.

– Можно обойтись и без драки, – неожиданно вмешался в разговор Менкер.

«Главначальствующий» хотел осадить его – знай, мол, сверчок, свой шесток. Но не успел – тот в нескольких словах изложил свое предложение, и Савинков одобрил его, пообещал:

– Свободная родина не забудет вас, вы будете отмечены!..

– Рад стараться! – громко щелкнул каблуками бывший лицеист.

– Заготовлены ли списки партийного и советского актива? – посмотрел Савинков на Барановскую.

Актриса достала их из-за афиши на стене, сжато, по-военному четко доложила:

– Фамилия, должность, партийность, адрес. Итого около двухсот человек.

Просмотрев списки, опытный конспиратор и заговорщик по достоинству оценил вклад актрисы в подготовку мятежа: работа была проделана огромная. Довольно потер руки.

– Где разместить арестованных? Как такую ораву прокормить? – В будущей городской управе Барановской определили должность управляющего продовольственными делами. – По нашим сведениям, хлеба в городе осталось на два-три дня.

– Мы не благотворительная организация, чтобы содержать врагов, – обрезал Савинков. – Будем кормить только тех, кто с оружием в руках встанет в наши ряды! А насчет арестованных у меня есть соображения...

И он коротко изложил их.

– Bravo, Борис Викторович. Просто и надежно. Нам без вас ни за что бы не додуматься, – восхитилась актриса.

– Но вяжется ли это, господа, с христианской моралью? – слабо запротестовал Савинов.

– Морали нет, есть только красота! – изрек Савинков свою любимую фразу.

– Что же вы нам прикажете – оставить большевиков на воле? – стукнул Перхуров ладонью по столу.

– Боже сохрани! Боже сохрани! – испугался Савинов. – Я о том – не лучше ли их... сразу?

– Они могут пригодиться на будущее, – туманно ответил ему Савинков. – Как будете брать город, полковник? С чего начнете?

Перхуров разостлал на столе карту, ткнул в нее тупым пальцем и объявил:

– Сбор ударных групп в два часа ночи на Леонтьевском кладбище. Остальные примкнут после того, как мы будем обеспечены оружием...

Обговорив детали восстания, Савинков подхватил тяжелый саквояж и ушел.

Только Перхуров знал – руководитель «Союза» спешил в соседний уездный город. Месяц назад губернский военный комиссар докладывал в Москву, что снарядами и оружием размещенных там военных складов можно обеспечить белую гвардию половины России...

Барановская пыталась оставить Перхурова на ужин.

– Какой к черту ужин! – рявкнул он...

В этот же вечер Менкер позвонил в штаб на Стрелецкой и сообщил, что в одном из дальних уездов губернии кулацкое восстание.

– Своими силами нам такое крупное выступление не подавить. Просим направить туда весь отряд. Положение в уезде серьезное, – взволнованно сказал Менкер.

И отряд под командой Лобова покинул город. В центре практически не осталось вооруженной силы, которая могла бы помешать мятежникам...

Осечка

Будущий «главноначальствующий» жил в меблированных комнатах на Варваринской улице, что находились в трехэтажном доме наискосок от банка.

Поздно вечером он расплатился и пешком направился в сторону станции Всполие. Не доходя до нее, повернул к Леонтьевскому кладбищу. Здесь, возле часовни, его встретил Ланцов.

– Собираются? – спросил Перхуров.

– Вы будете одним из первых, Александр Петрович.

Полковник вспомнил черную кошку, которая перебежала ему дорогу на Власьевской улице:

– Что они?! Перетрусили?

– Еще рано. Сбор в два, а сейчас четверть второго.

– Так что же мне – обелиском посреди кладбища торчать?!

– Пойдемте в караульное помещение артсклада. Там все свои...

«Своих» собралось человек десять, не больше. Нервничали. Будущий начальник контрразведки Сурепов сумрачно сидел в углу, должно быть от нервного перенапряжения, непрерывно плевал в пол.

В караулку ворвался молоденький прапорщик. Глаза вытуплены, голос срывается:

– Господа! Веет-дело проиграно. Надо уходить...

– Мальчишка! Дурак! – сорвался Перхуров. – Говори толком, что случилось?

– Они... Они пускают сигнальные ракеты.

– Кто они? Где?

– Возле кладбища. Своими глазами видел. Это большевики. Они окружают нас.

– Нашли местечко, где собраться, – выдавил Сурепов.

– Прекратить болтовню! – Перхуров пальцем ткнул в двух штабс-капитанов. – Узнайте, кто пускал ракеты. Вы, прапорщик, пройдите по кладбищу. Сосчитайте, сколько людей пришло.

– Один?

– Идите вдвоем, втроем, черт вас возьми! Не офицеры, а институтские барышни...

К «главноначальствующему» подсел Ланцов. Суетливо закуривая, недоуменно проговорил:

– Странно, почему нет бронедивизиона. Люди там надежные. Пора бы уже. Может, позвонить? У них там есть телефон.

– Удивляюсь, как вы дослужились до начальника гарнизона, – угрюмо произнес Перхуров. – Надо же додуматься – о восстании договариваться по телефону!..

– Посоветуйте что-нибудь умнее, полковник, – обиделся Ланцов. – Между прочим, уже светает.

Пришли посланные на кладбище.

– Семьдесят человек.

– Люди волнуются...

– Рвутся в бой!..

– Семьдесят?.. Это меньше, чем можно было предположить даже при самых худших условиях. В чем дело? Где остальные? Где бронедивизион? – исподлобья оглядывал Перхуров заговорщиков.

– Может, не всех предупредили? – раздался слабый голос.

– Это было поручено вам, Ланцов. Что скажете?

– Кого мне поручили – я предупредил. Остальных должен был оповестить полковник Сурепов.

– Мне этого никто не приказывал! Что вы городите?!

Переругались, пока выяснили, что в случившемся виноват Ланцов.

Сурепов желчно назвал две фамилии:

– Эти все равно бы не пришли. Вчера явились ко мне и отказались участвовать. Хотел пристрелить подлецов, да не рискнул шум поднимать. Но ничего, еще сквитаемся... в подвальчике!

Заговорщики поежились, как на сквозняке. Ланцов хмуро заметил:

– Как бы большевики нас раньше к стенке не прислонили. Скоро смена караула.

Все выжидающе посмотрели на Перхурова.

– Где бронедивизион? Где офицеры, которых я послал узнать насчет ракет?

Никто не ответил ему.

– Ладно. Выступаем завтра в это же время, – решил Перхуров. – И чтобы всех предупредить, до единого! Расходитесь...

Собравшиеся в караулке толпой ринулись в дверь.

– Вы что, господа, умом тронулись? По одному, по двое...

Только Перхуров с Суреповым отошли от склада – на мотоцикле несется начальник бронедивизиона. Соскочив с высокого сиденья «харлея», вскинул руку к фуражке с ремнем на подбородке:

– Господин полковник! Бронедивизион не смог прибыть в назначенное время по техническим причинам.

– Вы что, поручик, очумели? – зловещим шепотом спросил Перхуров, озираясь по сторонам. – Что вы орете на весь белый свет? В покойники торопитесь?

– Отвечайте без выкрутасов – почему не вышел бронедивизион? – пытался выяснить Сурепов.

– На радостях, что Советам конец, вчера крепко выпили, – наклонился к ним поручик. – Некоторые только сейчас в себя приходят.

– Свины! Не могли день подождать?! – Перхуров принюхался, сморщил нос. – Да от вас, господин хороший, тоже несет, как от винной бочки.

– Я – самую малость. Ведь понимаю – на святое дело идем! – навытяжку встал поручик.

Сурепов сплюнул под ноги. В бешенстве «главноначальствующий» чуть не ударил командира бронедивизиона.

Чтобы умиловить начальство, тот поспешно предложил:

– Пожелаете – могу подвезти...

– Черт возьми! Кто предупредит людей в Заволжье?! – спохватился Перхуров.

– Это я беру на себя, – успокоил его Сурепов. – Днем зайду к вам...

– И выясните в конце концов, что это были за ракеты...

Тарахтя по булыжной мостовой, «харлей» пронесся Власьевской улицей. Возле Знаменской башни разбудил спящего постового. Обогнув гостиницу Кокуева, вывернул на Варваринскую. Остановился на перекрестке с Ильинской улицей.

Дождавшись, когда поручик уехал, Перхуров постучался в меблированные комнаты. Сонной дежурной объяснил:

– Не сел на поезд. Не пустите Христа ради обратно?

– Пожалуйста, ваше место еще не занято...

Что-то удивило дежурную, но что именно – полковник не понял. Закрыв комнату на ключ, взглянул на себя в зеркало и увидел: в петлице красуется георгиевская ленточка – опознавательный знак мятежников.

Перхуров со злостью кинул ее на пол и, не раздеваясь, упал на кровать, сунув под подушку кольт...

Мятеж

Днем пришел Ланцов – усталый, с черными подглазинами. Известил, что этой ночью заменить караул «своими» людьми не удастся.

Перхуров кривил рот, но сдерживался. Сидел на кровати помятый, невыспавшийся, с отвращением растирал обросшие щетиной щеки.

– Больше того, – уныло докладывал Ланцов, – с сегодняшнего дня караул будет усилен почти вдвое.

– Что у вас еще?

– В городе говорят о прибытии каких-то новых воинских частей.

– Нужны не слухи, а точные сведения!

Робко постучался командир бронедивизиона. От него опять пахло спиртом.

– У вас – слухи, у него – технические причины, – язвительно произнес «главноначальствующий». – Ну, что скажете, поручик?..

– Сегодня осечки не будет! – заверил тот. И, оглянувшись на дверь, тихо добавил: – Но, очевидно, в городе о нашем выступлении кое-что известно.

– С чего вы взяли?! – вскинулся полковник.

– Сейчас слышал разговор, что на колокольне церкви Богоявления устанавливают пулеметы. Сам видел – около Спасских казарм, где расквартированы пленные германцы, стоят их вооруженные патрули. Вероятно, большевики выдали им оружие, и они выступят против нас.

– Вот и я говорю... – вставил было Ланцов.

– Кажется!.. По слухам!.. Вероятно!.. Базарная терминология, Ланцов! – раздраженно перебил его Перхуров. – Оставайтесь здесь. А вы, поручик, пойдете со мной...

...Ни пулеметов на колокольне, ни патрулей возле казарм полковник не обнаружил. В центре города, где располагались учреждения, было спокойно – скрежетали трамваи, спешили по своим делам озабоченные служащие. Возле афишных тумб и магазинов толкались, позевывая, обыватели.

Всю обратную дорогу Перхуров шепотом, не стесняясь в выражениях, поносил виновато смотревшего под ноги командира бронедивизиона:

– Пить не надо, голубчик, тогда и черти под печью мерещиться не будут. Если сегодня ночью не приведете броневики – застрелю собственноручно... как собаку!

В номере их дождался Сурепов. Этот – с приятными вестями. Как выяснилось, паниковали вчера зря – в доме неподалеку от кладбища отмечали семейное торжество, устроили фейерверк.

– Слава богу! – широко перекрестился Перхуров, первый раз за последнюю неделю улыбнулся. – Верно сказано – у страха глаза по плоске. Мне эти паршивые ракеты уснуть не дали. Как в Заволжье?

– Все удачно. Руководителя предупредили вовремя, он оповестил других.

Совсем воспрянул духом Перхуров.

– У меня был Савинов, – продолжил Сурепов. – К вам побоялся зайти по конспиративным соображениям. Пообещал, что меньшевики-железнодорожники подгонят к артскладу платформы для орудий.

– Замечательно!

– К сожалению, последняя новость не из приятных...

– Что такое? – насторожился Перхуров.

– На станции Всполье проездом остановился эшелон с пехотой и кавалерийским эскадроном.

– Вот напасть! – охнул Ланцов.

– Может, дождаться, когда уйдет? – заглянул в лицо Перхурову командир бронедивизиона.

– Больше медлить нельзя! – гаркнул тот.

– Савинов пообещал, что его люди создадут на станции панику, угонят состав, – неуверенно произнес Сурепов.

– Савинов сказал – Савинов сделает! – хлопнул по столу Перхуров. – Предупреждаю, господа, – начну дело, если соберется не меньше ста человек. Если будет хотя бы девяносто девять – я от выступления отказываюсь...

Вечером, во второй раз расплатившись за номер, Перхуров в парусиновом дождевике той же дорогой направился к месту сбора. Полковник был уверен – все идет нормально, город не готовится к отпору мятежу, но, чем ближе подходил к кладбищу, тем неприятней сосало под ложечкой.

С освещенной редкими фонарями Сенной площади свернул на темную Угличскую улицу, дошел до кладбищенской церкви. Еще вчера заметил между кладбищем и артскладом сухую, поросшую травой канаву. Здесь и расположился, прислушиваясь к ночным звукам, сжимая в кармане рукоять кольца.

Вскоре увидел массивную фигуру Ланцова, тихонько окликнул его. Пожали друг другу потные руки. Долго наблюдали, как осторожные тени пробираются к кладбищу и растворяются в темноте.

Укрывшись дождевиком, Перхуров зажег спичку и посмотрел на часы.

– Идите в караульное, – приказал он Ланцову. – Как только подойдем – выключите уличный свет. И ключи, не забудьте ключи от складов...

Ланцов перекрестился, побрел к низкому строению, из окна которого рассекал темноту узкий сноп холодного электрического света. Где-то тоскливо завывала собака. На станции зашипел маневровый паровоз. Сквозь густую темноту помигивали лампочки над воротами складов.

С кладбища неслышно появился Сурепов, присел рядом.

– Сто шесть человек. Кого не хватает – трудно определить, тьма египетская. Бронедивизион будет в половине третьего.

Перхуров помедлил и резко поднялся, словно выбрасывая себя на бруствер окопа, по которому метут вражеские пулеметы.

– Идемте!.. Пора!..

...Люди сидели на могильных холмиках, стояли, опираясь на кресты. Слышалось хриплое, сдерживаемое дыхание. Пахло дымом – видимо, кто-то курил в рукав. Воздух уже наполнился предрассветной бледностью. На кладбищенских липах возились потревоженные грачи.

Сидевшие встали, молча придвинулись ближе.

– Господа офицеры! – обратился к ним Перхуров. – Будем действовать тремя группами. Командирами групп назначаю полковника Сурепова, штабс-капитана Лозинского. Третью поведу я. С богом...

Толпой двинулись к артскладу. В темноте людей казалось больше, чем в действительности.

Часовой у крайнего склада что-то заподозрил, клацнул затвором.

– Кто идет?

– Не вздумай стрелять, своих побьешь, – отвлекая на себя внимание, спокойно ответил Сурепов.

– Стой! Кто такие? – переспросил часовой.

– Да говорят же тебе – свои... – выругался Сурепов.

– Стой...

Хрип, возня, лязг металла. Свет в караулке погас. Справа охнул второй часовой.

Кто-то, гремя связкой ключей, истошно взмолился:

– Это я, господа, я...

– Ланцов? – узнал Перхуров, выскочил вперед.

– Чуть н-не удушили, – пожаловался тот, держась за горло.

– Ключи! Давайте ключи!

Открыли первый склад, нахватили винтовок. Нервно посмеиваясь, протирали затворы кто подкладкой фуражки, кто полый пиджака. Патронами набивали карманы. Как дети игрушкам, радовались ящикам со снарядами, любовно поглаживали стволы шестидюймовых орудий.

Но ни бронедивизиона, ни обещанных Савиновым платформ не было.

– «Савинов сказал – Савинов сделает», – брюзжал Сурепов. – Вздернуть этого демократа в одних кальсонах на фонаре...

Прихватив несколько человек, куда-то исчез. Через полчаса к артскладу подвели грязных лошадей с худыми плоскими мордами, впалыми боками с выпирающими ребрами.

– Откуда эти клячи? – платком закрывая нос, спросил Сурепова «главноначальствующий».

– Что? Запах не нравится? Извините, господин полковник, такая уж у них служба – за ассенизационным двором числятся, он тут рядом. Приглядел на всякий случай...

Лошадей хватило только на четыре запряжки – на два орудия и два зарядных ящика. В каждом ящике – по сто восемьдесят снарядов.

А тут и бронедивизион прибыл – три бронемашины, открытый легковой автомобиль и четыре грузовых.

Оставив на складе охрану под командой штабс-капитана Лозинского, первый отряд Северной Добровольческой армии, как с этого момента стали называть себя мятежники, направился к центру города.

Впереди на легковой машине ехал «главноначальствующий». За ним, на грузовиках, офицеры-боевики. Следом – бронемашины. В самом хвосте тащились клячи с ассенизационного двора, привыкшие возить грузы полегче.

Возле гостиницы «Европа» отряд разделился – часть под командой Перхурова свернула к гимназии Корсунской, где было решено разместить штаб, другие по Стрелецкой двинулись к штабу Красной гвардии.

На театральной площади орудие развернули напротив гостиницы Кокуева. У панорамы присел прапорщик – тот самый, который перепугался фейерверка. Привычно закрутил маховички. Ствол орудия стал задираться вверх.

– Заряжай! – азартно выкрикнул прапорщик.

Тяжелый снаряд из рук в руки скользнул к орудию. Лязгнул замок. Пушка оглушительно ударила, подпрыгнула. В окне гостиницы вспыхнул нестерпимый фиолетово-белый огонь разрыва...

Часть вторая. Баржа

Всполье

Шестого июля на рассвете по Власьевской улице мчалась, приседая на рессорах, пролетка. На козлах – пленный австриец, служивший в военном комиссариате кучером. Он испуганно охаживал коня кнутом.

За австрийцем, сжимая в правой руке бутылочную гранату, стоял мужчина в шинели. Грохоча по булыжнику, за пролеткой чадил бензиновой гарью броневедомобиль. Из клепаной башенки торчал ствол пулемета, но почему-то не стрелял.

Происходил какой-то странный поединок. Когда броневедомобиль угрожающе нагонял пролетку, военный замахивался гранатой – и машина трусливо отставала.

На Сенной площади кучер завернул на Пошехонскую улицу. Броневедомобиль занесло, он налетел на каменную тумбу на углу. Заскрежетав, окутался дымом из всех щелей и уткнулся в забор.

Военный помахал рукой, и пролетка свернула на Угличскую. Он уже не видел, как в бронированном боку автомобиля открылась дверца и из машины вылез провонявший бензином командир бронедивизиона. Следом за ним, в хромовой кожанке нараспашку, – Менкер. Заорал:

– Ты куда, черт, правил? Это же военком Громов. А у меня ленту перекосило!

Командир бронедивизиона высморкался, пнул вывернутое колесо.

– Иди ты, Менкер, знаешь куда?.. – озлился он. – Мне теперь «главноначальствующий» за машину голову оторвет...

...Пролетка подкатила к станции Всполье. Военком спрыгнул, сунул гранату в карман. Недовольно огляделся.

На станции паника, как перед концом света. Люди мечутся, толпятся, ругаются. Орут дети, толкаются бабы с узлами, гремят котелками красноармейцы. Прямо не станция, а цыганский табор, у которого хохлы-конокрады лошадей увели.

Военком схватил за рукав какого-то красноармейца с медным чайником, чуть не столкнувшего его с ног.

– Чего тут делается, товарищ?

Служивый попытался выдернуть рукав:

– А я знаю?

– Куда же бежишь тогда, оглашенный?

– За кипятком, мы щас трогаемся. Не то Колчак-стульчак фронт прорвал, не то англичанка на пароходах по Волге приплыла.

Громов отпустил его, поймал железнодорожника с чумазым лицом. Тот новость выдал еще веселее:

– Деникин Москву взял, сейчас сюда нагрянет, шешнадцать дивизий. А мы бежим!..

– Ну и беги, черт сопатый! – расвирипел военком, пошел искать начальника станции.

На путях дымил паровоз, стояли вагоны, вперемешку пассажирские и товарные, битком набитые людьми. Бабы с узлами лезли уже на крыши, на буфера воинского состава. Красноармейцы лаялись, грозили винтовками, но их не слушали, лезли, отталкивая друг друга.

Военком с трудом протискался в низкое, обшитое досками здание вокзала. Начальник станции – охрипший, бледный как смерть, – сидел за столом, рвал какие-то бумаги и, плечом прижав телефонную трубку к уху, кричал:

– Некому, некому командовать! Формируем составы и отступаем. Снаряды уже на путях рвутся...

– Зачем врешь, людей пугаешь? Мотай отсюда! Я буду здесь командовать! – выхватил трубку Громов.

Дежурный обиделся, стал требовать документы.

Никаких полномочий и официальных бумаг у комиссара не было. И он сказал начальнику станции почти миролюбиво:

– Я бы тебя сейчас расстрелял, да некогда. Один вред от тебя. Марш отсюда, пока цел!

– Мандат, говорю, давай! – начальник станции выпятил живот, форменный китель чуть не треснул.

– Вот мой мандат! – военком выложил на стол тяжелую гранату. – Только что подписан, еще тепленький. Ну, какие тебе еще нужны документы?

Начальник станции опасливо покосился на гранату. Быстро сориентировавшись, встал навытяжку:

– Слушаю вас!

Громов по-хозяйски сел на его стул, смахнул на пол бумаги.

– То-то. Какие составы на путях?

– Проездом кавалерийский полк.

– Посылай человека за командиром. Что еще?

– Состав с артиллерией. Но она на Колчака идет.

– Вели разгружать.

Пришел командир полка – угрюмый, с дергающимся от контузии лицом. С ним комиссар – худой белобрысый парень в опрятной солдатской рубашке.

Этих убеждать не пришлось – поняли с полуслова. Уже через час цепь красноармейцев рассыпалась от Рождественской до Угличской улицы.

В присутствии волевого, энергичного военкома начальник станции пересилил страх:

– Какие будут еще распоряжения, товарищ командующий?

Громов довольно покрутил ус – такое обращение ему понравилось.

– Собирай рабочих, служащих. Чтобы ни один не болтался, за порядок на станции с тебя спрошу...

Рабочие разгрузили четырнадцать трехдюймовых пушек, а артиллеристов нет. Военком сам побежал на станционный телеграф – здесь безусый, молоденький телеграфист с ткацкой фабрики. Нервничает: мать с отцом за Которослью, а он здесь без дела сидит. Увидев военкома, обрадовался, сразу взялся за ключ.

– Кого вызывать?

– Стучи по соседним губерниям, – приказал комиссар, продиктовал: – «В городе восстание, шлите отряды и по возможности артиллеристов».

По телефону дозвонился до Московского вокзала.

– Барышня! Дай мне дежурную комнату железнодорожной милиции.

– А вы белый или красный?

Военком хмыкнул, переглянулся с телеграфистом. Дернув кончики усов, шутливо ответил:

– Вообще-то я брюнет, барышня. Но по убеждениям – красный.

– Миленький, – зашептала телефонистка. – Не только милиции – и служащих нет.

– Куда же они подевались?

– Приходили белые, всех железнодорожников забрали. Остальные по домам разбежались.

И я сейчас убегу, страшно.

– Барышня! Подожди! Я тебе сейчас таких кавалеров пришлю – все страхи забудутся...

И Громов послал к Московскому вокзалу отряд кавалеристов. Рабочим-железнодорожникам приказал валить на Угличской улице столбы, катить со складов пустые бочки и строить баррикаду, чтобы закрыть броневикам мятежников путь к продовольственным пакгаузам.

Человек решительный, опытный, он понимал – надо любой ценой взять у мятежников артиллерийский склад. Собрал отряд красноармейцев-фронтовиков:

– Успех – в неожиданности. Поэтому «ура» – не кричать. Коли штыком, бей прикладом – молча. Выбьем контру – ставь пулеметы, и чтобы ни одна живая душа к складу не подошла...

Проходными дворами, через заборы обогнули Леонтьевское кладбище и подкрались к складу со стороны, откуда красных мятежники не ждали. Штабс-капитан Лозинский рассудил, что их надо ждать от вокзала, туда и пулеметы направил. Да вот ошибся. Красноармейцы молча, как наказал военком, без выстрелов бросились вперед и перекололи отряд Лозинского штыками, лишь трое убежало.

По-новому расставив пулеметы, военком рассредоточил бойцов, вызвал рабочих. Они напрямик, через кладбище, стволами выворачивая кресты, потащили к станции пушки, покатили пулеметы.

Когда Перхуров послал к складу за оружием, пулеметные очереди переполосовали отборных офицеров-боевиков. Рухнула надежда мятежников заполучить артиллерию.

Пока военком отбивал артсклад, собирал артиллеристов, устанавливал орудия, вырвавшиеся из города члены Горисполкома, люди, советской власти преданные, но в военном деле несведущие, создали штаб. Когда Громов вернулся на станцию, начальник доложил ему:

– Собираю наличный подвижной состав. Будем уходить, пока дорогу не перерезали.

– Ты что, дорогуша, белены объелся? Кто приказал?

– На первом пути штаб заседает! Вот!

Военком бросился на перрон. У классного вагона – часовой из железнодорожников. Винтовкой без штыка перегородил дорогу.

– Пуцать не велено! Станешь переть насильно – стрельну!..

– Я тебе так стрельну – всю жизнь примочками будешь пользоваться! – Громов легонько отстранил часового, влез в вагон.

Члены штаба уставились на него, как на выходца с того света. Думали – погиб комиссар. А он живой и даже усмехается, заметив карту на столике, над которой склонились они с карандашами в руках.

– Я, товарищи, коротко. Сейчас мы отбили артиллерийские склады. Пакгаузы с продовольствием тоже у нас. Вот-вот прибудет подкрепление из других губерний, а командиры города не знают. Предлагаю всем членам штаба взять по отряду – и в наступление.

– Надо приготовить паровозы и вагоны, – говорят военному.

– Зачем?

– На случай отступления. Такими силами станцию не удержать.

– Отступать не будем! Я поставил возле паровозов часовых, приказал стрелять, если кто сунется. Надо сейчас же захватить. Городской вал...

– Планы у тебя – прямо наполеоновские, – протянул один из членов штаба. – Если отступать не будем – дай бог вокзал удержать...

Убедил военком – станцию не сдали. Но Городской вал штаб решил не занимать. Спихватились поздно – на нем залегли мятежники с пулеметами. Дважды пытались красноармейцы столкнуть их с вала – и безуспешно.

Угрожая станции, рядом загорелась спичечная фабрика Дунаева. Надо было подавить огневые точки противника. Военком забрался на топливный резервуар возле штаба, навел бинокль на Владимирскую церковь. На колокольне разглядел пулемет.

– Ох, сукин сын, ведь поп засел! – ругался военком. – Откуда у него, патлатого, понятие в пулеметном деле?..

На Сенной площади увидел серые шинели, щитки пулеметов. Мятежники явно готовились к наступлению на станцию, а подкреплений еще нет. Правда, нашлось несколько артиллеристов.

Трудное решение принимал комиссар – там, на углу Пошехонской и Угличской улиц, где собирались серые офицерские шинели, в двухэтажном кирпичном доме под зеленой крышей – его жена, которая должна была этой ночью родить. А медлить нельзя, надо разогнать офицере, пока оно не ринулось к станции.

Внизу, у самого резервуара, артиллеристы ждали его приказа. Батарея из трехдюймовых орудий вытянула стволы в сторону Сенной площади, дома под зеленой крышей.

– Огонь! – скомандовал военком.

Артиллерийский залп распорол небо, и на город обрушился гром.

Никто не заметил, как, прежде чем опять посмотреть в бинокль, военком на секунду закрыл глаза. Открыв их, увидел в окулярах «цейса» бегущих назад, за церковь, офицеров с поблескивающими погонами, а возле двухэтажного дома на углу – вырванный снарядом, искореженный кусок зеленой крыши.

Передышка была обеспечена...

Только Громов спустился с наблюдательного пункта, красноармейцы подвели к нему мужчину в купеческом картузе, в грязной холщовой рубаше без пояса, в пыльных сапогах.

– Товарищ военком! Задержали подозрительного. На путях околачивался...

– Ланцов?! – удивился комиссар. Он уже знал о предательстве заместителя начальника артсклада. – Что за наряд? Никак, разведкой занимаешься?

– Я не лазутчик... Честное благородное... – забормотал бывший начальник гарнизона.

– Вы уже, Ланцов, давали слово не выступать против советской власти, – напомнил военком.

– Меня запугали... Я не хотел...

– Обыскать его!

Красноармейцы заставили Ланцова поднять руки, вывернули карманы, расстегнули брючный пояс. Нашли браунинг, круглую рубчатую гранатку «мильса» и клочок бумаги с какими-то пометками, цифрами.

Громов пытался разобраться в них – ничего не понял.

– Это что? – спросил он испуганного Ланцова.

– Я убежал от них... Я устал воевать... Это я для себя...

– В тупик его! Расстрелять! – приказал военком. – За измену и шпионаж!..

Пока военком допрашивал Ланцова, по приказу командира полка рабочие сгрузили с платформы мощное девятидюймовое орудие. Установили его с упором на сырой кряж, как положено, перед вокзалом. От выстрела из окон вылетели стекла, а посреди Сенной площади страшным взрывом выхватило огромную яму.

Военком подбежал к артиллеристам:

– А ну, закатывай эту дуру обратно!

– Ты чего, комиссар? – рявкнул на него командир полка, темное лицо дернулось от злости. – Почему не даешь артиллеристам работать? Ящик снарядов шарахнем – в офицерах прыти поубавится.

– Ты откуда, такой шустрый, родом?

– Костромские мы, а что?

– Если бы по твоей зеленой Костроме девятидюймовыми снарядами шарахнули – понравилось бы?

– У нас мятежу нету, давай не сравнивать!

– Ваше счастье, что у вас моста через Волгу нет и прямой дороги с Севера на Москву. Так что не упрекай ты меня, Кострома, и чтобы эту дуру девятидюймовую я здесь больше не

видел. Пусть она Колчака бьет, не возражаю, а по своему городу я тебе из нее шаррахать не дам. Так от него камня на камне не останется.

Командир полка подозрительно сощурился, рот свело судорогой:

– Ты знаешь, комиссар, как это называется?

– Как?

– Предательством – вот как!

– Дурной ты, хоть и командир, – спокойно произнес военком. – Нам до зимы город заново не выстроить, а с малыми детишками в развалинах в морозы не отсидишься. Так что соображай, Кострома, если у тебя голова не только для фуражки...

Видимо, вспомнил контуженный, израненный командир полка своих детей, которых дома оставил, и больше из девятидюймовых орудий по городу не стреляли, обходились трехдюймовыми, шестидюймовыми. Конечно, разрушений и от них хватало, но от этих снарядов жители могли спрятаться в подвалах, в нижних этажах. Били в основном по верхним этажам, по колокольням церквей, где засели пулеметчики.

На командира из Костромы военком не обиделся – это был свой человек, из рабочих. Побольше бы таких, как он, как кинешемцы, отряд которых военком послал к мосту через Волгу, – быстро бы выбили офицеров.

На первых порах крепко мешало отсутствие единого руководства. Находились командиры, которым сначала классный вагон да телефон подавай, а уж потом он думать будет, куда своих солдат послать. Одному такому – командиру Сводного полка – Громов сказал, едва сдерживая злость:

– Вы что же, из вагона будете командовать, по телефону? Это вам не позиционная война, когда можно с передышками воевать, удобствами обзаводиться! Нам город в считанные дни надо взять, пленные говорят – офицеры с Севера французов и англичан ждут. Вы должны вести солдат в бой, а не в вагоне сидеть. Вот вам конкретная цель – Духовная семинария!

Семинарию солдаты Сводного полка заняли. Командир решил – теперь и отдохнуть можно, пусть другие повоюют, а он свою задачу выполнил. Да не учел, с кем дело имеет, – одной атакой опытные офицеры вышибли их из здания, скинули в Которосль. Немало красноармейцев выкосили пулеметы мятежников, прежде чем семинария опять была у красных.

Из Москвы подоспел первый бронепоезд. Собственно, бронепоезд – громко сказано. Весь он – обычный паровоз, две площадки из четырехосных платформ с высокими бортами, на них – морские трехдюймовые дальнобойные орудия.

Командир – из бывших матросов: в черном бушлате, пропотевшей тельняшке, на голове бескозырка без ленточек. В узких татарских глазах – затаенная боль, настороженность. Сразу заявил военкому:

– Я – член партии левых эсеров.

– А я – большевик, – представился Громов. – Ты это к чему?

– В Москве наше безмозглое руководство тоже мятеж подняло. Подозрение имею – совпадение не случайное, не иначе – с офицерами снюхались. Я – за союз с большевиками, за советскую власть. Короче – будешь мне доверять? Для справки – в семнадцатом Зимний брал.

– Будем офицерье вышибать из города? – вопросом на вопрос ответил военком.

– Надо, комиссар.

– Значит, одни у нас с тобой враги, матрос. Некогда рассусоливать – веришь не веришь, принимайся за дело. Кровь из носу – надо у беляков мост отбить! Они без него – как кобыла без хребта. Сейчас там кике-немцы, помощи просят. Я сам поведу бойцов в атаку. Сбросим беляков с моста – и Заволжье будет нашим!..

Так события разворачивались на Всполье, где командовал энергичный военком. Иначе было в Заволжье...

Заволжье

Утром, как обычно, мать увязала Тихону в ситцевый платок две луковицы, воблину да хлеба середку. Вышел из дома – на углу Сережка Колпин поджидает, в руке тоже узелок.

Они с Сережкой – давнишние друзья: вместе летом голубей гоняли, на донки ловили сазанов. Зимой на огородах приманивали в западни доверчивых от голодухи синиц, яблочно-румяных снегирей. Вместе пошли в школу, вместе – работать в мастерские, только Тихон по металлу, а Серега в столярку подался, старику Дронову в подручные.

Это бы не беда, что встали к разным верстакам, – пути-дороги начали расходиться в ином. Тихон сразу к большевикам потянулся – Сережка ни туда ни сюда. Тихон в Красную гвардию вступил – Сережка опять в стороне остался, говорил:

– Не люблю я стрелять. Учиться хочу.

– А ежели в тебя стрелять начнут? Тогда как? – спрашивал Тихон.

– За что в меня целить? Я, чай, не солдат, я мирный, сам по себе. Вон Алумов объяснял, отчего у нас разруха да голодовка, – хозяев разогнали, а сами управлять не можем! Надо было сначала научиться, а уж потом революции устраивать.

– Алумов! Алумов! – сердился Тихон. – Ты лучше послушай, что Иван Резов говорит.

– А что Резов? Токарь он, а Алумов инженер. Он все знает...

– Разуь глаза, приглядиись, куда он тянет! Большевики за то, чтобы заводчиков по шапке – меньшевики против. Большевики предлагают крестьянам землю бесплатно отдать – меньшевики за выкуп. Вот и раскинь умом...

Но Сережка не сдавался:

– А может, все это – и заводы отнимать, и землю делить – надо постепенно, с расстановкой?

– Шиш ты получишь с такой расстановкой, – выходил из себя Тихон...

Распорятся до ругани, а на другой день опять рядышком идут. Вот и сегодня. Тихон искоса глянул на сумрачного приятеля:

– Чего кислый такой? С утра шей квашеных нахлебался?

– Какие там щи. Мать вчера продовольственную карточку отоварила. Дали коробок спичек да пяток яиц...

Пошли молча, размышляя каждый о своем.

– Не слышал – ночью за Волгой вроде бы пушка бабахнула?

– Я как засну – мне сто пушек над ухом стреляй, – похвастался Тихон. – Как, не надумал к нам в кружок?

– Что мне там делать? – упрямо проворчал Сережка.

– Ворона и есть ворона – сидит на заборе и каркает одно и то же! – завелся Тихон. – Жизнь на справедливых началах строить – вот что! А тебе, балде, все делать нечего. Только о мясных щах и мечтаешь.

Обиделся Сережка:

– Вон твой разлюбезный Резов идет. С ним о политике толкуй, а мне она ни к чему, – и, прибавив шаг, ушел вперед.

– Чего не поладили? – поздоровавшись, спросил старый рабочий Тихона.

– А ну его, – махнул тот рукой. – Несознательный...

– Сережка-то? Не скажи, он парень с головой. И совестливый.

– С головой, – нахмурился Тихон. – Только она у него не к тому месту привинчена. Зову в молодежный кружок, а он ни в какую.

– Чем вы там занимаетесь? Не танцами до упаду? – пошутил Резов.

– Танцами?! Это баловство, дядя Иван, не для нас.

– Мне бы сейчас лет этак двадцать скинуть – с удовольствием станцевал бы с симпатичной девушкой.

– Не такое сейчас время, чтобы танцевать, – возразил Тихон.

– Что же вы – в карты режетесь?

– Скажете тоже! Мы, дядя Иван, о революции говорим.

– Оно, Тихон, говорить хорошо, но этого мало. Революцию делать надо. А говорунов у нас хватает. Иной тебе все расскажет – и что Маркс писал, и что Кропоткин. А до дела дойдет – лезет в лопухи...

– Нет, дядя Иван, наши ребята не струсят. Мы вот что надумали – пора все кружки города объединять в один Союз молодежи. Сначала в городе, а там, глядишь, и по всей республике...

Старый рабочий внимательно слушал парня и удивлялся, как он возмужал после Октября. И дело ребята затеяли важное, нужное. Большевики и эсеры болтают о невмешательстве молодежи в политику, а сами норовят молодых от большевиков увести. «Надо об этом в райкоме поговорить», – подумал Резов.

– Ну а как идут дела с объединением? Или только языками чешете?

Тихон вынул из кармана сложенный вчетверо листок бумаги.

– Мы время, дядя Иван, зря не теряем. Вот сочинили обращение к пролетарской молодежи города...

И Тихон на ходу стал читать текст обращения, так энергично размахивая кулаком, что Резов даже посторонился.

– Звучит, дядя Иван?

– А что это за текущие дела?

– Тут разное: как антирелигиозную работу усилить, как со спекуляцией и саботажем бороться. И о культуре поговорим. Девятый месяц в городе Советы правят, а она на старом, буржуазном уровне. На базаре – «Бикс»...

– Это что такое?

– Игра так называется. У нас некоторые ребята всю зарплату в нее просаживают. А Колька Морев, кочегар, и штаны, и пиджак, и сапоги продул! Сменку ему выдали – одну рубаху исподнюю... А в кинематографе что делается?

– Что? – насмешливо бросил Иван Алексеевич.

– Всякая буржуазная дребедень идет, вот что. Одни названия чего стоят: «Тайны Нью-Йорка», «Вор счастья», «Чаша запретной любви». Надо с этим бороться, иначе неустойчивую молодежь тоже к запретной любви потянет. Мы, например, решили сами хороший спектакль поставить. Как, дядя Иван, одобряешь?

– А какую пьесу выбрали?

– «Бедность не порок» называется. Там и про любовь, и про классовое угнетение.

– Как же вы будете спектакли показывать, коли в этом деле ни черта не смыслите?

– Мы с ребятами в городском театре были. Приглядывались, как там пьесы ставят. Потом в Интимный театр Барановской прорвались, его недавно открыли. Сначала песни какого-то Вергинского слушали, потом балерина «Еврейские пляски» исполняла, а под конец оперетку «Берсальеры» дали. Барановская в ней главную роль играет. Красивая – жуть...

– Уж не влюбился ли?

– Что ты, дядя Иван, – покраснел Тихон. – Она талантливая, о ней даже в газете писали. К нам из самой Москвы приехала.

– Почему же ей, такой красивой да талантливой, в Москве не жилось?

– А кто ее знает. Может, наш город понравился.

– Что-то наш город стал многим нравиться. Как бы от этих гостей беды не вышло...

Какое-то дурное предчувствие томило старого рабочего. Вчера в местной газете, рядом со статейкой об этой самой Барановской, прочитал распоряжение Горисполкома: «Вследствие обострения продовольственного вопроса и общего переполнения въезд в город воспрещен».

«Что такое – общее переполнение? – сам себя спрашивал Резов. – За счет чего оно получилось? Почему это вдруг потянуло сюда, в нехлебную губернию, столько людей?»

В этой же газете напечатано, что по Волге пришло много барж с дровами и ни одной с хлебом. Странные приезжие – едут туда, где и без них впроголодь живут.

Людской наплыв особенно ощущался последние недели. Ну, понятно, были бы бабы с детишками, старухи со стариками! Ведь ужас сколько народу сдвинула война с прифронтовых губерний. Нет! Все больше приезжали мужчины призывного возраста. Хоть многие в рваной обуви – походка четкая, плечи развернуты. За станком да писарской конторкой такой осанки не наживешь.

Но держались приезжие тихо, осторожно. И куда-то незаметно исчезали. А вот у местных, кто жил в своих кирпичных флигельках под железом, имел совсем недавно лавки, трактиры, конторы, появилось в глазах что-то нехорошее, злобенькое, нетерпеливое. Тревожило это Ивана Резова.

А Тихон думал о своем, и тоже невеселом. Вот наметили они на завтра собрать городскую молодежь в гимназии Корсунской, объединить молодежные кружки в единый Союз. А получится ли? Сколько таких Сережек мечется между партиями – ни вашим ни нашим?! Трудным будет это собрание, лицеисты и гимназисты словами сыпать умеют.

Вся надежда на молодых рабочих, ткачих. Но все ли смогут прийти? Кто на фабрике, кто после смены отсыпается. Гимназистам и лицеистам легче, им о куске хлеба не надо думать, у папенок и маменек от лучших времен в кубышках осталось...

Только начали работу – в цех вбежал чумазый подсобник из новеньких:

– Кончай работу! Выключай станки!

– Ты с какой крыши свалился? – спросили его. – Кто приказал?

– Кому власть дана – тот и приказывает.

– Не егозись, деревня. За нас нашу работу никто не сделает. С какой стати будем станки выключать?

– А я что? Я ничего, – затравленно озирался по сторонам новенький. – Во дворе митинг, там всё скажут. – И он бросился из цеха.

Затихли трансмиссионные валы – кто-то вырубил напряжение.

Рабочие заворчали:

– Замитинговались в доску!..

– Одними речами живем!..

Тихон подошел к Ивану Резову, спросил, что за митинг такой.

– Не иначе – меньшевики да эсеры воду мутят, – ветошью вытер руки токарь. – Ладно, пойдем послушаем.

Когда рабочие механического цеха вышли во двор, на крыльцо конторы поднялся Михаил Алумов.

– Братья рабочие! Сегодня утром Первый стрелковый полк арестовал окончательно зарвавшихся в безобразиях и воровстве членов городского Совета. Население этот справедливый шаг встретило одобрительно, к солдатам присоединились рабочие и ткачи. Они требуют продовольственного улучшения и справедливости!..

Среди «питерщиков», людишек, перед войной пристроившихся в мастерские от мобилизации, оживление. Рабочие переглядываются, сияясь понять, что же случилось.

– Только что телеграфом пришло сообщение – в Москве идут бои, правительство Ленина доживает последние минуты! – торжественно говорил Алумов.

– Дрянь какая-то получается, – проронил Иван Алексеевич. – Беги-ка, парень, в районный комитет. Расскажи, что за провокацию здесь затевают...

Тихон начал выбираться из толпы, но остановился, услышав голос Резова:

– Не верьте. Иуде! Если в городе и замахнулись на советскую власть, так недолго им винтовками баловать!..

– Кончай комиссарить, Резов. Откомиссарился, – пытался Алумов перекричать токаря.

– Дайте слово большевикам! – раздалось в толпе. Рабочие зашумели, задвигались, будто земля под ногами от землетрясения ходуном заходила.

Только Иван Алексеевич прорвался к крыльцу – Алумов выхватил из кармана манлихер, выстрелил в воздух.

– Прекратить! Мастерские оцеплены! – заорал он.

Толпа как закаменела – с винтовками наперевес, с револьверами во двор вбежали какие-то решительные люди. Угрожая штыками, стали оттеснять рабочих.

Иван Резов ударом в челюсть сбил Алумова с крыльца. Тот бешено завопил откуда-то снизу:

– Вяжи его, вяжи коммунистов!..

Старому рабочему ловко стянули руки за спиной. Поднявшийся на ноги Алумов ударил его рукоятью манлихера. Потом пальцем тыкал в большевиков, в красногвардейцев. И приговаривал, как заведенный:

– Этого вяжи, этого, этого...

Показал и на Тихона:

– Гаденьша тоже заберите, тоже в большевики метит...

На Тихона навалились двое, ударили в живот.

Гремя шпорами на шевровых сапогах, на крыльцо взошел офицер в золотых погонах, в кожаной портупее:

– Митинг кончен! Отговорились! В городе и губернии власть перешла в руки доблестного полковника Северной Добровольческой армии господина Перхурова!

– Опять, значит, господа вернулись, – сплюнул под ноги старик Дронов...

Расстрел

Арестованных втолкнули в товарный вагон, что стоял в железнодорожном тупике возле мастерских, закрыли дверь на засов, оставили часового.

Пахло пылью и гарью, единственное окошко зарешечено. Скрипучий пол усыпан опилками. Сквозь щели пробивались лучи солнца.

Тихон уселся на пол рядом с Резовым.

– Что с нами сделают, дядя Иван?

Токарь не успел ответить, как Степан Коркин зло и мрачно произнес:

– Прикончат – и дело с концом.

– От Алумова жалости не жди, – согласился Иван Алексеевич.

Услышав это, к нему подскочил рабочий из бывших красногвардейцев:

– О чем же вы думали, большевики? Давно надо было Алумова прижучить. А теперь он нас...

– Все зависит от того, что сейчас в городе делается, – сказал Резов.

– Неспроста контрики золотые погоны нацепили, – буркнул Коркин. – Зря бы рисковать не стали.

Прошел час, второй. Рабочие молчали, гадая, что их ждет впереди. Слышалось, как под ногами часового похрустывает гравий.

И вдруг с другой стороны вагона – шепот:

– Дядя Ваня?..

Тихон встал на колени, наклонился к узкой щели между разошедшихся досок.

– Сережка, ты? Чего шастаешь? Часовой увидит – с нами окажешься... .

– Не увидит, тут кусты вплотную... Вас расстрелять хотят. Своими ушами слышал...

– Не знаешь, что в городе? – спросил Резов.

– Алюмов хвастал – весь город у них в руках. Только врет, вроде бы со Всполья пушки бьют...

– Слышали, товарищи? – обернулся Иван Алексеевич к рабочим. – Если вокзалы у наших – помощь придет...

Шаги часовой приблизились – Сережка затих. Потом шепнул в щель:

– Ждите! Ночью попробую дверь открыть... – И бесшумно отполз от вагона.

И опять в тюрьме на колесах тишина, прерываемая только вздохами. Помощь городу придет, но останутся ли они в живых – вот, наверное, о чем думал каждый.

Часовой насвистывал «Семеновну», а в вагоне унылое молчание. Никто всерьез не надеялся на парнишку, один Тихон радовался, говорил Ивану Алексеевичу:

– Молодец Серега! Недаром я его целый год на наши рельсы перетаскивал...

Снова молчали, прислушиваясь, как возле вагона вышагивает часовой. И вдруг рядом крики, выстрелы, топот сапог. Пытался Тихон в щель высмотреть, что там делается, но ничего не увидел. Не Сережка ли попался?

В вагоне душно, нестерпимо хочется пить. И чудится – где-то журчит, булькает вода. Первым не вытерпел Степан Коркин, кулачищем застучал в дверь:

– Караульщик! Принеси ведро воды. Подохнем раньше времени – некого будет к стенке ставить.

Грянул выстрел. Пуля расщепила доску, сорвала со Степана фуражку.

– Чего гоношишься? – зашипел кто-то на механика. – Все пить хотим, да терпим.

– Не терпишь ты, а со страху по тихой умираешь, – озлился Коркин, подобрал с пола простреленную фуражку. – Ну, контрик, совсем новую вещь испортил.

И снова тянутся тягостные минуты.

В полдень, когда железную крышу напало и в вагоне сделалось как в парилке, подошел отряд. Скрипя ржавыми роликами, дверь отъехала в сторону. Офицер-золотопогонник заглянул в вагон, насмешливо сказал:

– Прошу выгружаться, господа!..

Арестованных построили в колонну, повели через двор мастерских. Тихону показалось – за штабелем шпал мелькнула синяя рубашка Сережки Колпина.

Впереди, рядом с офицером, вышагивал пристав Зеленцов, с которого Тихон после Февральской революции сдирал погоны. Теперь они опять красовались на его толстых плечах, обтянутых накрахмаленным кителем. На голове – фуражка с белым верхом, рука в белой перчатке – на расстегнутой кобуре.

Колонну вывели на Заволжскую набережную. Над городом по ту сторону Волги висело дымное облако, слышалось раскатистое уханье. И непонятно было, то ли это приближается гроза, то ли идет бой.

На знойной набережной тесно от нарядной, возбужденной публики. Плюгавый лавочник Сусликов, про которого говорили, что у него гири пустотелые, закричал:

– Ур-р-ря!.. Большевиков топить ведут!

Дамочки, девицы в белом радостно загалдели, восторженно замахали цветными зонтиками.

Заволжские красногвардейцы изымали у Сусликова продукты для детского дома. Лавочник узнал Резова, сунул кукиш под нос и завопил на всю набережную:

– Больше не пожрешь моих окороков! Вот тебе, вот тебе...

Резов не стерпел – плюнул в мокрое лицо. Озверев, Сусликов выхватил из кармана чесучового пиджака серебряный портсигар, наотмашь ударил старика по виску. Бросился Тихон к лавочнику, но его прикладом вернули в колонну.

– Побереги силы, еще согдятся, – поддержал парня Иван Алексеевич.

Толпа обывателей опять подступила к арестованным.

Солнце било в понурые головы рабочих, жажда становилась все нестерпимей. И тут из ворот дома, мимо которого их вели, выбежала женщина с ведром и кружкой. Не успели конвойные оттолкнуть ее, как она нырнула в колонну, дала напиток. И быстро исчезла.

Возле кондитерской фабрики колонну поджидал Алумов, несколько офицеров в отутюженной форме с георгиевскими ленточками в петлицах, в начищенных сапогах.

Арестованных загнали в проходной двор, Алумов вынул список, зачитал фамилии семейных коммунистов. Подумав секунду, назвал и Тихона. Их подвели к кирпичной стене, остальным Алумов объявил:

– Волей, данной мне командованием Северной Добровольческой армии, я освобождаю вас, как людей, преступно обманутых большевиками...

– Ступайте прочь! – гаркнул пристав. – Господа офицеры! Кто желает исполнить приговор?..

От ворот подошли человек десять, встали напротив неровной шеренгой. Михаил Алумов спокойно курил в стороне.

– Эх, Тишка!.. Видать, отплясали мы с тобой кадрили, – горько выдавил Иван Алексеевич.

«А ведь верно я тогда угадал, – припомнил Тихон разговор с Лобовым об ограблении кассы Заволжских мастерских. – Инженер-то давно с контриками...»

– Жаль, не успели Алумова на чистую воду вывести, – задохнулся он от смертной, отчаянной тоски.

– Это другие сделают... После нас...

Офицеры защелкали затворами винтовок. Какой-то шум заставил их оглянуться назад. Тихон поднял голову и увидел: во двор, смяв стражу у ворот, ворвалась толпа рабочих и работниц из мастерских, матери и жены арестованных. Тихону кинулись на грудь сестра и мать, заголосили обе. Офицеры растерялись, женщины хватили их за винтовки, за ремни.

К Михаилу Алумову пробрался старик Дронов – на кончике носа очки в железной оправе, голос неприятный, словно напильником по жести:

– Ты что же, инженер, делаешь, стервец? – подступил он к опешившему меньшевику. – Когда у них, большевиков, власть была, они в тебя не стреляли. Если виноваты в чем – судить их надо, по закону. Или у твоей власти законов нет? Тогда это не власть, а банда...

– Уйди от греха, старик, – пригрозил Алумов.

– А мне бояться нечего, я свое прожил, – хрипел Дронов. – Вот ты, паршивец, бойся. Как же потом править нами будешь, если с убийства начинаешь?..

Алумов кусал губы. А толпа прибывала, шумела, требовала. Конвоиры пытались оттащить арестованных от родных, но безуспешно.

– Бабы! Уйдите! Всех ар-рестую! – кричал пристав Зеленцов.

К Алумову подскочил тощий офицер в надвинутой на глаза фуражке. Что-то зашептал, показывая на толпу. Алумов недовольно морщился, но офицер упрямо бубнил свое.

И меньшевик пошел на попятную.

– Граждане! – обратился он к толпе. – Обещаю вам, что большевики будут осуждены по закону, по справедливости. Мы сейчас же отправим их в штаб Северной Добровольческой армии. Во избежание кровопролития прошу разойтись.

Арестованных опять вывели на набережную. Как ни пугал Зеленцов, родственники и рабочие из мастерских проводили их до причала.

Когда рабочие по трапу проходили на катер, Алумов негромко сказал:

– Не радуйтесь, там все равно шлепнут...

Прежде чем спуститься вниз, Тихон обернулся. На берегу, рядом с его матерью и сестрой, синела рубашка Сережки Колпина. Догадался Тихон – это он привел людей, спас их сегодня от смерти. Но не знал, что видит товарища в последний раз.

И никто из арестованных не знал, какое испытание ждет их на том берегу, что происходит в городе...

Отпор

Вроде бы всё учли в своем плане заговорщики: и какими силами располагают красные, и кого из большевиков расстрелять, и кого арестовать, и как лучше убрать из города тех, кто может помешать мятежу.

Но не учли они главного – что поднимутся против них рабочие окраины. И план, над которым мудрили выпускники академии генерального штаба, начал трещать по швам.

Первый удар мятежники получили на Всполье.

Вторая неудача выпала им на ткацкой фабрике. В три часа ночи дежурный телефонной станции сообщил в штаб Железного отряда, разместившийся в бане, что связь с городом прервана.

Насторожились красногвардейцы. И тут рассыпались выстрелы у станции Всполье. Оттуда в штаб позвонил военком Громов:

– Офицеры центр города захватили. Рыпнулись было сюда – отшили. Поднимайте рабочих в ружье!..

Но ткачи, не ожидая приказов, стали собираться сами. Создали Чрезвычайный штаб, начальником выбрали товарища Павла.

– Что мы имеем? – обратился большевик к красногвардейцам. – Сто винтовок, несколько пулеметов и тысячи рабочих, которые верны советской власти. Первое, что надо сделать, – организовать оборону фабрики и рабочих кварталов. Поручаю это тебе, Виктор Федорович, и тебе, Константин Яковлевич.

Старые ткачи взбунтовались:

– Вы в бой, а мы на покой?.. Несогласные мы.

– Еще молодым нос утрем.

Товарищ Павел пригрозил революционным трибуналом. Но старики взъелись еще пуще:

– Соплив нас стращать!..

– Удумал – старым большевикам в тылу с бабами сидеть!..

– Мы в пятом году на баррикадах были, а теперь на задворки?..

Товарищ Павел решил схитрить. Хотя времени было мало – поставил вопрос на голосование. Партийному решению старики подчинились, но не сразу успокоились, побрюзжали.

– Пулеметов давай, – заявил один. – У проходных поставим...

– И красный флаг надо на башню. Чтобы все видели, с кем ткачи...

– И пулеметов дам, и флаг будет, – согласился товарищ Павел. – Пока не ясно, что делается в Первом стрелковом полку. Как, Минодора, берешь разведку на себя? – спросил он женщину-ватерщицу в красной косынке.

– Не привыкать солдат агитировать.

– И последнее – надо выяснить позицию левоэсеровской дружины.

– Вооружены они – дай бог нам. Дачу Грязнова забили пулеметами от подвала до чердака. Хорошо бы их на нашу сторону перетянуть, – сказала Минодора.

– Этим я займусь...

Когда товарищ Павел подошел к даче бывшего управляющего фабрикой, где разместился штаб левоэсеровской дружины, здесь уже митинговали. Дружинники, опершись на винтовки, стояли, сидели на вытопанных клумбах, положив винтовки рядом.

Многих ткачей товарищ Павел хорошо знал и понимал, что в эсеры они попали по малограмотности. А когда на деревянном крыльце кирпичной дачи увидел здоровенную фигуру Лаптева, даже обрадовался – часто схватывались они на митингах, но последнее слово всегда оставалось за большевиком.

Один из вожаков фабричных эсеров Симкин – франтоватый сердцеед и гитарист – читал, заглядывая в бумажку:

– «Сегодня ночью власть узурпаторов и немецких шпионов в городе пала! Отныне вы – граждане великой России – свободны! Новая, народная власть примет все меры к обеспечению продовольствием, и ваши дети не будут голодать! Призываем вас выступить в поддержку братьев, взметнувших над городом знамя борьбы и свободы!..»

Дружинники переглядывались. Серьезный выбор нужно было сделать сейчас. Ошибешься – всю жизнь потом каяться.

Увидев товарища Павла, Симкин поперхнулся, отодвинулся за Лаптева, что-то шепнул ему. Тот отыскал большевика глазами, сунул руку в оттопыривающийся карман плохонького пиджака, поправил дешевый, поношенный картуз на голове.

– Перестань, Симкин, наводить тень на плетень! – крикнул из толпы Павел. – Ты и врать-то как следует не можешь – брешешь по чужой бумажке!.. Слышите?! – Большевик указал рукой в сторону станции Всполье, откуда доносились пулеметные очереди и винтовочная трескотня. – Это братья-золотопогонники расстреливают братьев-рабочих!

Длинный Лаптев, будто сломавшись в пояснице, перегнулся через перила высокого крыльца:

– Это – немецкий провокатор! Застрелить его!

У товарища Павла рука потянулась к парабеллуму, но удержался. Среди дружинников – злые голоса:

– Эк, загнул!..

– Не бреши, дылда!..

Чувствуя, что переборщил, Лаптев пытался выправить оплошность:

– Я уполномочен Цека партии эсеров...

– Левых или правых? – перебили его.

– Вы, рабочие, больше других натерпелись от самоуправства большевиков, – не ответив, продолжал Лаптев. – Вы – главная опора восстания!..

Из толпы кто-то поддакнул эсеру:

– Доправились большевики – в фабричном лабазе только спички, соль да гуталин!.. Лаптей – и тех нет!..

Понимая, что надо действовать решительно, быстро, товарищ Павел пролез через толпу к крыльцу:

– Ткачи! Вы меня знаете?

– Знаем! – вырвалось из толпы. – Вместе спину на Карзинкина гнули.

– А кто Лаптева знает?

– Мы с ним из одного села, – сказал пожилой мюльщик с чахоточным лицом. – У его брата москательная лавка в Питере, у отца хутор с землей, на десятерых хозяев хватит. Мироедов наследник он, вот кто!

– А вырядился, гад, будто из рабочих! – бросил другой, веснушчатый и рыжий.

– Ну, теперь вам ясно, куда зовет вас этот представитель Цека? – обратился к дружинникам товарищ Павел. – В городе контрреволюционный мятеж! И если советская власть будет свергнута, офицеры опять наденут на вас хозяйский хомут. Мы вместе с вами живем, рядом стоим у станков. Неужели вы, рабочие, пойдете против рабочих?..

Зашумели дружинники:

– Правильно прядильщик говорит!..

– Свои нам Советы – рабочие!..

– Скрутить этого длинного, чтобы мозги не мутил!..

Но Лаптева и след простыл. Под шумок улизнул и Симкин.

Объединенные отряды ткачей залегли вдоль Которосли от Зынинского моста через Пеговский сад до кожзавода. На другом, на высоком, берегу – мятежники. Их пулеметы – на церкви Николая Мокрого, на чердаках семинарии и Фанагорийских казарм.

Невыгодная позиция досталась ткачам, но они, несмотря на потери, не отступили ни на шаг. Чтобы железной подковой прижать мятежников к Волге, надо было продолжить фронт вправо от моста. И тут вся надежда была на Первый стрелковый полк, расквартированный в казармах бывшего кадетского корпуса на Большой Московской...

Здесь тоже с утра гудел митинг. Какие-то подозрительные личности, одетые в новенькое обмундирование, сменяли друг друга, не давали солдатам опомниться:

– Хватит, поизмывались большевички над нами! – надрывался один. – Не желаем за них воевать. Сколько людей на фронт отправили, а им все мало! Каледина бей! Немца бей! Пусть сами воюют, а мы отвоевались!..

– Слышали – в городе целая армия, Северной Добровольческой называется? Куда нам с армией тягаться, – сбивал с толку второй.

– Как сапоги – так себе, а как под пули – нас, – подпевал третий.

– Даешь нейтралитет! – кричал из толпы четвертый.

Тростильщицы, чесальщицы, ткачихи, которые пришли с Минодородой, растерялись. Слушая такие речи, только головами крутили. Минодоре не дали слова вставить. Зеленоглазый солдатик с косо подбритыми бачками заявил ей нагло:

– Катись-ка ты отсюдова!.. Братцы! Чего канитель разводите?! С большевиками от голода ноги протянешь, а офицеры обещают каждому по шестьсот рублей в месяц и по два фунта белого хлеба в день!..

Только хотела Минодора свое, бабье слово сказать, постыдить красноармейцев, как на порожнюю бочку из-под селедки, с которой выступали, как с трибуны, забрался Лобов, спихнув какого-то «нейтралитетчика».

Лобова здесь хорошо знали. До того, как по решению городской парторганизации уйти в Красную гвардию, он был членом полкового комитета. После ложного вызова Менкера только что вернулся в город.

– Нейтралитету захотелось?! – Лобов дернул козырек фуражки. – Генералы опять к власти придут – собственной кровью ополоснетесь. У кого из вас советская власть землю отняла – подымите руки... Нету таких?.. А кто голосовал за большевистский декрет о Мире и Земле? Все!.. Так почему же вы за свою власть, за землю свою воевать не хотите? Куклы вы тряпичные, а не солдаты, вот что я вам скажу!

Красноармейцы закричали:

– Ты, Андрей, нас не ругай!..

– Ты разберись сперва!..

– Командиров нет! Повар – морда толстая – и тот сбежал!..

– Сидим в казармах, не знаем, кто в кого стреляет!..

– Эх вы! – укоризненно покачал головой Лобов. – Глупость несусветная. В рабочих стреляют, в крестьян. А вы, солдаты, кто такие? Тоже рабочие и крестьяне, только в шинелях. Экую дрянь придумали. Нейтралитет сейчас – это предательство! Дурят вас, а вы и уши развесили...

Минодора сорвала красную косынку с головы:

– Красноармейцы! Наши ткачи уже бьются с офицерем. А вы хотите в казармах отсидеться? Как же вы потом сиротам и вдовам будете в глаза смотреть? Ваши винтовки должны защитить нас!..

– Нет винтовок!

– Валиев приказал сдать их на склад и замки повесил!

– Сбить замки!

– Кончай волюнку, защитим Советы!

Опять заговорил Лобов:

– Кто желает защищать советскую власть – вооружайся! Кто трус – на все четыре стороны!..

Солдаты ворвались в склад, похватали винтовки. Но затворы оказались без соединительных планок. – Кто-то вспомнил, как зеленоглазый солдатик из новеньких, который страшал Минодору, а потом исчез, выносил со склада мешок, зарывал его в мусор. Там и нашли соединительные планки.

Первая Интернациональная рота бросилась на штурм Никольских казарм. Вторая заняла Которосльскую набережную. Третью, по просьбе военкома, Лобов послал к Московскому вокзалу.

Мало было пулеметов. Распределили их по самым ответственным местам. Одна пулеметная команда окопалась возле Николо-Трепинской церкви, держала под огнем район правее Спасского монастыря до Стрелки. Другая залегла на углу Малой Московской – обстреливала водонапорную башню Вахромеевской мельницы, с которой строчили по низкому правому берегу Которосли пулеметы мятежников.

Напротив краскотерной фабрики, в ложбинке, – еще пулеметная команда. Здесь, со взводом красноармейцев, сам Лобов. Только устроились, как мятежники по мосту, по дамбе попытались выйти в Закоторослье, пробиться к Московскому вокзалу.

Оставшиеся в живых офицеры бросились назад и больше уже не пытались здесь вырваться из центра, обожглись.

Но и в центре, у штаба в гимназии Корсунской, за стенами Спасского монастыря, где рядом с серыми шинелями мелькали у бойниц черные рясы монахов, у Демидовского лицея находила мятежников смерть – это была с Туговой горы артиллерия.

«Главноначальствующий» топал на Валиева ногами:

– Это так-то ваш полк восстание поддержал? В крайнем случае нейтралитет обещали, а вместо него – пулеметы и пушки? Марш на Стрелку, в самое пекло! Попробуйте этот нейтралитет на собственной шкуре!..

Здесь, на Стрелке, надежно замкнулась подкова обороны, которая, сгибаясь день ото дня, сплющит мятежников в центре.

Из Москвы, Петрограда, Иванова на помощь спешили отряды, бронепоезда, артиллерия. Но главный удар выдержали ткачи, железнодорожники, красноармейцы Первого стрелкового полка. Они заняли те позиции, которые стали сначала фронтом обороны, а потом – фронтом наступления...

Сурепов

По Стрелецкой улице, мимо разгромленного, с выбитыми окнами, штаба Красной гвардии, возле которого стояли зеваки из обывателей, заволжских рабочих провели к гимназии Корсунской, загнали в класс на третьем этаже.

Окна класса выходили на Которосль. Там, возле реки, шла бесперебойная стрельба – хлопали винтовки, полосовали пулеметы. Шальные пули ударялись в стену. Несколько пуль через окна попали в потолок, арестованных осыпало штукатуркой.

Столы были вынесены из класса, сидели на полу. Рискуя жизнью, подползали к окнам, чтобы полюбоваться на красный флаг на башне ткацкой фабрики. Этот флаг и близкий бой вселяли в измученных людей надежду, что советская власть в городе удержится, выстоит.

К вечеру класс набили битком. Ночью стали вызывать на допросы. Одни больше не возвращались. Может, переводили в другое место, может, выпускали тех, кто не представлял интереса. Других вталкивали в класс избитыми. Таким вернулся Степан Коркин – на щеке кровоточит царапина, под левым глазом синяк.

– Кто тебя? – спросил Резов.

– Сурепов, начальник контрразведки. Лично представился... А потом сапогами в живот. Все нутро отбил, гад...

Тихон постелил ему пиджак. Степан, морщась, осторожно лег, закрыл глаза и притих.

Вызвали и Тихона.

– Не горячись. Прежде чем слово сказать – подумай, – напутствовал Резов, в глазах – тревога.

В длинном коридоре, где совсем недавно под присмотром классных дам прогуливались на переменах гимназистки, шныряли прокуренные, проспиртованные, провонявшие порохом офицеры. Где-то дробно стучала машинка. Кто-то пронзительно кричал в телефон.

У стены стояли парусиновые носилки в крови. Рядом, привалившись к стене, разговаривали двое офицеров с тупыми от усталости лицами.

– Не знаешь, что с Лозинским?

– Красные их у артсклада штыками перекололи.

– Жалко Вальку! Храбрец!

– В картишки нечист был на руку...

Конвоир задержался возле офицеров, попросил закурить. Вдруг отпихнул Тихона к стене, спрятал папироску за спину. Офицеры щелкнули каблуками.

Коридором шагал плотный полковник в сверкающих сапогах, стеком похлопывал по твердому голенищу. Рядом – женщина в косынке сестры милосердия. Лицо ее Тихон не успел разглядеть, уставился на полковника. Тот козырнул офицерам и скользнул по Тихону черными, словно бы без зрачков, безжалостными глазами. Взгляд их был такой неприятный, что Тихону захотелось заслониться от него рукой.

Полковник с сестрой милосердия прошли мимо.

– И чего ее командующий за собой таскает? – посмотрел им вслед конвоир.

– Болтай больше! – прикрикнул на него один из офицеров.

– Спасибо, господа, за табачок, – сразу заспешил конвоир. – Ну, иди, иди! – подтолкнул он Тихона.

По грязной, заплыванной лестнице спустились этажом ниже. Тихон очутился в душном кабинете с наглухо зашторенными окнами, освещенном двумя настольными лампами.

За большим канцелярским столом сидел, развалясь в дубовом кресле, молодой красивый офицер. Был он в распахнутом кителе, во рту перекачивал папиросу. За спиной офицера, на высоком шкафу, – простреленный насквозь глобус.

Сбоку стола на гнущем венском стуле как-то по-домашнему расположился плечистый дядька в натальной солдатской рубахе с завязками вместо пуговиц. Он ножом-складником колот сахар.

На столе медный чайник и фарфоровый чайничек с заваркой, две кружки и плоский котелок, из которого торчала деревянная ложка. На спинку стула небрежно накинута полковничий китель.

– Ну, здравствуй, Тихон Вагин, – приветливо сказал красивый офицер и бросил папироску в котелок.

Тихон сердито засопел. Еще дорогой, как вели сюда, решил ничего не отвечать, что бы ни спрашивали.

Офицер достал из коробки другую папироску. Постукал ее мундштуком по столу, закурил, щуря глаза от дыма.

– Ты, наверное, думал, здесь звери сидят?.. Руки будут тебе крутить, нагайками, шомполами калеными пытаться?..

Офицер добродушно рассмеялся, поглядел на скучного дядьку, важно колотившего сахар.

– Наверное, и помереть героически собрался? – весело допытывался он. – И язык откусить?.. А я тебе вот что скажу – ничего мы у тебя выпытывать не будем. Мы и так, что нужно, распрекрасно знаем. Должность наша такая – все знать...

Выдвинув ящик стола, офицер достал какие-то листки. Стал их читать, одобрительно поглядывая на Тихона.

Грузный дядька, причмокивая, сосал сахар, пил чай, вытирал пот платком. Можно было подумать, что его в этой комнате ничего не касается.

Тихон догадался – это и есть Сурепов, начальник контрразведки.

– Слушай, Вагин, ты Алумова знаешь? Ну, инженера вашего? Что это за человек? – спросил красивый офицер.

– Мерзавец он! – выпалил Тихон.

– Правильно! Он тут прислал интересный документик. Наверное, думал, что мы тебя за эту бумажку расстреляем...

Офицер взял со стола листок. Тихон сразу узнал его – это было обращение к молодежи города, которое он читал Резову утром.

– Суть документа – страстный призыв объединиться в Союз молодежи. Правильно я понял, Вагин?.. Правильно! Время и место, где это историческое событие должно произойти, – гимназия Корсунской, седьмого июля, шесть часов вечера. Таким образом, до встречи здесь представителей молодежных организаций города остались считанные часы, а я вижу перед собой одного из инициаторов этого важного политического мероприятия, – говорил и улыбался веселый офицер.

– Ротмистр, переходи к делу, – поторопил Сурепов.

– Сию минуту, господин полковник. Так вот, Вагин, у нас к тебе предложение. Поскольку собрание назначено – надо его провести.

Тихон растерянно уставился на ротмистра. Тот продолжал свою мысль:

– Вот тут в обращении написано: «Все, кого интересует улучшение своего общественного развития, все, кто понимает, что пришла пора строить жизнь на новых началах, не должны смотреть равнодушно на происходящие события». Все правильно, Вагин, – в событиях надо принимать активное участие. А что сейчас происходит в городе? Крушение так называемой советской власти и установление справедливого, законного порядка...

– Жить хочешь? – без выкрутасов, в лоб, спросил полковник.

– Смотря как, – исподлобья глянул Тихон на Сурепова.

– А хорошо жить, сытно?

– Что для этого надо? – силится понять Тихон, чего хотят от него, почему офицеры контрразведки так заинтересовались этим обращением.

– Ротмистр, объясни, – откинулся на спинку стула полковник, налил вторую кружку чаю. Красивый офицер доверительно заговорил, наигрывая тонкими бровями:

– Мы предлагаем тебе, Вагин, сотрудничать с нами. Так сказать – строить жизнь на новых началах. Как видишь, в этом наши программы с тобой сходятся. Но в нашей России не будет ни большевиков, ни Советов. Вот с такой, уточненной, программой и надо провести собрание. Если не сегодня, то на днях. Сейчас мы тебя освобождаем, ты возвращаешься в Заволжье и призываешь молодежь записываться в Северную Добровольческую армию. И здесь, в центре города, найдутся энергичные молодые люди, которые поддержат это благородное дело. А твой участок – Заволжье.

– Ну как, согласен? – поставил Сурепов на стол пустую кружку.

Откуда было Тихону знать, что он имеет дело с человеком страшным, который обламывал и образованных интеллигентов, знавших «Капитал», и лихих террористов, а потом с ловкостью необыкновенной пек из них предателей.

– Чего молчишь? Согласен? – повторил он вопрос.

– Боюсь, господин полковник.

– Чего боишься? – налег на стол Сурепов так, что он скрипнул.

– Не успею до Заволжья добраться. Вам советская власть шеи раньше свернет...

Грузный Сурепов неожиданно быстро вскочил со стула, сбил Тихона с ног. Платком вытер кулак:

– Наточили большевики зубы щенкам.

– Замечательно, господин полковник! Такого молодца свалили! – похлопал в ладони веселый офицер. И как ни в чем не бывало обратился к поднявшемуся Тихону: – Мы тебе, Вагин, предлагаем серьезное дело, а ты так несерьезно отвечаешь. Глупое занятие – терять драгоценную жизнь ради дешевых идеалов. Я уверен – ты еще не безнадежно отравился большевистской пропагандой и можешь трезво оценить свое положение: в нашей власти – расстрелять тебя или помиловать. В твоих руках выбор – жить или умереть. Мы готовы забыть твое красногвардейское прошлое и дать тебе возможность искупить его. Ведь ты так молод. – Офицер заглянул в бумаги на столе. – Нет и девятнадцати. Подумай о матери, о сестре...

– Еще неизвестно, по кому первому будут поминки справлять, – кровью сплюнул на пол Тихон.

– Ну и дурак! Был у тебя один шанс в живых остаться – и тот не использовал, – с улыбочкой сказал ротмистр, обратился к Сурепову: – На эти душевительные беседы только зря время тратим. Алумов правильно пишет – расстрелять всех заволжских без исключения.

– Расстрелять, Поляровский, всегда успеем. Меньшевики и эсеры из кожи лезли, доказывая, что рабочие пойдут за ними. А они вон как обложили... – И, не договорив, Сурепов приказал конвоиру увести Тихона.

Иван Алексеевич посмотрел на рассеченную губу, вздохнул:

– Нет, Тишка, не погуляю я на твоей свадьбе. Не мог язычок-то придержать? Разыграл бы перед ними простачка, который с большевиками по молодости связался, – и отпустили бы.

– Жди, отпустят. – Тихон рукавом рубашки вытер кровь с лица. – Помнишь, я тебе обращение к молодежи читал?.. Алумов его сюда переправил...

И Тихон рассказал, что было в кабинете начальника контрразведки.

– Смотри-ка ты! Предлагали правой рукой Алумова стать – и отказался?

– Издеваешься, дядя Иван? – вышел из себя Тихон. – Думаешь, я к вам, большевикам, только по молодости, по глупости тянулся?..

Иван Алексеевич ничего не успел сказать – вызвали на допрос. Вернулся с разбитыми губами, разорванной на груди рубашкой. Хоть и жалко было Тихону его, но не утерпел:

– Сам-то что язык не придержал? Других горазд учить...

– А дела у них, видать, паршивые, – с кряхтением уселся на пол Резов. – Сурепов и меня Алумову в заместители сватал. Своих иуд не хватает, так среди нас ищут. Этот офицерик еще гоношится, а полковник – битый волк, облаву за версту чует...

Иван Алексеевич подложил под голову свернутый пиджак, улегся рядом с Коркиным.

Удивляло Тихона настроение Резова. Перед мятежом все ворчал, а теперь, когда город взяли мятежники, будто успокоился. Стал прежним, уверенным в себе, в большевистской правде, которая все равно верх возьмет.

Задремал Тихон. И снилось ему, как зеленым полем идут они с Сережкой Колпиным к белому городу на горизонте. И вроде уже не чистое поле это, а выгнутая поверхность того самого простреленного глобуса, который Тихон видел в кабинете начальника контрразведки. А там, где только что стоял белый город, зияет черная дыра...

Испытание

Свирепыми окриками надрывая глотки, в коридоре затопали конвоиры. Федор Смолин подскочил к двери, прислушался, потом заглянул в скважину. Вернувшись, сообщил:

– Из класса напротив всех увели.

– Куда? – вырвалось у Тихона.

– На набережную, с барышнями гулять, – угрюмо бросил Степан Коркин.

– Может, в тюрьму? – гадал Тихон.

– Будут эти собаки на нас харчи переводить. Скорее бы, а то только душу тянут...

Не сразу эти слова дошли до Тихона. А когда понял, о чем говорит механик, – от страха спина как заледенела.

Прислушался, не раздадутся ли залпы во дворе гимназии. Но выстрелы по-прежнему вразной шелкали у Которосли. Над прямоугольной башней ткацкой фабрики все так же полоскался в ясном небе красный флаг.

И, глядя на него, Иван Алексеевич гордо произнес, будто бы и не расслышав, что сказал Коркин:

– Вот он – наш! Молодцы ткачи!..

Через час их согнали во двор гимназии, построили. Повели мимо Гостиного Двора, через Театральную площадь. По святцам никакого праздника нет, а над Казанским монастырем неумолчно трезвонят колокола.

Здесь колонну обступили крикливые базарные торговки, старухи в салопах. То мелко крестились, то грозили кулаками, сыпали проклятия. Норовя попасть в глаза, самые ретивые бросали в арестованных песком.

На Семеновской площади мимо колонны пронесся грузовой автомобиль, в кузове – увешанные оружием офицеры. Лица злые, решительные, в глазах ненависть. Вывернув на Ильинскую улицу, умчались в сторону Демидовского лицея, откуда доносилась пулеметная стрельба, ухали артиллерийские разрывы.

Крутым Семеновским спуском колонну арестованных подвели к деревянному причалу. К нему только что приткнулся пароходик «Пчелка», на котором горожане переправлялись на другую сторону Волги.

– Уж не в Заволжье ли нас?

– Нет, что-то они другое задумали, – ответил Тихону Резов.

– Молчать! – рявкнул конвоир в чиновничьей фуражке; как палкой, замахнулся винтовкой.

Офицер с подвешенной на черной косынке рукой пересчитал их, приказал заходить на «Пчелку».

– Чего с ними канителиться, господин поручик! – обратился к нему конвоир в чиновничьей фуражке. – Привязать каждому на шею по булыжнику – и в Волгу.

– Всему свое время, – равнодушно сказал офицер.

Следом за Резовым Тихона спихнули в трюм.

Заклокотал двигатель, «Пчелка» отвалила от причала, развернулась. Не прошло и трех минут, как двигатель смолк, точно подавился. Пароходик закачался на одном месте, обо что-то глухо ударился бортом.

– Выходи! Выходи быстро! – закричали сверху.

Арестованные поднялись на палубу. «Пчелка» причалила к дровяной барже, стоявшей на двух якорях напротив Волжской башни. На дне баржи лежали и сидели на березовых сырых кругляках люди.

С парохода сбросили длинный деревянный трап. Тихон пригляделся к худенькому матросу, крепившему на кнехте чалку. Где он его видел? Матрос поднял острое лицо – и Тихон узнал паренька-красногвардейца, с которым в октябре прошлого года прятались в зимнем саду губернаторского особняка.

Последняя группа арестованных сошла с парохода, когда с баржи на него перепрыгнул мужчина в кургузом пиджачке.

– Господа! Господа! Я не большевик, я работал в акцизе!..

Конвоир в чиновничьей фуражке вскинул винтовку и, зажмурив глаза, выстрелил. Но пуля угодила точно – человек, который не был большевиком, взмахнул руками и кулем свалился в воду...

Офицер, с рукой на перевязи, забрался на капитанский мостик:

– Господа-товарищи! Я вам не препятствую, вы можете провозгласить здесь, на барже, любое равенство и братство. Но завтра, послезавтра, после послезавтра мы будем проверять вас по счету. И вас должно быть ровно двести семьдесят четыре, не важно – живых или мертвых!..

Офицер был какой-то чудной – дергался, то и дело почесывался, строил гримасы. Потом достал из нагрудного карманчика стеклянную трубочку. Понюхал из нее сначала одной ноздрей, потом другой. С минуту стоял молча, блаженно щурясь.

– Дядя Иван, табак он, что ли, нюхает? – спросил Тихон Резова, с отвращением уставясь на офицера.

Иван Алексеевич усмехнулся:

– Кокаин это, Тишка...

– Что такое? – не понял тот.

– Страшная штука. Он за этот порошок отца с матерью зарежет.

Офицер убрал стекляшку в карман, продолжил:

– Предупреждаю: если не досчитаюсь, живого или мертвого – не важно, прикажу расстрелять каждого десятого. Сбегут двое – каждого девятого, трое – каждого восьмого! И так далее, арифметика ясная...

«Пчелка» отвалила, ушла к пристани...

Баржа длинная, саженой в сорок, борта высокие, размашистые. Еще весной, в половодье, пришла с верховьев Шексны нагруженная дровами. Их почти все выгрузили, обнажилось днище – несмоленое, проконопаченное только лыками. В нескольких местах – грязные лужи. От них воздух в барже сырой, пахнущий гнилью, словно в разверстой могиле.

Вверх по течению такие баржи уже не поднимали – пускали на слом, на дрова. Поэтому сделана она была неказисто, тят-ляп, борта обшиты самыми плохонькими досками. Только матица – средний брус днища – да поперечные брусья-шпангоуты крепкие, массивные, чтобы баржа по пути не развалилась.

На корме и носу – короткие тесовые настилы. Здесь на кнехты-пни намертво заведены канаты от кормового и главного, станового якоря. Толстые пеньковые канаты наискосок уходили в воду, прочно удерживая баржу на месте.

Время от времени мятежники с берега стреляли по барже из пулеметов. Пули прошивали трухлявые доски насквозь, застонали раненые. Среди узников оказался врач – в пенсне, в жилетке без пиджака. Первые повязки он сделал из своей рубахи. Увидев это, Резов протянул свою. Доктор разорвал ее на полосы, ушел к раненому.

– Доктор свое звание и здесь не забыл, – посмотрел ему вслед старый рабочий, поднялся на ноги. Вдоль правого борта, обращенного к Волжской башне, откуда били пулеметы, начал складывать поленницу из оставшихся на дне тяжелых, вымокших дров.

К нему присоединились другие узники. К вечеру поленница-баррикада ненадежно, но прикрывала от пулеметных очередей. Иван Алексеевич работал, присматривался к людям, даже шутил, хотя на душе кошки скребли. Он уже догадался, что задумали мятежники – это было пострашней винтовочного залпа в упор.

Конечно, дровяная баржа не Коровники, где Резову до революции не раз пришлось побывать. Перевалялся ночью через борт – и сам своей жизни хозяин. И хороших пловцов среди заключенных, наверное, немало – на Волге выросли.

Но кому захочется жизни, добытой чужой смертью? Офицер-кокаинист свое дело знал. Догадывался, что большинство узников не из тех, которые выкупят свою «жизнь-жистянку» любой ценой, вплоть до предательства и смерти друзей...

Плыли над Волгой кучевые облака, плескалась вода за бортом, пронеслись над баржой крикливые чайки. Иногда ветер доносил винтовочную стрельбу, запах гари.

Тихон сидел, обхватив колени, смотрел в небо. Думал, что теперь дома, и как это получилось, что контрики захватили их врасплох.

Стемнело. У кого-то нашлась в кармане щепоть махорки, у кого-то спички. Свернули «братскую», огонек самокрутки, как светлячок, перелетал от одного к другому. Протянули чинарик Тихону – помотал головой:

– Еще не курю.

– Теперь уж и не начнешь, парень, – сказал сосед.

Иван Алексеевич сидел рядом с врачом, разговаривали вполголоса:

– Я что хотел спросить, Терентий Василевич... Сколько дней человек может прожить без еды?

– Смотря какой человек. Если здоровый – то дней десять – двенадцать... И нужен покой. Надо беречь силы, как можно меньше движений...

– Что ж, будем лежать. И говорить, чтобы люди веру в спасение не потеряли!..

Тихон подсел к Резову, зашептал:

– Чем с голода помирать – лучше сразу проломить днище у баржи – и конец.

– Ох, и глуп ты еще, Тишка! – вздохнул Резов. – Не топиться надо, а бороться.

– Как?! Кругом вода.

– По-разному борются. Духом не упасть – тоже борьба. Помню, после пятого года я в Коровниках сидел. Меня выпустили – жену забрали. Потом наоборот. Следователь как-то сказал: «Все равно не дам вам вместе жить». Изувер был – еще поискать. И ничего, выдюжили. Главное сейчас – не сломиться...

Каждый день, перед вечером, к барже подваливал маленький закопченный катер, похожий на утюг с самоварной трубой. Офицер-кокаинист пересчитывал арестованных; потом катер опять уходил к пристани.

Однажды с катера сбросили несколько буханок хлеба. Поделили его поровну, по кусочку.

А голод заявлял о себе все сильнее, Чтобы обмануть его, некоторые, несмотря на запрет врача, начали жевать прелую березовую кору. Хватились поздно – мучительная резь в желудке доводила до беспамятства.

Эти умерли первыми. Потом стали умирать раненые, слабые. Мертвых оттащили к корме, живые сгрудились в носовой части. Нечаянно Тихон подслушал, как доктор сказал Резову:

– Брюшной тиф. Все перемерем...

Тихон отвернулся лицом к борту. Было жалко себя, мать, сестренку. И сейчас, ослабевший, Тихон переплыл бы Волгу, но он так не сделает, это было бы предательством.

Рядом лежал Степан Коркин и тихонько постанывал. То ли от ушиба, то ли от голодухи открылась рана на ноге и гноилась. Но Коркин ни разу не пожаловался, мучился молча.

Каждый день корма все ниже оседала от тяжести, считать мертвых стало трудней. И вдруг офицер-кокаинист пропал – катер не подходил к барже день, второй.

– Видать, донохался офицерик, – заключил Резов.

Но на следующий день катер опять причалил к барже. Поручика с рукой на перевязи на нем не было. На баке стояли незнакомые офицеры и стройная женщина в наряде сестры милосердия. Отщипывая хлеб от буханки, она бросала куски на баржу и закатывалась от смеха, когда изголодавшиеся люди хватали их из вонючей лужи на дне.

На этот раз Тихон узнал «сестру милосердия», которую видел с Перхуровым в гимназии Корсунской. Не отводя глаз от белого, напудренного лица, нащупал полено поувесистей. Иван Александрович успел перехватить руку парня.

– Не горячись. Живы будем – за все расквитаемся.

– Знаешь это кто? Барановская, актриса, о которой я тебе говорил.

Когда катер ушел, Тихон, еще не остывнув, выдал:

– Зря ты меня, дядя Иван, удержал. Попал бы – одной гадюкой меньше. Другие – слышишь – за город бьются, а мы...

– Пулемет на катере видел?.. Они за эту актрису всех бы уложили...

Побег

Катер подошел к барже и на другой день, на палубе – Поляровский. Не сразу признал Тихон помощника начальника контрразведки – румянец спал, лихорадочные глаза навывкате, щегольская шинель в пыли и помята. Движения резкие, судорожные, словно ротмистр с похмелья.

– Все вы совершили тягчайшие преступления перед родиной, – надсаживался он, держась за леерную стойку. – Даю вам последний шанс спасти жизнь – предлагаю вступить в ряды Северной Добровольческой армии. Желаящие сейчас же будут освобождены и накормлены.

– Неужели найдется такая сволочь? – вслух подумал Иван Алексеевич.

– Сдохнете с голода! Сгниете заживо! – пугал Поляровский. – Ради чего эти муки? Кому они нужны?..

– Мотал бы ты отсюда, ротмистр, – посоветовал старый рабочий. – Ненароком поленом зашибем.

– Что?! – вскинул ротмистр руку к кобуре.

– Трепаться, говорю, кончай, не умалишь, – поднялся с поленицы Резов. – Забрались в город, как воры в дом, боитесь, что хозяин вернется, а еще хорохоритесь, сволочи...

Дрожащей рукой Поляровский не сразу смог расстегнуть кобурку. Выхватив наган, приказал сопровождающим:

– На корму мерзавца!

Ивана Алексеевича втащили на кормовой настил, оставили одного. Он посмотрел на небо над головой, на Заволжье.

- Встань на колени, старик, – помилую, – за спину убрал Поляровский взведенный наган.
- Подавись ты своей милостью. Как бы тебе самому в арестантах не оказаться.
- Раньше ты на том свете окажешься! – заорал Поляровский.
- Значит, там встретимся, – спокойно ответил старый рабочий. . . оглянулся на мост через

Волгу, откуда уже третий день, не утихая, доносились выстрелы и взрывы. – Товарищи!.. – вдруг выкрикнул он, что-то увидев там.

И в эту самую секунду рядом взметнулся ослепительно-белый столб воды. Рассыпавшись на брызги, он упал на баржу, скинул Резова на дно. Баржа дрогнула, дернулась на волне, и поленица вдоль борта рухнула на рабочего.

Поляровский бросился в рубку, катер сразу же отчалил к берегу.

Тихон и Коркин раскидали упавшие дрова, перенесли Резова в носовую часть баржи.

- Где ротмистр? – пришел он в себя.
- Удрал. Вовремя пушечка ударила, – ответил ему Тихон.
- Немного, товарищи, ждать осталось, – приподнялся Иван Алексеевич. – Над мостом – красный флаг.

Заговорили все сразу:

- Всё. Теперь выбьют контру из города.
- Потопят нас, в живых не оставят.
- Бежать надо.
- Куда? Заволжье еще у белых.
- Вплавь по течению. А там наши. . .
- Сил не хватит. Ослабли от голодухи.
- Поймают – всех к ногтю. А так, может, отсидимся.
- Нет, в живых они нас не оставят, – повторил Степан Коркин. – Правильно – бежать надо.

– На барже не убежишь, – задумался Резов. – Надо катером. Захватить его, как следующий раз причалит.

– Причалит ли теперь?..

Тихон рассказал о знакомом матросе с «Пчелки».

– Значит, на пароходе свои, если не выдали красногвардейца. Послать туда ночью людей, снять охрану. . .

– А что, попробуем? – поддержал Тихона механик.

– Надо попробовать, – согласился Резов. – Только подготовиться как следует, людей отобрать покрепче.

– Я готов, – первым вызвался Степан Коркин.

– С простреленной-то ногой?

Решили плыть вчетвером – Тихон, Смолин, Нимцович из Губкома партии и Сидорин, арестованный мятежниками в штабе на Стрелецкой.

Вечером из березовых кругляков нательным бельем связали четыре плотика. Расположились у левого борта, где близким взрывом выбило верхние доски. Набираясь сил, лежали на дровах. Ждали, когда стемнеет. Небо еще днем стало затягиваться тучами, обещая ненастье на ночь.

– Тихон, ты везучий? – шепотом спросил Федор Смолин.

– Не знаю. Не думал, – не сразу ответил Тихон. – А ты?

– Меня на фронте так и звали – Везучий. Отчаянный был – сам под пули лез! Кого в разведку? Меня. Нужен язык, кого послать? Опять меня. В таких заварухах бывал – всё как с гуся вода. Три года в окопах на передовой вшей кормил – и ни одной царапины. Говорили мне: на тебя, Федор, немцы еще смерть по размеру не подобрали. . . А отчего я беспшашный был? Как вспомню детство свое голодное, как с девяти лет коров пас, а с четырнадцати подсобником

в мастерских надрывался – так несколько не жаль мне этой жизни, пропади она пропадом... А теперь я смерти бояться стал, очень мне хочется посмотреть, какая она будет – новая жизнь...

Рядом разговаривали Резов с Нимцовичем. Тихон понял – старый рабочий хорошо знает этого человека, иначе бы так не откровенничал:

– Ты мне вот что, Семен, объясни – как же мы мятеж проглядели? Ведь это не дом обворовать – такой большой город захватить. Тут подготовка нужна. Вот я тебя и хочу спросить: где была наша чека? О том, что к нам в город золотопогонников много наехало, что расположен он удачно, – это я знаю. Растолкуй, почему чекисты белякам вовремя руки не повязали?

– Трудный вопрос, Иван, задаешь, – не сразу ответил Нимцович. – Я и сам еще многое не пойму. Знаешь, кто меня арестовал?

– Кто?

– Менкер, секретарь чека. В ночь на шестое я остался в Губкоме. Когда офицеры туда пожаловали, смог убежать, полдня прятался в дровах во дворе. Потом решил – была не была, попробую вырваться из города. Иду по Рождественской, а навстречу Менкер с какими-то людьми. Ну, думаю, свои. Бросился к ним, а он орет: «Держи комиссара!» Револьвер я вытащил, а убить предателя не успел.

– И меня Менкер брал, – сказал Сидорин. – Ночью слышим: пушка ударила, совсем близко. Начальник караульной роты позвонил в чека, спрашивает Менкера, в чем дело. Тот говорит: жди в штабе, сейчас все узнаешь. Смотрим – по Стрелецкой к нам отряд направляется, впереди – Менкер. Мы и опомниться не успели, как они в штаб ворвались...

– Как же случилось, что такого оборотня раньше не раскусили? – опять спрашивал Резов Нимцовича.

– Много причин, Иван. Декрет о создании Чрезвычайной комиссии приняли в декабре семнадцатого, а у нас чека только в марте образовали.

– Ну и что из этого?

– Мало времени оставалось, чтобы освободиться от случайных людей. А такие там были. Чего говорить, если исполняющий обязанности председателя за день до мятежа обратился с просьбой освободить его, как непригодного к такой работе.

– Освободили?

– Не успели.

– Тут не успели, там недоглядели... Дыра на дыре.

Нимцович резко возразил:

– Не думай, что все слепы и глухи были! Знали – пороку в губернии хватает, белого офицерья скопилось как нигде, всю Двенадцатую армию здесь расформировали. И кой-какие меры приняли – в июне Чрезвычайный военный штаб создали. Только опередили нас офицеры – вот наша беда.

Словно сомневаясь, говорить ли об этом, Нимцович помолчал, понизил голос:

– Перед самым мятежом вопрос обсуждали: вызывать или не вызывать из уезда латышских стрелков.

– И что решили?

– Соломин из Горисполкома сказал – преждевременно. До этого с ним Лобов из штаба Красной гвардии говорил. Слышал краем уха – предупреждал, что в городе неладно, что заговор зреет. Называл кое-какие фамилии.

– И что же Соломин?

– Поосторожничал, так Лобову разрешение на аресты и не дал.

– Всех местных большевиков знаю, а о Соломине только недавно услышал. Откуда он?

– В шестнадцатом году эвакуировался к нам из западной губернии. Работал в часовой мастерской. Хороший организатор – как приехал, из еврейских беженцев кружок сколотил. После Февральской этот кружок в группу Бунда перестроил.

– Знаю я, что такое Бунд, – проворчал старый рабочий. – Правильно его меньшевистским хвостом обозвали. А как Соломин большевиком стал?

– Перешел к нам в марте семнадцатого. В апреле его в городской комитет партии выдвинули, после Октябрьской – в исполком городского Совета.

– Вот тогда чехарда и началась: Горисполком и Губисполком – оба большевистские – и друг друга арестовывали! Партийная организация поддержала Брестский мир, а Соломин – наш посланец – едет в Москву и голосует против! Как ты мне все это объяснишь?

– Не могу я тебе, Иван, объяснить. Сам у Соломина спрашивай.

– Теперь не спросите.

– Почему? – повернулся к Сидорину Резов.

– Слышал, Менкер хвастался офицерам, что выпустил в Соломина весь барабан из револьвера. Не стал и допрашивать, прямо на квартире...

– Жаль человека, – выдохнул Нимцович. – Дельный был, хоть и ошибался... Помню, разругаемся с меньшевиками в пух и прах, а он успокаивает: «О чем толковать? Если дерево зазеленело, то обязательно будет расти. Большевики победят...»

– Железное надо мужество, чтобы в этакой драке победить, – промолвил Федор Смолин.

– Почему железное? Обыкновенное человеческое, – тихо сказал Нимцович и добавил: – Просто нужно быть начеку...

Долго молчали, пока опять не заговорил Сидорин:

– Жив останусь – подам заявление в партию. Когда офицеры в штаб ворвались, мы с начальником караульной роты в канцелярии забаррикадировались, все документы штаба сожгли. Потом контрики дверь выломали. Вывели нас из штаба – у входа Менкер прикладом винтовки самолично вывеску штаба сбивает. Аж рычит, взопрел, а она не поддается. Спрашивает нас: «Коммунисты?» «Я – большевик», – ответил ротный. «И ты большевик?» – обращается Менкер ко мне. «Нет, – говорю, – беспартийный». Помиловал меня Менкер, на баржу загнал. А ротного тут же, у дверей штаба, пристрелил... И сейчас стыдно, что я тогда большевиком не назвался... Как думаешь, товарищ Нимцович, примут меня теперь в партию?..

Нимцович поднялся на ноги:

– Потом, парень, договорим. Пора, стемнело...

Общими усилиями спустили плоты на воду. Первым поплыл Федор Смолин, за ним Сидорин, Нимцович. Последним – Тихон.

Холодная черная вода ожгла ослабевшее тело, свела ноги судорогой. Тихон вытянул их – боль отпустила. Толкая перед собой плот, обогнул баржу с кормы.

Красное небо над горящим парком у Демидовского лица отражалось в Волге. Тихон посмотрел вперед – среди красноватых перистых бликов головы и плоты были видны издали.

Только чудо могло помочь узникам достичь берега, где без огней, правее Волжской башни, стояла «Пчелка».

Но чуда не случилось – их заметили, с берега застрекотал один пулемет, другой. Кто-то вскрикнул, застонал, последний раз вскинул руки.

Полоса светлых фонтанчиков вспыхнула перед Тихоном, одна пуля попала в плот. Тихон отпустил его, ушел в воду, набрав в легкие воздуха.

Когда вынырнул, плот уже унесло течением, а пули свистели над головой. Выбиваясь из сил, напрягая каждый мускул, захлебываясь, он заплыл за баржу. Кто-то подхватил его и перетянул через борт.

Больше никто не вернулся. Тихон лежал пластом на мокрых дровах. Не мог удержать дрожь в теле, изнуряющую икоту. Резов и Коркин сели рядом, укрыли сухим пиджаком.

Прошел час, другой. Тихон согрелся, но уснуть не мог. С правого берега долетели звуки, непохожие на винтовочные и пулеметные выстрелы, к которым за девять дней заключения на барже уже привыкли. Не сразу поняли – стучат топоры, повизгивает плохо заправленная пила.

Небо уже посветлело, но на Волгу лег туман, и берег просматривался плохо.

– Вроде бы у Волжской башни, – прильнул Степам к щели в борту.

– Нет, правее, – сказал Резов, взглядываясь в берег. – На «Пчелке» огни зажглись. Не там ли?..

Тихон, еще несколько человек подползли к борту, прислушались к странным звукам.

– Не иначе нам гробы готовят, – мрачно обронил кто-то из заключенных, зло добавил: – Бежать вздумали. Теперь из-за вас погибай.

Никто ему не ответил, не возразил.

Сгущаясь, туман опускался все ниже. Сначала из него выплыла верхушка Волжской башни, потом сама башня и наконец высокая рубка «Пчелки». На капитанском мостике шевелились люди.

– Досками обшивают, – догадался Резов.

Вскоре увидели: по крутой лестнице с набережной спустился вооруженный отряд в серых шинелях, на пароход занесли какие-то ящики.

На капитанский мостик, где стояли двое, капитан и рулевой, поднялся третий. На нем офицерская накидка, фуражка.

Глухо застучал двигатель. Пароход медленно отодвинулся от причала, развернулся носом к барже.

– Всё. Потопят! – раздался тот же злой, неприятный голос.

Мышцы в теле Тихона конвульсивно сжались. Вцепился ногтями в сырой деревянный брус. Некоторые заключенные переползли к другому борту, словно там будет безопасней, если пароход на полной скорости ударит носом в полузатонувшую, продырявленную баржу.

А он все приближался, вырастал из тумана.

Неожиданно пароход круто повернул вправо, шипящей волной колыхнул баржу, обдал ее дымом. А Тихону показалось – этодохнула на них сама смерть.

Пароход – короткий и неуклюжий, словно бы вдавленный в воду тяжестью массивной трубы, с пузатыми колесными кожухами – проплыл мимо.

Офицер на капитанском мостике мельком посмотрел на баржу. Тихон успел увидеть черную бороду и усы. Что-то знакомое почудилось ему в лице под черным козырьком высокой офицерской фуражки.

И может, он бы узнал этого человека, но тот сразу же отвернулся, широко перекрестился на горящий город.

Шлепая по густой воде деревянными плицами, оставляя в ней маслянисто-тусклый след, пароход направился в сторону моста. За кормой, на привязи, прыгали на волне две лодки.

Пароход растворился в тумане, на барже облегченно выдохнули. У моста послышались редкие выстрелы и смолкли.

В это утро, воспользовавшись туманом, из города вырвался на «Пчелке» сам Перхуров. Обязанности «главноначальствующего» принял на себя генерал Маслов – тот самый, которого осенью семнадцатого года Тихон вел в Коровники.

Месяцы заключения не пошли генералу впрок, только озлобили. Видимо, ненависть к Советам затмила рассудок генерала, если он согласился продолжить дело, уже обреченное на поражение.

Маслов гнал на позиции всех, кто мог держать винтовку, – раненых, гимназистов, обывателей. Даже сколотил отряд бундовцев, что монархисту Перхурову никогда бы и в голову не пришло. Правда, эти разбежались раньше, чем дошли до позиций, и винтовки умыкнули.

Огонь выжирал целые кварталы. Горел город, и ночью узникам баржи смерти казалось – горит сама Волга. Вздохматилось пламя над Демидовским лицеем. На барже не сразу поняли, что же так ярко пылает там. Кто-то знающий объяснил – библиотека. Хлопья от сгоревших

книг взлетали в небо черными птицами, кружили над лицеем, долетали до Волги, падали на баржу серым пеплом.

После потери моста мятежники переправлялись с берега на берег лодками, катерами. Артиллерия красных била по ним, доставалось и барже. Взрывом оборвало трос кормового якоря, теперь их держал только становой.

Через пробоины баржа заполнялась водой. Кто мог двигаться, отчерпывали ее фуражками, черпаками из березовой коры. Но вода все прибывала.

Умер доктор. Сел у борта, накрыв голову жилеткой, и больше не поднялся. Резов совсем обессилел, лежал на поленнице неподвижно, словно покойник в гробу, только взгляд мрачный, упрямый. Степан Коркин еще бодрился, но нога распухла, гноилась.

Мертвых уже не оттаскивали на корму – не было сил. И они лежали рядом с живыми.

На тринадцатый день Волга вскипела под ураганным ливнем. Уродливо набухла, подернулась мутной пеленой. Вода хлестала в баржу сверху, фонтанами била из всех пробоин.

Тихону чудилось, что сидит он дома за столом, из большой миски хлебают щи, а напротив – мать и сестра. Смотрят на него, жалостливо вздыхают.

Видел Сережку Колпина, как стоят они с ним на крыше сарая и глядят в небо, в котором набирают высоту белые голуби.

Очнулся от толчка – Степан Коркин протягивает ржавый гвоздь.

– Надо трос рвать... Потонем...

По сложенным дровам Тихон выбрался на носовую надстройку, гвоздем пытался оборвать пеньковые пряди толстого просмоленного каната. Гвоздь гнулся, обламывались ногти, а канат не поддавался.

Вконец обессиленный, Тихон спустился вниз, пластом лег на дрова. Кто-то из узников взял у него гвоздь, полез на надстройку. Потом другой.

– Не получится... Надо плыть к своим... Пока дождь...

– Не могу... Нога как не своя, – ответил Тихону Коркин.

– Я поплыву... Только отдохну...

Их разговор услышал Иван Резов, склонился с поленницы:

– Не надо, Тихон... Не доплывешь...

– Я должен... Два раза не тонут...

Резов и Коркин пытались отговорить, но он уже не слышал их. Отдышавшись, полез через борт. Упал в кипящую воду, и течение, усиленное ливнем, понесло его к Стрелке...

Стрелка

Тихон лежал на сыром холодном песке. Пытался ползти, но сил хватало только пошевеливать пальцами. Потом услышал мягкие шаги.

– Смотри, утопленник!..

Второй голос, вроде женский:

– Нет... Дышит...

Над Тихоном склонилась женщина в красной косынке. Тихон хотел вспомнить, где ее видел, и не смог.

– Господи! – Женщина сняла косынку с головы, вытерла Тихону лицо. – Откуда ты такой взялся?

Теперь Тихон узнал ее – это она открыла красногвардейцам дверь в зимний сад губернаторского особняка. И странное ее имя вспомнил – Минодора.

– Товарищ командир, подойдите сюда! – крикнула кому-то женщина.

Подошел сердитый угловатый человек с плоской сумкой на боку и тяжелым маузером на узком ремешке через плечо. С ним трое или четверо красноармейцев.

Командир присел перед Тихоном на корточки. Глаза под козырьком фуражки со звездой строгие, холодные.

– Ты кто? Откуда? Говори правду!..

Командир произносил слова очень твердо, не смягчая согласных, а Тихон подумал, что это латыш или австриец из военнопленных.

Шепотом рассказал о барже, как пытались порвать трос, как плыл сюда. Речь давалась с трудом. От слабости по лицу текли слезы, и Тихон никак не мог взять себя в руки, сдержаться.

Женщина вытирала слезы косынкой, а командир хмурился. Недоверчиво, как показалось Тихону, качал головой.

Потом поднялся, приказал:

– Дайте ему спирт! Один-два глоток – это можно... Потом немного кормить... И Мехедова ко мне срочно, чтобы бежал!..

Тихона одели в чью-то гимнастерку, накинули на плечи шинель. От спирта по телу разлилось тепло, шумело в голове. Но он еще слышал, как сердитый командир говорил:

– Баржа против Волжской башни... Наши там... Тюрьма это. Надо рвать трос. Снарядов не жалея, но работай, как ювелир, товарищ Мехедов! Будешь ошибаться – буду сам лично тебя стрелять!

Потом Тихон поплыл куда-то, но эта река была теплая и без берегов. Его положили на носилки, куда-то понесли. А рядом шла женщина с красной косынкой в руке и плакала.

Тихон уже не видел, как человек, которого командир называл Мехедовым, долго и осторожно наводил ствол шестидюймового орудия туда, где стояла баржа.

Первый снаряд взметнул водяной столб правее баржи. Второй – перед самым носом. Третий уже левее, но до якорного троса не достал.

Мехедов рукавом гимнастерки вытер вспотевший лоб, сдвинул маховичок наводки на самую малость.

От четвертого снаряда баржа вздыбилась на волне, и надорванный трос лопнул. Подхваченная течением, баржа стронулась с места.

– Хорошо, Мехедов! – похвалил артиллериста строгий командир, не отрывая глаз от бинокля. – Буду представлять тебя к награде...

Мехедов оглох от выстрелов, от напряжения. Кто-то сунул ему зажженную сигарку, он затянулся, отошел от орудия и упал на мокрую траву...

Дождь уже стих, мятежники ход баржи заметили. По ней, надрываясь, застрочили пулеметы. Батарея в Коровниках всеми орудиями забила по Стрелке. А тут новая беда – там, где Которосль впадала в Волгу, баржа села на мель. Огонь пулеметов стал прицельней, убийственней. В бинокль видно, как очереди щепили борта, рушились поленницы, падали на дно люди...

– Мехедов! – крикнул командир. – К орудию! Клади снаряд совсем рядом.

– Не могу! Руки трясутся! – взмолился Мехедов.

– К орудию! – схватился за кобуру командир.

Взрывом под самое днище баржу опять кинуло на стрежень. С носового настила кто-то из узников, припав на одну ногу, махал над головой белой рубахой в пятнах крови.

Пока артиллеристы рушили окопы мятежников на Стрелке, красноармейцы, работники с ткацкой фабрики бросились к берегу, возле которого уродливым обрубок торчала баржа смерти.

Узников выносили на берег на руках, укладывали на песок. Вызвали из госпиталя в кадетском корпусе санитарные двуколки.

Течением баржу опять отнесло от берега. Над светлой водой чернели доски левого борта. Правый борт, больше пробитый очередями и снарядами, уже погрузился в воду.

На глазах красноармейцев и оставшихся в живых узников баржа медленно опустилась на дно Волги. Исчезла, как призрак.

– Так-то лучше, – облегченно выдохнула Минодора. – Быстрее забудется...

– Ну нет! – возразил командир. – Нельзя такое забывать, мертвые не простят...

Санитарные двуколки выехали на Большую Московскую. От американского моста в Зако-торосльскую часть города поодиночке шли беженцы. Женщина с седыми, растрепанными воло-сами несла завернутого в грязное тряпье мертвого ребенка. Рядом с ней – старик в порванной рубахе, босиком. Следом, надрывно смеясь, брела сумасшедшая старуха, на плечи накинута обгорелая оконная занавеска...

Возле дома Градусова артиллеристы устанавливали стволами на церковь Богоявления трехдюймовые пушки. От Московского вокзала шли отряды красноармейцев с винтовками. Смотрели на беженцев, на санитарные двуколки, на которых лежали узники баржи смерти, – и прибавляли шаг, крепче вбивали сапоги в мостовую.

Готовился последний удар по мятежникам, все еще удерживающим разрушенный центр города...

Крах

Маслов понимал – «кампания» проиграна. Офицерские отряды дрались отчаянно, но в этом отчаянии была обреченность смертников.

Генерал сидел в штабе и не руководил, не приказывал, а только выслушивал доклады, кивал и думал об одном: час уже пробил, и надо спасать собственную седую голову. Второй раз большевики не помилуют. Ну, можно продержаться день, два, а дальше?.. Вся эта озверев-шая штатская сволочь – лавочники, чиновники, сопливые гимназисты – вот-вот разбежится. Красные наступают по всем правилам, у них артиллерия, у них огромная поддержка в рабочих кварталах...

Генерал подписывал какие-то бумаги, а сам все думал. И ему показалось, что нашел выход.

Он вызвал одного из самых расторопных и осведомленных офицеров – ротмистра Поля-ровского.

– Где у нас этот... германский лейтенант?

– Председатель комиссии по делам военнопленных? – уточнил Поляровский.

– Он самый, – буркнул генерал, раздражаясь, что в таком деликатном деле ему прихо-дится юлить даже перед ротмистром.

– Вместе со всеми военнопленными – в городском театре. Как вы помните, полковник Перхуров объявил Германии войну и перевел их из Спасских казарм...

– Чем они занимаются? – перебил Маслов.

– Грабят магазины, квартиры, – спокойно доложил Поляровский. – Кроме того, лейтенант Балк приютил в театре толпу обывателей. Конечно, не бескорыстно, за определенную мзду – берет мукой, сахаром и, наверное, драгоценностями.

Генерал брезгливо поморщился.

– Какие у нас с ним отношения? Не было ли столкновений?

– Полковник Перхуров приказал провести тщательную проверку личного состава. В результате несколько «покрасневших» военнопленных пришлось арестовать и отправить на баржу.

– Ну и как реагировал Балк?

– Он не в обиде. В приватной беседе говорил мне, что так и ему спокойней – некому теперь большевистской агитацией сбивать с толку других солдат.

– Разумный офицер, – похвалил Маслов. – Он честолюбив?

– Весьма. Лейтенантское звание его явно не устраивает.

Задумавшись, генерал забарабанил пальцами по столу.

- Приведите его сюда, – наконец сказал он.
- Под охраной?
- Нет. Постарайтесь по доброй воле.
- А если заартачится?
- Тогда приведите силой. Нам деликатничать некогда.
- Слушаюсь! – и Поляровский, козырнув, вышел из кабинета.
- Генерал сразу же вызвал адъютанта.
- Передайте, чтобы все члены Военного совета немедленно явились на совещание...

...Лейтенант Балк изрядно перетрусил, когда к нему в артистическую уборную вломился русский офицер с белыми глазами убийцы. Балк лежал на продавленной козетке. И до того растерялся, что даже не встал. Но офицер довольно вежливо сообщил, что лейтенанта хочет видеть «главноначальствующий».

Балк успокоился и приказал денщику подать сапоги.

В последние дни театр превратился в склад-барахолку, где можно было увидеть и корзину с детским бельем, и тюки грубошерстного шинельного сукна, и даже часы в футляре красного дерева, с маятником, похожим на медный тазик. Лейтенант никак не мог понять, как предприимчивый немецкий фельдфебель сможет доставить этого монстра в несколько пудов в далекую Германию. Сам Балк был осмотрительнее – собирал ценности, которые можно унести в кармане.

Перевод из обжитых казарм в театр сначала огорчил лейтенанта. Но вскоре он понял – нет худа без добра, как говорят русские. Огненный фронт прорезал город у самых Спасских казарм, рядом, взметая булыжники, рвались снаряды. И теперь здание городского театра с толстенными стенами не казалось лейтенанту таким уж плохим, неустроенным местом – в нем безопасней, чем в казармах, можно было отсидеться в эти ужасные дни.

После того как снаряд пробил крышу гимназии Корсунской, на новое место перебрался и штаб. Теперь он находился в здании банка на Варваринской улице.

Балка ввели в вестибюль, где на полу валялись бумаги, штемпеля, рваные гроссбухи, сломанные счета и даже – георгиевские кресты, которыми в начале мятежа награждали особо отличившихся. Перхуров где-то целый ящик раздобыл.

Поляровский пнул попавшийся под ногу крест, завернул в коридор. У стен спали со скатками под головами солдаты из караула; задрав тупоносые стволы, стояли пулеметы. У дверей кабинета главноначальствующего Поляровский вяло козырнул немецкому офицеру и исчез.

Как только лейтенант Балк вошел в кабинет, генерал Маслов открыл последнее заседание Военного совета:

– Господа! Если положение города на двенадцатый день после начала восстания было признано угрожающим, то на пятнадцатый день оно стало катастрофическим. Мы потеряли артиллерийские склады, мост через Волгу, вчера – Заволжье...

– Безобразие! – вставил Лаптев. – Заложили под мост двадцать пять пудов взрывчатки и не успели уничтожить его. Бежали, трусили.

– Вас бы туда! – огрызнулся один из офицеров штаба. – Артиллерийских снарядов нет, патронами от трехлинеек набиваем пулеметные ленты, да и они кончаются. А у красных бронепоезда, пушки...

– Вчера мы сделали последнюю попытку прорвать фронт у Романовской заставы, – опять заговорил генерал. – Кинули туда офицеров-боевиков, но наступление захлебнулось. Полковник Перхуров по какой-то причине не смог исполнить задуманное – ударить красным в тыл...

Начальник контрразведки Сурепов язвительно произнес:

– Здесь собрались все свои, генерал. Полковник и не думал возвращаться сюда с подкреплением, как пытался нас уверить, а просто-напросто удрал.

– В придачу забрал из банка два с половиной миллиона рублей! – хмуро добавил Савинов. В эту холодную ночь тучный лидер городских меньшевиков исходил потом. – Эти деньги и нам быгодились...

Лаптев, несмотря на отчаянность ситуации, не мог скрыть завистливого восхищения:

– Ну, хват! Всех вокруг пальца обвел!

– Мы отклоняемся от обсуждения вопроса, ради которого собрались, – ладонью похлопал по столу Маслов. – Союзники, обещавшие высадить десант на Севере, не сдержали своего слова. Восстание в соседнем уездном городе, видимо, также не увенчалось успехом.

О судьбе господина Савинкова нам ничего неизвестно, можно предполагать самое худшее...

– Тоже не пропадет, вывернется, – желчно заметил Сурепов.

– Таким образом, нам неоткуда ждать помощи, – заупокойно продолжал генерал. – Фронт разваливается. Многие покинули свои боевые места и занимаются мародерством, перепились. Красные войдут в город с часу на час...

Барановская, словно задыхаясь, широко открыла рот. Деликатный немецкий офицер поспешно отвел глаза в сторону. Но и мужчины – опора мятежа – в эту ночь держались не лучше.

– О том, что нас всех ждет, каждый, вероятно, догадывается, – генерал сурово оглядел бледные лица собравшихся. – Если к рядовым участникам восстания большевики, может, и проявят снисхождение, то нам, господа, на поминовение надеяться нечего...

– Око за око, зуб за зуб, – хмыкнул Сурепов, разыгрывая угрюмое спокойствие.

В присутствии дамы пытался храбриться Менкер, но удавалось это плохо – поминутно облизывал пересохшие губы и затравленно озирался по сторонам.

– Может, использовать заключенных на барже? – как за соломинку ухватилась Барановская. – Договориться, что мы не расстреляем их, а взамен большевики пусть разрешат нам выехать из города...

– Вчера в проливной дождь баржа сорвалась с якоря и причалила в районе расположения красных. – Седовласый генерал с каким-то особым вниманием посмотрел на молоденького немецкого офицера и повысил дребезжащий голос: – Остался, господа, единственный выход – сдать в плен Германской империи, с которой Северная Добровольческая армия, верная своему союзническому долгу, формально находится в состоянии войны...

Лейтенант Балк ждал чего угодно – только не этого. Правильно ли он понял генерала? Не подвело ли его знание русского языка?

– Я, видимо, не понял, герр-генерал, – наморщил он гладкий лоб. – Я есть сам военнопленный... Я не могу брать вас в плен. Мои зольдат безоружные...

– Из плена освобождаем, винтовками обеспечим. От вас требуется одно: взять нас в плен и с первым эшелоном отправить в Германию, спасти от большевистской мести.

– Мне надо думать, – растерялся Балк.

– Мой адъютант проводит вас в кабинет. Через четверть часа мы ждем ответа, – закончил Маслов.

Барановская молитвенно сложила на груди руки:

– Пожалейте нас, господин лейтенант! Мы не останемся в долгу...

Начальник контрразведки не выдержал этой мелодрамы и буркнул:

– Черт знает что!

Шаркая по ковру грязными сапогами, из угла в угол заходил по тесному кабинету. Остальные осуждающе посмотрели на Сурепова и опять – с мольбой и надеждой – на Балка.

Он кивнул всем сразу, вышел следом за адъютантом в соседнюю комнату.

«Какой-то бред, анекдот, – думал лейтенант, оставшись один. – Рассказать в Германии – никто не поверят... Они сошли с ума!..»

Но тут мысли Балка приняли новое направление. Кто он сейчас? Простой лейтенант, которых в Германской империи хоть пруд пруди, как говорят эти русские. И вот он, Балк, арестует в центре России целый штаб! Это произведет в Берлине небывалый эффект, повышение по службе обеспечено.

Это с одной стороны. А с другой стороны, рискованно, как бы большевики, а они люди решительные, за укрывательство мятежников его самого не расстреляли. Но ведь есть Брестский договор! – вспомнил лейтенант.

Ровно через четверть часа Балк решительно вошел в кабинет генерала. Все лица – блестящие от пота и белые, как гипсовые маски, – повернулись к нему. Маслов нервно потрогал газыри на черкеске, словно проверяя, на месте ли они.

Лейтенант щелкнул каблуками и торжественно объявил:

– Действуя от имени императора Вильгельма, объявляю вас, господа, военнопленными!

– Ура! – не к месту крикнул Савинов.

Генерал Маслов поморщился, с отвращением посмотрел на потного меньшевика и первый подошел к немецкому лейтенанту.

– С уважением, господин офицер, пожму вашу мужественную руку, – сказал он и добавил, прочитав тайные мысли лейтенанта: – Уверен, ваше начальство по достоинству оценит этот подвиг...

За генералом, строго соблюдая субординацию, к Балку по очереди подошли остальные. Барановская расчувствовалась, чмокнула немца в щеку:

– Спаситель! Спаситель вы наш!

И тут радужное настроение руководителей мятежа подпортило колючее замечание Сурепова – обрюзгшего, заросшего, как кабан, сивой щетиной:

– Христос в немецких портках?! Господи! До чего докатились! Не клонут большевики на такую дешевую приманку. Знаю я их...

– Что вы предлагаете взамен? – с надеждой спросил Маслов.

Начальник контрразведки не ответил. Как бы давая всем понять, что он в этом спектакле не играет, заложил руки за спину и отвернулся к окну.

Во дворе штаба офицеры Сурепова сжигали документы контрразведки. Красное пламя освещало перемазанное гарью лицо Поляровского, руководившего этой последней операцией. Сурепов не сразу признал ротмистра – тот был уже в штатском. Мысленно начальник контрразведки похвалил сообразительного офицера, подумал: «И мне пора».

Савинов зачастил, трясая отвислым подбородком:

– Теперь, господа, нам надо помочь нашему спасителю-лейтенанту составить документ, на основании которого он возьмет нас в плен...

Пошли в ход самые напыщенные обороты. Балк даже обиделся в душе, что в текст обращения за его подписью ему не удалось вставить ни словечка.

Долго ломали головы над последней, завершающей фразой. И тут отличился Савинов, продиктовал с пафосом в голосе:

– «...Да займутся обыватели многострадального города вновь своими делами и заживут с полной надеждой на лучшее будущее!»

– Замечательно! – восхитилась Барановская.

Неожиданно Сурепов рассмеялся. Хохотал долго, до слез. Потом вытер глаза грязным носовым платком, положил фуражку и португую с пустой кобурой на край стола.

– Простите, господа!.. Я на секунду... Прихватило...

После этого в штабе Сурепов больше не появился...

Занавес

Ночью обращение было отпечатано в типографии и расклеено по городу. По распоряжению генерала Маслова немецким солдатам выдали несколько трехлинеек со штыками, но без патронов и десяток «ремингтонов» с патронами, но без штыков.

Церемониал сдачи в плен состоялся в шесть часов утра на театральной площади. Офицеры штаба с белыми платками в руках вошли в кривобокий четырехугольник из немецких солдат, и он замкнулся.

Имевшие личное оружие, бросали его к ногам Балка.

Всего мимо лейтенанта прошествовало пятьдесят семь человек. Кроме офицеров штаба расщедрившийся Балк внес в список «военнопленных» ораву чиновника, студентов и лавочников, которые, побросав оружие, удачно смотались со своих позиций.

По приказу лейтенанта в честь капитуляции из «ремингтонов» был дан трехкратный оружейный залп, едва услышанный в грохоте артиллерийской канонады.

Пленных, в соответствии с чинами и рангами, разместили в театре. Возле него встали исполнительные немецкие часовые, молча проклиная лейтенанта за то, что он выгнал их под обстрел.

Утром на город упала тишина. Из верхних окон театра Балк увидел, как, не встречая сопротивления, к центру стягиваются красноармейцы, рабочие с винтовками.

Дождавшись, когда они замкнули кольцо окружения и встали перед театром, с удивлением рассматривая немецких часовых в островерхих касках и шинелях мышиноного цвета, лейтенант, чуть не споткнувшись в дверях, вышел на театральную площадь.

К нему сразу же направился человек в короткой тужурке, в сдвинутой на затылок мятой шляпе, на боку – парабеллум. За спиной у штатского – два здоровенных красноармейца с винтовками со штыками. И глаза у солдат как штыки, острые, холодные.

Лейтенант Балк уткнулся в развернутое обращение и громко, но запинаясь почти на каждом слове, начал зачитывать его:

– «Допущенная на основании Брестского договора правительством Российской Федеративной Республики и уполномоченная тем же правительством Германская комиссия номер четыре имеет честь оповестить следующее...»

Балк перевел дух, покосился на парламентаря в тужурке. Тот стоял перед ним, покачиваясь с носков на каблуки; сунув руки в карманы. Посматривал то на обращение, то на гипсовых муз на фронте театра. И непонятно было – то ли он слушает лейтенанта, то ли нет. А у солдат вид все тот же – так бы на штыки немецкого офицера и подняли, только мигни им этот, в тужурке.

Балк невольно поежился, продолжил:

– «...Штаб Северной Добровольческой армии объявил восьмого июля сего года, что Добровольческая армия находится с Германской империей в состоянии войны. Так как военные операции не привели к желательным результатам, и дабы избежать дальнейших разрушений города и избавить жителей от неисчислимых бедствий, штаб Северной Добровольческой армии двадцать первого июля предложил Германской комиссии номер четыре сдать ее в плен. Германская комиссия приняла предложение...»

Тут человек в тужурке негромко, но уверенно перебил Балка:

– Господин немецкий офицер. Мы уже ознакомились с этим обращением, расклеенным по городу. У нас будет только один вопрос. Вы готовы ответить?

– Да, конечно, – ответил лейтенант, успокоенный миролюбивым тоном красного парламентаря.

– Ваши солдаты, господин немецкий офицер, вооружены русскими винтовками. Как они оказались у вас?

Этого вопроса Балк не ожидал, растерялся. Как ответить? Сказать правду, что винтовками их снабдили по приказу Маслова? Нет, это говорить никак нельзя.

– Мои зольдаты взяли винтовки в арсенал, – с достоинством произнес лейтенант.

Человек в тужурке усмехнулся.

– Значит, вы похитили оружие, принадлежавшее Советскому государству.

– Это не так! – как ужаленный, дернулся лейтенант.

– Нет, так. С захвата артиллерийского склада, между прочим, началось это контрреволюционное выступление. Мы можем и ваши действия рассматривать как мятеж против советской власти. Это во-первых. Во-вторых, вы укрываете мятежников и, следовательно, присоединяетесь к ним.

Лейтенант Балк взмок, выслушав эти обвинения. Поспешно вставил:

– Брестский договор предусматривает...

– Ваши действия не предусмотрены Брестским договором! Это договор о мире, а вы, господин немецкий офицер, нарушили условия мира, вооруженным путем вмешиваетесь во внутренние дела нашего государства...

– Это не так! – снова повторил лейтенант, не в силах подыскать более убедительные доводы. – Мы будем жаловаться мой император... Вы должны принять наш обращение...

– А что не принять? Примем. – Парламентарь взял листок с обращением, потом оторвал от него узкую полосу, свернул козью ножку. Красноармеец из-за спины протянул кисет с махоркой.

– Даю вам пять минут, – с удовольствием затянувшись, сказал человек в тужурке. – Если не сложите оружие и не выдадите участников мятежа – театр будет взят штурмом. И уж тогда пеняйте на себя...

Лейтенант Балк не понял, что такое «пеняйте на себя», но догадался – хорошего это не сулит. Вспомнил: генерал Маслов дал ему на размышление четверть часа. Этот, в тужурке, дает только пять минут. И по его решительному виду легко понять – не добавит ни секунды лишней.

Да и о чем тут думать? И так все ясно – затея генерала провалилась. Это был не тот случай, когда в один день можно сделать карьеру. Тут уж не до спасения заговорщиков, как бы самому не получить пулю в лоб.

Рассудив так, лейтенант важно заявил:

– Мы принимаем ваш требования. С условием, что немецкий зольдат в ближайший время будет отправлен на родина!

– Скатертью дорожка, – опять непонятно для Балка, но явно с каким-то недобрый намеком произнес парламентарь.

И вот красноармейцы и вооруженные рабочие выводят на театральную площадь офицеров штаба и жалких вояк из обывателей, которые помогали золотопогонникам топить свой город в крови...

Часть третья. Коллеги

Возвращение

Домой они возвращались втроем – Резов, Коркин и Тихон. Механик опирался на палку. Врач в госпитале сказал: еще немного – и без ноги бы остался.

По уцелевшему американскому мосту с деревянным, исклеванным пулями настилом перешли Которосль. Стены Духовной консистории слева испещрены пулеметными очередями, угол Богородской башни Спасского монастыря выворочен артиллерийским снарядом. Точным попаданием сметена верхушка колокольни церкви Богоявления из красного, словно окровавленного, кирпича с зелеными изразцами.

Гимназия Корсунской с провалившейся крышей будто присела, смотрит на Которосль темными глазницами выбитых окон, из которых ветер выкидывает обрывки бумаг и серый пепел. Корпус Гостиного Двора, выходящий на Богоявленскую площадь, разрушен до фундамента.

Возле Масленого пролома работала столовая, к ней тянулась молчаливая очередь. На многих жителях – стеганые солдатские куртки, выданные из интендантских складов.

На углу Сретенской купили городскую газету «Известия Военно-революционного комитета». Почти половина четвертой страницы – списки тех, у кого пропали паспорта. В самом низу – первое объявление: «Зубной врач Флексер возобновил прием больных».

Город медленно приходил в себя.

Возле Знаменских ворот улицу перегородил завал. На расчистку в порядке трудовой повинности мобилизовали городских обывателей: кто в чиновничьей фуражке и фартуке, занятом у дворника, кто в шляпе и куцем пиджачке с чужого плеча.

Тяжелое похмелье выдалось обывателю. Как хлестким ветром сухие листья с бульвара, выдуло из города тех, кто обещал свободную жизнь без Советов. Где они теперь, эти речистые «защитники» родины и свободы? Одних суровым судом покарала Особая следственная комиссия, другие, вроде Перхурова, смотались из города раньше, чем его взяли красные. А ему – обывателю – бежать некуда. Вот и таскай кирпичи, бревна, распутывай колючую проволоку, которой опутали город «защитнички».

А какие радужные были надежды! Проснулся обыватель утром шестого июля – ни тебе большевиков, ни тебе Совдепов. Свобода. Вышел из дома – по улице арестованных гонят. Плюнешь кому-нибудь в физию или вдаришь как следует – сразу себя подданным Российской империи почувствуешь.

Потом к штабу сходишь, там потолкаешься. Разговоры – одно удовольствие, слова-то какие приятственные – городской, голова, ваше превосходительство. Спросишь у офицера:

– Как наши успехи, господин поручик?

– Весь город у нас руках, кроме Полушкиной рощи, – отвечает. – Там засела банда большевиков-фанатиков. Вышибаем.

– А что слышно о союзниках?

– Через три часа придут англичане.

– А в Москве как?

– Ленин арестован, Дзержинский убит.

– Теперь, поди, все будет: и хлеб, и сахар, и порядок?

– Мы объявляем свободную торговлю, так что насчет пропитания не беспокойтесь. А уж насчет порядка – и не спрашивайте. Наведем шелковый, ни одного большевика в живых не оставим!..

День проходит – из Лондона англичане на аэропланах так и не прилетели. Зато на завтра французов обещают. А реляции какие печатают – зачитаешься:

«Сегодня ночью удалось вывести с передовых линий один из броневиков противника. Работы по извлечению двух других продолжаются».

Коротко и ясно – у большевиков только два броневика осталось. На другой день опять бежишь к штабу:

«Противник перенес огонь на левый берег Волги, очевидно потесненный действующими там нашими отрядами».

Все понятно – к городу подходят новые части Добровольческой армии. А французы с англичанами что-то замешкались, так и не прилетели. Говорят, от них даже квартирьеры были, да быстро уехали, хоть бы одним глазком на них посмотреть.

Тянут резину союзники. С такими темпами будут продвигаться, так раньше немцы придут. Впрочем, какая разница? Только бы не большевики. Что там штаб сообщает?

«На передовых линиях минувшие сутки перестрелка и поиск разведчиков. С рассветом противник вновь начал бомбардировать центральную часть города. Бомбардировка, не причиняя городу большого вреда, рассчитана только на угнетение духа граждан, утомленных осадой».

Ничего себе – не причинила вреда: пожары не утихают, жена на улицу едва отпустила. Когда же это кончится, черт возьми! Где же проклятые союзники? Ну-ка, нет ли чего нового в газетке.

«Благодаря энергичной и сплоченной работе всех общественных организаций снабжение граждан продовольствием, водой и медицинской помощью, несмотря на невероятные трудности работы, успешно налаживается. Необходимо собрать силы духа еще на немного дней, перенесенные испытания к этому обязывают. Торжество свободы близко!»

Хм, близко... Федот, да не тот – красные полки близко, а не торжество свободы. Нашли чем хвастать – снабжением... Ни воды, ни хлеба в лавках, хорошо – собственные запасы не иссякли. Пьяные офицеры по квартирам ходят, отбирают паспорта, драгоценности. Во имя чего я страдал? С какой стати я – человек, далекий от политики, – подвергался всем этим ужасам? Почему я должен расплачиваться за безумство горстки заговорщиков? – спрашивал себя городской обыватель. Но, побурчав, опять лелеял тайную мечту о крахе советской власти, снова тешил себя слухами:

«Слышали – чехословаки Кострому взяли, сюда идут...»

«Точные сведения – в Вологде не то французы, не то англичане».

«Сосед рассказывал – у Колчака в Сибири одних аэропланов тыща...»

Так ничему и не научил мятеж городского обывателя...

Семеновским спуском подошли к причалу. И остановились – у берега покачивалась на волне старенькая неутомимая «Пчелка». Пузатые кожуха прострелены, обшарпаны. Корма будто бы еще ниже осела в воду. Веребочные кранцы по бортам порваны в клочья.

Незнакомый конопатый мальчишка-матрос окатывал палубу из ведра. Тихон поднялся в рубку. Рулевой в вылинявшей тельняшке и засученных штанах, ругаясь, протирал грязные стекла рубки:

– Весь пароход загадили беляки. Еще бы неделю ихняя власть продержалась – клопов бы с тараканами развели... Сегодня встретил одного, на почте, мозгяк, работал. Все радовался, офицерам уря кричал. А нынче с метлой улицу подметает. Спрашиваю его: кончились твои

господа-то, отвеселился? А он мне, подлец, отвечает: слава богу, что настоящая власть вернулась. И на старуху, говорит, бывает проруха, прозрели мы...

Старичок-капитан уныло жевал горбушку с луковицей. Думая о своем, сипло проговорил:

– Ладно, хоть двигатель не загубили... Тебе чего, товарищ? – спросил он Тихона.

– У вас был матросом один парнишка. Низенький такой, ушастый. Где он?

– А ты кто ему будешь?

Пришлось рассказать о красногвардейском отряде, о барже, о встрече в мятеж.

– Нет больше Витюшки, – выслушав Тихона, мрачно сказал старик. – Явились беляки, привязали колосник на шею – и в Волгу...

– За что?!

– Как мятеж начался, я решил рук не марать, больным прикинулся. Старухе своей наказал: ежели за мной придут – говори, что в тифу. За меня тут помощник заправлял...

– Пьянь-человек, но никто не думал, что сволочь, – добавил рулевой.

– Витька и доложись ему: снимем заключенных с баржи – да к красным... А помощник – в контрразведку, пришли оттуда двое. Вот такие дела, красногвардеец...

Тихон спустился на палубу. Белесая, словно поседевшая от всего увиденного, Волга лежала между дымных берегов, стянутых железным мостом. Резов и Коркин сидели на лавке у борта, смотрели в сторону Волжской башни, возле которой на барже смерти под обстрелом и от голода погибло пятеро заволжских рабочих. Всего спаслось только сто девять узников.

С пристани, договорившись встретиться в райкоме, разошлись по домам.

Вот и улица, по которой совсем недавно, зеленой и солнечной, шагал Тихон с Сережкой Колпиным. Трудно было узнать ее сейчас – деревья стоят голые, обгоревшие, будто скорчившиеся от огня. Некоторые дома полуразрушены, с обугленными срубами. А иных и вовсе нет – торчит посреди черного пожарища только потрескавшаяся печь с трубой.

Родительский дом цел, устоял. Но двери и оконные рамы распахнуты настежь, стекла выбиты. Калитка палисадника сорвана с петель и валяется в стороне. Рядом – распотрошенная подушка в ситцевой наволочке в горошек.

Сердце у Тихона упало. Приостановился, бегом вскочил на крыльцо. Замер на пороге – стулья и стол изломаны, посуда разбита, фотографии со стены и книги с полки раскиданы по грязному, затоптанному полу... И ни души...

Тихон опустился на уцелевшую скамейку, обхватил голову руками. Где искать мать и сестру? Живы ли? Кто устроил этот погром?

Из соседнего дома донесся надрывный женский плач. Тихон бросился туда – в пустой, разграбленной квартире Колпиных плакала мать Сережки.

Подняла голову, перекрестилась.

– Господи! Ты ли это, Тихон? Не чудишься ли?.. Ведь мы думали – тебя расстреляли.

– Стреляли, да не попали.

– Как же ты в живых-то остался? – не верила глазам женщина.

– Чудом, тетя Катя.

– Натерпелся, видать?..

– Всякое было... А Сережка где?

Женщина вскинула к лицу костлявые темные руки, закачалась из стороны в сторону.

– Убили Сереженьку, – заголосила она, задрожали худые, острые плечи. Не сразу смогла рассказать, что Алумов дознался, кто привел толпу к фабрике, и пришел в дом Колпиных с офицерами.

Сереженьке промолчать бы, синяки-то на молодом быстро сходят. А он не стерпел, Алумова обозвал по-всякому – изверг этот в Сереженьку из своего оружия все пули выпустил.

Как я с ума не сошла! Лучше бы он этими пулями и меня вместе с сыночком убил, – опять затряслась в рыданиях женщина.

Не знал Тихон, какими словами успокоить ее. Да и не было таких.

– Неужели Алумов после такого злодейства в живых останется? – с ужасом заглядывала ему в лицо мать Сережки. – Неужели его Господь не накажет?

– Слово вам даю, тетя Катя: если жив Алумов – поймаю гада, сам пристрелю.

– Господь тебя простит, – вытерла женщина слезы.

– А где мои? Что с ними?

– Неделю назад живы были. А потом и к ним Алумов заявился. Сказал, что тебя расстреляли. С матерью плохо стало. А этот леший пообещал вечером с офицерами прийти, поминки справить. Вот они с Ниной в лес и подались. Многие так сделали, но пока еще с нашей улицы никто не вернулся. Видать, боятся. Не знают еще, кто в Заволжье – белые или красные.

– А что же вы, тетя Катя, сразу не убежали, как мятеж начался?

– Говорила я Сереженьке – быть беде. А он одно заладил: стыдно мне, что я в такое время все в сторонке стоял, а прятаться и совсем плохо будет.

– Кто в домах похозяйничал? Тоже Алумов с офицерами?

– Как тебе сказать?.. Не одни офицеры, к ним всякой шпаны да ворья прибилося. Дома-то брошенные. И на мое старье позарились...

Ночевал Тихон в квартире Колпиных. В своем доме, мрачном и обворованном, оставаться одному было тоскливо. Без сна лежал на Сережиной кровати.

Сестра вернулась утром. Тихон видел из окна, как Нина, повязанная черным платком, подошла к крыльцу их дома и опустилась на ступеньку, узелок рядом уронило.

Тихон выбежал, застыл перед сестрой, боясь приблизиться к ней и услышать то, о чем уже догадался. Нина подняла на него глаза, испуганно попятилась. Стоял перед ней худущий парень в старой армейской гимнастерке, в латаных штанах, в солдатских обмотках. Так Тихона вырядили в госпитале, не до форсу было. Взял что дали, что по размеру подошло.

– Это я, Нина, я, – шагнул к сестре Тихон.

Она бросилась ему на шею, заплакала навзрыд.

– Тиша, родненький! Мама-то наша померла...

Так на Тихона свалилось еще одно горе, самое страшное. Не выдержало материнское сердце тяжкой вести, которую принес в дом Алумов.

Похоронили ее у деревни в пяти километрах от Заволжья. В тот же день Нина и Тихон сходили на сельское кладбище, обложили могилу дерном, пересадили на нее цветы, которые мать выращивала под окнами их опустевшего дома.

На обратном пути Нина жалобно промолвила:

– Не могу я, Тихон, здесь оставаться. Уеду.

– Куда? Кругом столько горя, столько людей без крыши над головой. А у нас хоть дом цел.

– Дядя Коля на ткацкой фабрике работал. Если жив, может, устроит. Невмоготу мне здесь. Как бы чего не случилось со мной...

И с такой тоской она это сказала, что Тихон и сам испугался за сестру. Отвез ее за Которосль, в Новую деревню. К счастью, беда не коснулась дома дяди.

В Заволжье Тихон вернулся один и окончательно перебрался жить к матери Сережки Колпина.

– За сына будешь мне, – просто сказала она. – Если ни о ком не заботиться, так зачем и жить...

Достала с полатей узел, выложила чистую сатиновую рубашку, черные суконные брюки, крепкие австрийские ботинки.

– Носи, Тиша, не брезгуй. Сережино это... Солдатская рубаха твоя и одной стирки не выдержит, расползется.

Родительский дом Тихон отдал погорельцам.

Лобов

В разгромленный мятежниками райком Тихон пришел, когда там был один Иван Резов – со всех комнат стаскивал в зал уцелевшие стулья, скамейки.

Тихон помог ему, потом подал написанное ночью заявление с просьбой о приеме в партию.

– Ну что ж, самое время, поредели наши ряды... Слышал я о твоём горе. Держись. У меня все живы, так жена слегла, ноги отнялись...

Пришел Степан Коркин. И у него беда – погибла сестра. Но не о своем горе заговорил механик:

– Был у Смолиных, сообщил о Федоре. Жена убивается, трое детей остались, мал мала меньше. Надо помочь.

– Обязательно поможем. – Резов протянул ему заявление Тихона. – По Уставу нужны две рекомендации коммунистов, вступивших в партию до Октябрьской революции. Одну я даю. Ты другую дашь?

Коркин молча пожал Тихону руку и так по-доброму посмотрел, как никогда раньше.

Вопрос о приеме Тихона в партию стал первым вопросом первого после мятежа собрания заволжских большевиков. И наверное, ни один вопрос не решался так быстро – приняли Тихона единогласно, и биографию не спрашивали, – вся его жизнь была перед глазами рабочих.

Потом Иван Резов, выбранный председателем Заволжского Военно-революционного комитета, доложил о разрушениях, учиненных мятежниками в Заволжье.

Были выведены из строя мастерские, разграблены столовые и магазины, взорваны подстанция и водокачка.

– Но это еще не все, товарищи, – глухо говорил Резов в тишине. – Много мятежников разгуливает на свободе. Не прекращаются убийства из-за угла, поджоги, грабеж. Предлагаю при Военно-революционном комитете создать особую Коллегию по борьбе с контрреволюцией. Начальником ее назначить Тихона Вагина. Пусть это будет его первым партийным заданием.

– А не молод он для такой работы? Дело-то ведь не шуточное, – засомневался кто-то.

– Ну, молод, что из того? Баржа его на крепость проверила. Я думаю – справится! – убежденно произнес Степан Коркин, только что назначенный красным директором Заволжских мастерских.

– Дядя Иван, – заволновался Тихон. – А может, и правда – поопытней человека найти, постарше? А я бы к нему в помощники...

– В этом деле опыту ни у кого нет, наживать его всем придется. Так что берись, сейчас от трудностей уваливать нельзя ни старым, ни молодым. Такое уж время.

– Ничего я не уваливаю, дядя Иван! После баржи я не смерти боюсь, а жизни впустую. Справлюсь ли?

– Если коммунисты тебе доверили – должен справиться, нельзя иначе. Сегодня вечером из города приедет товарищ из Губчека. Обговорим, с чего начнем. Между прочим, ты его хорошо знаешь.

– Кто такой?

– Лобов.

– Он жив?!

– Выбивал мятежников из Демидовского лицея. Как начали заново создавать Губчека, пригласили иногородним отделом заведовать. Так что теперь ты с ним частенько увидишься будешь...

Лобов за это время нисколько не изменился, разве только похудел больше. Было видно – рад встрече с Тихоном. Оглядел его, дернул козырек порыжевшей, опаленной огнем фуражки, чуть приметно усмехнулся:

– Встретил бы на улице – не признал!.. Тебе сейчас все тридцать дашь! Ну, давай, что ли, обнимемся!..

И Тихон обрадовался своему бывшему командиру. Вспомнили погибших красногвардейцев – Витюшку, Сидорина, других. Недобрым словом помянули Менкера.

– Ловко замаскировался дьявол, революционными лозунгами так и сыпал, – не мог простить себе Лобов.

Из красногвардейцев в штабе на Стрелецкой легче было перечислить оставшихся в живых, чем убитых.

Тихон принес чайник кипятку, пакетик сахарина. Даже леща вяленого раздобыл – выменял за осьмушку табака, к которому так и не пристрастился.

Сидели втроем – Тихон, Резов и Лобов, попивали чуть подслащенный кипяток, грызли окаменевшую от соли рыбу.

– При нынешней обстановке в городе ваша Коллегия может крепко помочь Губчека, – говорил Лобов. – Но не забывай, Тихон, – враги у нас опытные, матерые. В театре почти весь штаб Маслова взяли, а из контрразведки никого, где-то в тинку зарылись. Сурепов – всю жизнь в контрразведке, Поляровский – жандарм каких поискать. Думаю, своих людей здесь они оставили порядочно, в банке нашли кое-какие документы штаба – видать, офицеры сжечь не успели. Вдруг самые важные пропали непонятно как. Работы чекистам – прорва. И вашей Коллегии дел полно.

– С чего начать Тихону? – спросил Иван Алексеевич.

– Первое – создать вооруженный отряд особого назначения. На него возложить охрану предприятий, борьбу с бандитизмом.

– Надо бывших красногвардейцев привлечь, – добавил Тихон. – Люди проверенные, обстрелянные. Я уже и список составил...

– А говорил – опыта нет, – похвалил Резов.

– Второе – провести в Заволжье перерегистрацию, чтобы выявить участников мятежа, – продолжил Лобов. – Третье – на железнодорожной станции и пристанях установить контрольные посты. Четвертое – въезд и выезд из Заволжья разрешить только по пропускам.

– Толково, – одобрил план чекиста Резов. – Действуй, Тихон, Военно-революционный комитет тебе поможет. В оперативном отношении будешь подчиняться Губчека.

– Обращайся к нам в любое время дня и ночи. По нашим сведениям, здесь осело много участников мятежа. В том числе Михаил Алумов. Он значится в списке особо опасных преступников.

– Это точно – он жив? – встрепенулся Тихон.

– Точней, как говорится, некуда. Сразу после мятежа в Воскресенском сожгли комитет бедноты, тяжело ранили одного из комитетчиков. Среди бандитов он узнал Алумова.

– Поймаю его, слово даю, – угрюмо произнес Тихон. – Это будет моя первая задача.

Лобов внимательно посмотрел на парня.

– Обезвредить надо не только Алумова, а всю контрреволюцию.

– Да это я понимаю, товарищ Лобов. Но с Алумовым у меня особые счета...

«Учитель»

В здании райкома Коллегии выделили небольшую комнату. В ней – «ничего лишнего»: два канцелярских стола, шкаф для бумаг, стулья. Единственная роскошь – огромное кожа-

ное кресло с валиками-подлокотниками. Пытался его Тихон обменять у Резова на сейф, да не получилось, пожадничал старик.

Штаб оперативного отряда разместили в Заволжских мастерских. И помещение нашлось – дощатой стенкой перегородили комнату с двумя окнами, в которой сидел кассир Кусков.

Думал Тихон – кассир на тесноту жаловаться будет, а он, наоборот, обрадовался:

– После того налета от страха в себя не приду – вдруг опять сунутся? А с такими соседями бояться нечего...

Здесь рабочие из оперативного отряда хранили винтовки с патронами, случалось – оставались ночевать. У телефона круглосуточно сидел дежурный.

Уже на другой день после собрания Коллегия по борьбе с контрреволюцией начала свою работу. Приступили к перерегистрации и сразу же выявили нескольких участников мятежа, пытавшихся скрыться у родственников, у знакомых.

Но среди них не было организаторов – те прятались по лесам, глубже затаились в самом поселке.

И Алумов после поджога в Воскресенском будто в воду канул. Был слух, что удрал к белочехам. Тихон ходил черней тучи – неужели не рассчитается с ним за смерть матери, гибель Сережки, баржу?

И вот пришло сообщение из деревни Яковлевки – Алумова видели там. Тихон позвонил в штаб, но, когда оперативный отряд примчался в деревню, меньшевик уже исчез.

И буквально в ту же ночь с соседней пристани в Коллегию прибежал бакенщик.

– На «Григория» напали! – с порога выкрикнул он. – Только причалил, а тут откуда ни возьмись – банда. Пассажиров грабят, одного – в комиссарской кожанке – застрелили. Выручайте...

На баркасе с мотором оперативный отряд быстро доставили к пристани, но банды здесь уже не было. Пассажиры, сгрудившись, стояли и сидели на берегу. У самой кромки воды, на песке, лежал убитый. Документов при нем не оказалось – все карманы вывернуты наизнанку. Видимо, уже с мертвого сняли сапоги.

Тут же, на пристани, Тихон опросил потерпевших, но толком ничего не узнал. Одни говорили – в банде человек десять, другие – пятьдесят. Все запомнили главаря – мордастого, с шрамом над правой бровью.

Тихона заинтересовали слова мужчины средних лет с бородкой клинышком, в шляпе, в очках.

– Приметил я среди них еще одного, примерно моего возраста. Еще подумал – вид вполне интеллигентный, а в банде.

– Как он выглядел?

– Смуглый, брови черные. Глаза недобрые, так и сверлят... Этот вещи не отнимал – у всех документы спрашивал, некоторые себе забирал. И мои впридачу...

– А вы кто будете?

– В Балахне по аптекарской части работаю. Человека в кожанке этот смуглый застрелил. Он и карманы обшарил, а сапоги уже другой сдернул...

Тихон вспомнил, как полгода назад Лобов допрашивал владельца магазина «Ваза». У того, кто навел бандитов на кассу Заволжских мастерских, тоже были пронзительные глаза, которые «так и сверлят». Неужели Алумов?

Что-то подсказывало Тихону, что эта же банда совершила поджог в Воскресенском. Не мог отделаться от ощущения, что меньшевик скрывается где-то рядом.

И вскоре Коллегия получила об этом точные сведения...

В этот день Тихон позвонил в Губчека и попросил Лобова срочно приехать в Заволжье.

Хмурый, невыспавшийся, в рабочем пиджаке и синей косоворотке, Лобов был похож на мастерового, только что вернувшегося со смены. Завистливо посмотрел на мягкое кресло:

– Богатая штукация! – и сел на стул, объяснив: – Как на мягкое сяду – усну! В боях никогда так не уставал... Впервые ты ко мне обратился, значит, дело из пустяк. Давай по порядку...

– Вчера здесь был Перов Матвей Сергеевич. Представил московский паспорт, попросил пропуск на выезд в Москву.

– А как он в Заволжье оказался?

– Приехал в гости к дяде – Грибову Игорю Степановичу, который проживает на станции Вилино.

– Ну а чем Перов занимался в мятеж?

– Говорит, все дни просидел на квартире у родственника. Попросил я его написать заявление и отпустил. Сегодня он опять придет, а я не знаю, как быть, – выдавать ему разрешение на выезд или нет.

– Что тебя насторожило?

Тихон присел на стул рядом с чекистом, неуверенно объяснил:

– По документам Перов учитель, но сдается мне – встречался я с ним раньше. Или уж мерещится это белое офицерье?..

– Где ты мог с ним встретиться?

– Здесь, в Заволжье. Когда Алумов возле фабрики Укропова хотел нас в расход пустить, возле него один офицерик ошивался. Вчера показал учителя Ивану Резову – он его не признал... А у меня этот офицерик из головы не выходит. Мы ведь до сих пор рядовых вылавливали, а тут, может, ранг повыше... Одно меня сбивает с толку: если Перов – участник мятежа, как же он решился за пропуском явиться? Почему не попытался вырваться отсюда тайком?

– Правильные вопросы задаешь. А с другой стороны – на поступок Перова можно иначе посмотреть. Если он – птица более высокого полета, то, может, и действует иначе, смелее?..

– Я об этом не подумал...

– Во сколько Перов придет?

– К четырем.

– Как думаешь – он ничего не подозревает?

Тихон не ответил, пожал плечами.

– Время у нас еще есть, – взглянул Лобов на карманные часы с большим тусклым циферблатом. – Надо узнать, кто такой Грибов. Тебе появляться в Вилине нельзя – учитель насторожится и вовсе не придет. Есть у меня там один знакомый стрелочник, попробую через него выяснить...

К трем часам Лобов опять был в Коллегии. Тихон с нетерпением ждал, что он скажет, не из-за пустяка ли вызвал чекиста.

– Грибов пропал!

– Когда?!

– Соседка виделась с ним пятого вечером, а шестого утром, божится, Грибова уже не было. Она заходила к его жене, а та дома одна сидит, и глаза от слез красные. Племянник, правильно, приехал к ним четвертого.

– Значит, не врет.

– В мелочи сознался, а главное утаил: он исчез из дома вместе с Грибовым и появился в Вилине только после мятежа. Со слов соседки, Грибов – из бывших офицеров.

– А что жена говорит – где он?

– Соседке сказала – в командировку уехал.

– Проверить надо бы...

– Уже проверил – из конторы, где Грибов работает, его никуда не посылали.

– Может, погиб в мятеж?

– Или удрал. Вероятно, и Перов прибыл не дядю навестить. Да и вообще – родственники ли они? До июля соседка ни о каком племяннике не слыхала, а тут вдруг объявился. Документы у него смотрел, нормальные?

– Не придерешься.

– И неудивительно – из городского банка пропало полтысячи незаполненных паспортов. Ну как, будем разоблачать Перова?

– Представления не имею...

Чекист изложил свой план, к четырем часам пристроился за столиком, за которым писали заявления посетители.

Перов пришел точно в назначенное время. На вид ему было лет тридцать. Одет в клетчатое потрепанное пальто, стрижен под бобрик, черная кепка – в левой руке. Держался не заискивающе, с достоинством. Но, как заметил Тихон, на Лобова в углу посмотрел подозрительно и сразу отвел взгляд.

Тихон оторвался от разложенных на столе бумаг.

– Вчера я оставил у вас заявление, – напомнил учитель, неестественно прямо присев на стул – спина как деревянная.

– Перов Матвей Сергеевич? – заглянул Тихон в список.

– Он самый, – сказал учитель; будто спохватившись, сменил позу – закинул ногу на ногу.

– Я рассмотрел ваше заявление. Прежде чем выдать пропуск – несколько вопросов.

– С готовностью, что в моих силах.

– Где сейчас ваш дядя – Грибов Игорь Степанович?

– Супруга его, Тамара Александровна, сказала, что по делам службы он еще третьего июля выехал в Вологду... Не повезло мне с этой поездкой – с Игорем Степановичем не встретился, в городе настоящая война. Теперь проблема до Москвы добраться, – удрученно вздохнул учитель.

– Не волнуйтесь. Если в мятеже не участвовали, пропуск вам выдадим.

– Помилуйте, – приложил кепку к груди Перов. – Я же вчера говорил – все эти ужасные дни просидел в доме у дяди, боясь нос показать на улицу.

– Неясно только, как вы умудрились разминуться с дядей, если соседка видела его пятого июля.

– Она обозналась, уверяю вас!

– Обозналась?! – резко произнес за спиной учителя Лобов. – И здоровалась не с Грибовым, а с его призраком? И этот призрак ей полфунта соли одолжил? Путаете что-то. Уверяете – не встречались с дядей, а если верить соседке – с ним под одной крышей ночевали.

Перов всем телом повернулся к Лобову.

– Я не понимаю... Простите... Вы – кто?

– Сотрудник Губернской Чрезвычайной Комиссии. Слышали о такой?

Учитель не ответил, опять обратился к Тихону:

– Соседка могла ошибиться. Вероятно, она разговаривала с Игорем Степановичем раньше, до командировки.

– Мы навели справки – ни в какую командировку Грибова не посылали.

– Значит, Тамара Александровна обманула меня? – изобразил удивление Перов.

– Зачем же ей обманывать родственника? – опять заговорил Лобов. – Скорее всего – вы нас обманываете.

– Даю честное благородное слово... – начал было Перов.

– А может, слово офицера? – перебил его чекист.

И тут случилось то, чего не предполагал даже Лобов, – Перов бросился к двери. И сразу же отпрянул назад – на пороге встали двое рабочих из оперативного отряда.

– Нервишки шалят? – насмешливо бросил Лобов.

«Учитель» понуро вернулся на свое место.

– Извините, нервы и правда ни к черту. Этот мятеж, это исчезновение Игоря Степановича... Да, я виделся с ним, признаюсь... Мы с Тamarой Александровной пытались отговорить его от участия в этом бессмысленном восстании. Он и меня убеждал присоединиться к мятежникам, но я человек сугубо штатский, политикой не занимаюсь. Категорически отказался, поверьте...

– Вы арестованы, господин офицер! – неожиданно кончил допрос Лобов. – Подумайте, стоит ли дальше выкручиваться...

Перова обыскали. В кожаном бумажнике лежали деньги, паспорт, фотография молодой красивой женщины в белом платье. Больше Тихон ничего не нашел, передал бумажник Лобову.

– Вы уверены, что он офицер? – обратился Тихон к чекисту, когда они остались в кабинете вдвоем. А вдруг я ошибся?

Лобов объяснил:

– Сел прямо, не развалился. Привычка с кадетского корпуса, это из него кислотой не вытравишь. Пятки вместе, носки врозь на ширину винтовочного приклада. Шаг с левой ноги. Поворот через левое плечо. Головной убор в левой согнутой руке. Так что, Тихон, не обманулся ты – у меня на их благородия глаз наметан. Перов – фронтовик. Видел – на скуле шрамчик? Пуля по касательной прошла. А чин у него небольшой. Ну, скажем, подпоручик или поручик. На фронте взводом или ротой командовал.

– А может, майор?

– Да нет, старшие офицеры в боевых порядках в атаки не ходили. И возраст для майора маловат.

– Зря вы прервали допрос. Сейчас бы и узнали, в каком он звании.

– Повторял бы одно и то же, только время бы потеряли.

– Вызовем жену Грибова?

– Пока подождем, пусть в себя приходит. Ты говорил – Перов похож на офицера, который возле Алумова был. Значит, Степан Коркин его тоже мог заметить. Покажи-ка ему этого «учителя». А я буду у вас через день. Узнаю, нет ли сведений о Грибове в Губчека...

Допрос

Степан Коркин офицера в учителе не опознал. Несмотря на это, Тихон утром вызвал Перова на допрос. Тот слово в слово повторил, как пытался отговорить дядю, как весь мятеж отсиживался в Вилине. Тихон дал ему выговориться.

– А ведь я вас узнал, Перов.

– Вы? Меня?.. Ошибаетесь, мы впервые встретились с вами в этой комнате.

Тихон многозначительно произнес:

– Шестого июля вы были во дворе фабрики Укропова, когда там хотели расстрелять рабочих Заволжских мастерских. И я стоял у стены. Но, как видите, живой.

– Рад за вас, – спокойно ответил учитель. – Только там, где вы говорите, меня не было. Повторяю – весь мятеж я не выходил из дома.

– А если мы вызовем Тамару Александровну?

– Она подтвердит мои слова.

Тихон начал терять терпение:

– И Алумова вы не знаете?

– Не слышал такую фамилию, – равнодушно сказал Перов и зевнул. – Извините, не выпался, в камере шумно...

Так, ничем, кончился этот допрос. От Лобова Тихону попало:

– Можешь вызывать Перова хоть каждый день, а проку от этого не будет, – отчитывал его чекист. – Где у тебя доказательства, что он участвовал в мятеже? Нет! Сам он не сознается, а своими вопросами ты только подсказываешь ему, как вести себя, о чем промолчать!..

– Но как заставить его говорить? Нутром чую – участвовал он в мятеже. И не рядовым.

– Правильно. Вызывай Перова, теперь он все скажет.

Тихон посмотрел на чекиста недоверчиво.

Когда Перова ввели в кабинет, он с порога начал возмущаться, обращаясь к Лобову:

– Третий день меня держат в камере без всяких на то оснований. Этот молодой человек, – Перов показал на Тихона, – задает мне странные вопросы, называет фамилии, которые я впервые слышу. В чем моя вина? Неужели одно то, что я из Москвы, – повод для ареста?..

Лобов слушал его молча, невозмутимо. Потом, так же ни слова не говоря, положил на стол странную визитную карточку – из ее центра был аккуратно вырезан треугольник. Этот треугольник, с написанными на нем буквами О и К, чекист осторожно вложил в вырез на карточке. Треугольник точно заполнил пустое место.

Тихон вспомнил – такие треугольники с буквами были найдены в гостинице «Царьград». Тогда они с Лобовым так и не поняли их назначения.

Перов смотрел на визитную карточку растерянно.

Лобов уселся за стол рядом с Тихоном, объяснил:

– Визитную карточку мы обнаружили у Грибова. Треугольник – за обкладкой вашего бумажника. Чтобы вам, Перов, впустую не ломать голову, как выкрутиться, скажу больше – сохранился документ, из которого нам стало известно, кто был командиром отряда, державшего позиции возле Волжского монастыря. Ну, господин поручик, теперь будем говорить?

– Хорошо, я скажу правду, – выдал Перов. – Надеюсь, мне это зачтется?

Лобов не ответил ему.

– Будешь писать протокол, – сказал чекист Тихону.

Офицер отвечал медленно, взвешивая каждое слово, поэтому Тихон почти все успевал записывать за ним...

– Как вы стали членом «Союза защиты родины и свободы»? – начал допрос Лобов.

– После революции ушел из армии. Я не штабник, я окопный офицер. За храбрость награжден «Георгием», «Анной» и именован оружием. Захотелось отдохнуть от фронта, прийти в себя. Приехал к родителям в Тульскую губернию, думал как-нибудь устроиться на работу. И найти подходящее место бывшему офицеру... Сами понимаете...

– Офицер офицеру рознь. Многие признали пролетарскую власть и потом с ее же помощью нашли работу. Стали, например, военспецами.

– Я устал от всего: от окопов, от солдат, от атак! Решил уехать в Москву.

– Почему именно в Москву?

– Слышал, там есть какие-то артели из бывших офицеров. Мне казалось – среди своих будет легче смириться с окружающим. Конечно, я бы мог, как многие другие, бежать на юг, в ту же Добровольческую армию.

– Что же вам помешало?

– Мне хотелось оглядеться, разобраться, что делается в России. В Москве я работы не нашел. Деньги кончались, жить негде. И тут случайно встретил одного офицера из нашего полка...

– И он предложил вам поговорить с человеком, которому нужны опытные боевые офицеры?

– Да. Положение мое было безвыходное, и я согласился. Однополчанин дал мне адрес: Молочный переулок, дом двенадцать, квартира семь. И пароль. В этой конспиративной квартире для отвода глаз была лечебница. Когда позвонил, дверь открыл санитар в халате. «Вы к доктору?» – спросил он. Я ответил, как научил однополчанин: «Да, меня прислал доктор

Попов». «Вам прописали массаж?» – задал следующий вопрос санитар. Я произнес конец пароля: «Нет, электризацию...» Тут же меня проводили в дальнюю угловую комнату, где я и познакомился с руководителем «Союза защиты родины и свободы» Савинковым.

– Что можете о нем сказать?

– Он произвел на меня самое хорошее впечатление, как человек в высшей степени разумный и решительный.

– Чем же, интересно, он подкупил вас?

– До этого, после Октябрьского переворота, мне не приходилось встречаться с людьми своего круга, которые бы не растерялись, не озлобились до глупости, до идиотизма. Этот был уверен в себе, знал, что делать, здраво оценивал обстановку.

– Ну и как же господин Савинков оценивал положение России?

– Он так примерно изложил мне свое понимание событий... Немцы угрожают Петрограду. Старая армия распущена, новой силы для противодействия вторжению нет. Большевики заключили с Германией сепаратный мир, поэтому Россия после победы союзников над немцами теряет право голоса, то есть в результате этой победы ничего не получит. Оставив союзников без поддержки, Россия тем самым затягивает войну, и вместе с этим затрудняется внутреннее устройство...

– «Внутреннее устройство» – это борьба с большевиками? Свержение советской власти?

– Не только, тут много проблем. Но это, пожалуй, главное.

– И что же предложил Савинков?

– Он сказал, что необходимо создать хотя бы небольшую, но надежную и дисциплинированную армию, с которой могли бы считаться и немцы, и союзники. Такой армией и должен был стать «Союз защиты родины и свободы».

– Послушать вас, так Савинков только и думал, как бы спасти Россию от немцев, а не о борьбе с большевиками.

– Мне он показался истинным патриотом.

– Уж если он такой патриот, почему бы ему не встать в ряды защитников Петрограда?

– Савинков предлагал другой путь. И я с его доводами согласился.

– Какие же это доводы, если вы – русский человек – подняли оружие на свой народ?

– Он сказал, что решение о внутреннем устройстве принадлежит всему народу, а не отдельной какой-то партии или какому-либо одному сословию.

– Как же вы думали узнать мнение народа?

– Избранием Учредительного собрания.

– Ну а большевиков вы бы допустили к выборам?

– Савинков считал, что ваша партия прежде должна быть физически уничтожена.

– Вот это уже яснее. А то прячетесь за высокие слова о борьбе с немцами-захватчиками, а на уме совсем другое.

– Для меня главное – честь, слава и прочное благоденствие России!

– А какой видел будущую Россию Савинков? Может, в монархи или диктаторы метил бывший эсер?

– Об этом мы с ним не говорили. Перспектива созыва Учредительного собрания меня вполне устраивала, и я согласился стать членом «Союза».

– Как строилась организация?

– На началах полной конспирации: отделенный знал только взводного, взводный – ротного, ротный – батальонного. Начальник дивизии знал только четырех полковых командиров, полковой командир – четырех батальонных и так далее.

– Чем занимались вы?

– Под моим началом был отряд в десять человек, находившийся в распоряжении руководителя «Союза». Но проявить себя мы не успели.

– Но ведь для чего-то отряд создали?

– Мне кажется – Савинков хотел использовать его для террора. Но конспиративная квартира в Молочном переулке была раскрыта, начались аресты.

– Вам удалось скрыться?

– Тридцатого мая я был у начальника штаба полковника Перхурова. Прибежал врач, содержащий лечебницу в Молочном. От него мы и узнали о провале. Тут же Перхуров позвонил руководителю «Союза». «В больнице эпидемия тифа», – сообщил он условную фразу. «Есть смертельные случаи?» – спросил Савинков. «Умерли все больные», – закончил полковник разговор и повесил трубку. Помню, после этого он сказал нам: «Всё. В Москве „Союз“ больше не существует».

– Вы уехали из Москвы?

– Да, на время. Доктора Перхуров послал в Муром, а меня в Казань. Еще раньше туда хотели перевести штаб «Союза», однако что-то сорвалось. Савинков как-то говорил: для этого нужны деньги, а союзники еще скупались. Но потом с деньгами стало легче.

– Расщедрились союзники? Почему вдруг?

– Организация доказала им свою жизнеспособность, и они стали платить регулярней.

– Как же вы доказали эту самую жизнеспособность?

– Мы передали им сведения о положении дел в тылу немецких войск, оперировавших на русской территории.

– Только ли о немецких войсках шла речь?

– Кое-что мы сообщали и о Красной армии. В общем-то, эти сведения они оплачивали дороже.

– Разумеется, за предательство во все века платили выше. Как передавались деньги?

– Я участвовал в этом только один раз. Но, пожалуй, тогда мы получили самую крупную сумму.

– Расскажите подробнее, это интересно.

– Меня вызвал Савинков и приказал встретиться с доверенным лицом одного из западных послов. Цель встречи – просьба о предоставлении денежных средств организации. Разговор состоялся в ресторане «Славянский базар». Собственно, долгого разговора не было. Только я начал излагать просьбу Савинкова – связной оборвал меня, передал слова своего посла: «Пока господин Савинков не докажет, что он, по крайней мере, где-нибудь имеет людей, способных идти на бой, мы ему больше ни одного су не дадим...»

Из этой фразы я понял, что мы ведем переговоры с французским послом. Связной вел себя вызывающе нагло, словно рабов-гладиаторов набирал. Обо всем этом я рассказал Савинкову, но он не возмутился.

«Кто платит – тот и музыку заказывает. Передайте им, что я хоть сейчас могу выступить в Калуге или в Ярославле», – сказал он мне. На следующей встрече связной назвал ваш город и время выступления – первые числа июля. Союзники пообещали высадить в Архангельске десант и прийти нам на помощь...

– Сколько же вы получили за такую сговорчивость?

– Полтора миллиона.

– Крупная сумма. Иуда за предательство получил всего тридцать сребренников.

– Я не считал себя предателем!

– А сейчас?

– Сейчас поздно думать, все равно расстреляете...

– Значит, судьбу нашего города решил даже не Савинков, а французский посол? И вы – русский патриот – не нашли в этом ничего позорного?

– Я не хочу об этом говорить. Здесь не место исповедоваться.

– Ладно, будем говорить только о мятеже. Вы бывали в этом городе раньше?

– Да, с полковником Перхуровым. В штабе усомнились, так ли уж сильна местная организация «Союза», как сообщалось. Савинков послал Перхурова проверить это, я сопровождал его. В первый раз он так ничего и не выяснил. И только во второй приезд узнал, что в организации произошел раскол. Старый начальник штаба – полковник Ланцов – оказался с несколькими офицерами в одной группе, а все другие, приблизительно человек двести, откололись и организовали свой штаб.

– В чем причины раскола?

– Выяснять их не было времени. Надо было возможно скорее объединить работу обоих штабов, так как каждый из них имел свои связи, разделение которых останавливало все дело.

– Неужели Перхуров так ничего и не выяснил? Что-то не верится.

– Как-то полковник говорил при мне, что члены местной организации не поделили деньги, которые центральный штаб выслал им. Все члены «Союза» получали определенное денежное довольствие. Некоторым показалось, что Ланцов гребет не по рангу.

– Как же Перхурову удалось помирить господ офицеров?

– В это самое время мы получили полтора миллиона...

– Понятно. Чтобы сохранить единство, полковнику пришлось несколько переплатить?

– Не только. Ему было заявлено с обеих сторон, что совместная работа штабов возможна при условии, что полковник встанет во главе местной организации.

– И Перхуров согласился?

– Иного пути не было.

– Выходит, Савинков лишился начальника штаба? Почему он пошел на это?

– Восстанию здесь Савинков придавал первостепенное значение. Сюда были переброшены офицеры-боевики из Москвы, Калуги, Казани и других городов. Из тех полутора миллионов, которые получили от посла, львиную долю Савинков вынужден был отдать Перхурову. Очень большие суммы расходовала Барановская.

– Что вы знаете о ней?

– Собственно, немного. Несомненно, талантлива. В Москве создала артистическую группу, выступала перед красноармейцами, пользовалась успехом. Сюда приехала по заданию Савинкова. Располагая большими деньгами, приобрела широкий круг знакомых, втерлась в доверие работников местной власти, получила возможность проникать в воинские части и учреждения. По сути дела, ее Интимный театр стал штаб-квартирой городского «Союза».

– Почему такое доверие актрисе, пусть даже талантливой?

– Не знаю, насколько это верно, но офицеры поговаривали, что до революции Барановская закончила закрытую военную школу, обладала хорошей спортивной подготовкой, была отличной наездницей, метко стреляла из винтовки и пистолета. Больше того – Барановская якобы имела звание подполковника Добровольческой армии и получала соответствующее денежное содержание.

– Где вы встретили мятеж?

– Здесь, в Заволжье. Мне был дан пароль и явка на квартиру прапорщика Грибова – активного члена «Союза». В ночь на пятое июля, имея при себе чемоданчики с военным обмундированием и оружием, мы отправились к меньшевику Алумову, проживающему в собственном доме на Новотроицкой улице. И тут выяснилось – восстание переносится на день. Вернулись в Вилино, а на другой день опять были у Алумова. Уточнили детали предстоящей операции и в три часа ночи, согласно плану захвата власти в городе, подошли к Заволжскому райкому партии. Одновременно с нами к зданию подтянулись еще человек двадцать – двадцать пять, также одетых в офицерскую форму и при оружии. Ворвались в здание райкома, обезвредили охрану.

– Точнее – застрелили.

– Я в этом не участвовал!

– Продолжайте.

– Собравшимся офицерам было объявлено, что Алумов назначается политическим руководителем Заволжского района. Позднее я слышал: его выдвинули членом городской управы. Мне поручили командование отрядом, который занял позиции около Волжского монастыря. В нем обосновался тыловой штаб и база Северной Добровольческой армии, подчиненные непосредственно главноначальствующему – полковнику Перхурову.

– Вы виделись с ним во время мятежа?

– По случаю захвата власти в монастыре устроили торжественное богослужение. Присутствовали Перхуров, офицеры штаба, представители городской знати, барышни из богатых семей. Служба шла при участии митрополита, под звон всех колоколов. Был отслужен молебен о даровании полной победы Северной Добровольческой армии и о здравии главноначальствующего. Потом я видел Перхурова десятого июля. Он прибыл к монастырю пароходом в сопровождении вооруженного отряда и начальника контрразведки Сурепова. Мне довелось присутствовать при их разговоре с Алумовым. Тот докладывал, что собранные отряды добровольцев разбегаются. Уже тогда я понял – дело проиграно.

– Больше вы не встречались с Перхуровым?

– Нет, не приходилось. Наше положение с каждым днем ухудшалось, девятнадцатого июля я распустил свой отряд. Те, кто остался в живых, могут это подтвердить. Я не хотел лишнего кровопролития. Дошел до Вилина и отсиживался там.

– Почему вы решили обратиться за пропуском, а не попытались выбраться из Заволжья тайком?

– Я убедился, что это невозможно. На всех дорогах заставы...

Задав Перову еще несколько вопросов, Лобов приказал его увести.

Тихон кивнул на визитную карточку на столе.

– Почему Перов так испугался ее, сразу начал давать показания?

– Это пароль для связи между участниками заговора. Основная часть визитной карточки находилась у квартирьера, вырезанный треугольник – у того, кто должен был явиться к нему.

– Удобно.

– Одну Промашку допустил Перов – вовремя не уничтожил свой треугольничек. Или, может, он еще нужен ему? – сам себя спросил Лобов.

– А Грибов? Он убит?

– Представления не имею.

– Вы же сказали, что нашли визитную карточку у Грибова, – удивился Тихон.

– А это военной хитростью называется. Наши чекисты арестовали несколько таких квартирьеров, как Грибов. У некоторых сохранились визитные карточки. Я подобрал подходящую и вырезал из нее треугольник по размеру того, какой нашли у Перова. Конечно, можно бы и без этой подмены обойтись, но мне захотелось убедить его, что Грибов тоже попался. Как видишь – удалось, вон как разговорился.

А меня ругали, что я пытался Перова на пушку взять.

– Ну, это другое дело, – улыбнулся Лобов. – Ведь у меня в руках еще один козырь – приказ о назначении поручика Перова.

– Значит, и со званием не ошиблись.

– Между прочим, в штабе нашли еще один документ – список содержавшихся на барже и приказ, что тридцать три коммуниста и ты, Тихон, военно-полевым судом Северной Добровольческой армии приговорены к высшей мере наказания – расстрелу.

– Лучше бы они оставили список участников мятежа, нам бы волокиты меньше. Как думаете, Перов теперь все рассказал?

– Сомневаюсь, что он больше не видел Перхурова. После того как семнадцатого июля Перхуров вырвался из города на «Пчелке», она причалила возле Волжского монастыря.

Именно там, где располагался отряд Перова. С тех пор никаких сведений о полковнике у нас нет.

– Вы считаете, Перов знает, где он?

– Допускаю. И не выходит у меня из головы твой вопрос: почему Перов, опытный офицер-фронтовик, пришел за пропуском, а не попытался выбраться из Вилина тайком. Все больше убеждаюсь – это не случайно.

– Может, ему позарез нужно в город, вот пропуск и потребовался?

– Похоже, что так. Теперь самое время поговорить с женой Грибова. Сходи к ней...

Фотография

Не стал Тихон хитрить перед Грибовой – толстой, неряшливо одетой женщиной с опухшим, заплаканным лицом. Рассказал, что Перов арестован, что на допросе он сообщил об участии в мятеже ее мужа.

– Вы его убили? Поймали? – вскрикнула женщина.

– Нам неизвестно, что с ним.

– Боже мой! Я сойду с ума. Не сплю по ночам, все чудится – кто-то ходит под окнами.

– Обещаю вам – попытаюсь выяснить, где ваш муж.

– А Матвей Сергеевич? Его расстреляют?

– Этого я не знаю.

– Боже мой! Такой приятный молодой человек – и тоже заговорщик! Я хотела ему помочь, сказать, что весь мятеж он отсидел дома.

– Перов сознался, что участвовал в мятеже. Нас теперь интересуют только подробности: когда он появился в доме, когда исчез...

Убедившись, что ее показания больше уже ничем не повредят Перову, женщина несколько успокоилась, разговорилась.

Рассказ поручика подтвердился, но выяснилось и кое-что новое – дня за три до того, как Перов обратился в Коллегию за пропуском, в дом Грибовых пришел какой-то мужчина.

– Матвей Сергеевич называл его Шаговым, – вспоминала хозяйка. – Я поняла, что они кончали один кадетский корпус.

– Долго он был у вас?

– Ровно сутки – вечером появился и вечером исчез.

– Зачем приходил? Переночевать?

– Этого я не могу объяснить, – замешкалась женщина. – Он, собственно, и не спал, всю ночь просидел у окна, выходящего на железную дорогу. Говорил с Матвеем Сергеевичем о каком-то поезде...

Тихон уже выходил из квартиры Грибовых, когда заметил на стене фотографию супружеской пары – слева молодая, еще не располневшая хозяйка, справа – тот самый офицер со шпорами, который руководил арестом рабочих Заволжских мастерских, а потом вместе с приставом Зеленцовым вел колонну заключенных к фабрике Укропова. Кончики усов лихо закручены вверх, на сытом лице – самодовольство.

– Ваш муж?

– В четырнадцатом году сфотографировались, перед самой войной, – шмыгнула хозяйка носом...

Тихон позвонил Лобову в Губчека, назвал фамилию Шагова.

– До меня ничего не предпринимай, сейчас приеду, – И Лобов повесил трубку.

Понял Тихон – фамилия Шагова уже известна чекисту.

Появившись в Коллегии, Лобов рассказал, что Шагов был заместителем штабс-капитана Толканова – командира особого террористического отряда, действующего в Заволжье. Сразу после подавления мятежа отряд исчез.

– Это не тот ли Толканов, которого взяли в магазине «Ваза» после ограбления Заволжских мастерских?

– Он самый. У нас есть предположение, что комитет бедноты в Воскресенском сожгла банда Толканова.

– Комитетчик опознал и Алумова, – напомнил Тихон. – Пассажиры с парохода «Григорий» называли приметы главаря банды – мордастый, над правой бровью шрам. Похоже опять Толканов.

– По всему выходит, – его банда крутится где-то рядом, готовит новый налет. Твоим сведениям цены нет. Почему так разоткровенничалась Грибова?

– Пообещал узнать судьбу мужа. А ее любимый муженек, оказывается, меня здесь арестовывал. – И Тихон рассказал о фотографии на стене.

– Обещал – выполняй... Думаю, теперь банду надо ждать на железной дороге. Неспроста Шагов поездами интересовался. Давай-ка еще раз допросим этого липового учителя...

Они не предполагали, что одно упоминание фамилии Шагова так подействует на Перова. И, не давая ему опомниться, Лобов резко произнес:

– Вы обещали говорить правду, а сами изворачиваетесь. Так я не могу ручаться за вашу жизнь.

– Я все скажу, все. Поверьте – я просто забыл об этой встрече.

– Как Шагов узнал, что вы скрываетесь в доме Грибовых?

– Даже не догадываюсь. Я его спросил – он только усмехнулся, не ответил.

– Ну а с какой целью Шагов пришел? Или тоже не знаете?

– Толканов приказал ему выяснить, часто ли ходят поезда.

– Готовится налет? Когда?

– Завтра вечером, на двенадцатом километре... Литерный поезд.

– Погибли бы десятки людей, а вы забыли сообщить, господин поручик? Странная забывчивость.

– Войдите в мое положение – арест, допросы. Голова кругом шла. Честное благородное – забыл.

– Э, бросьте! Вашему честному благородному – грош цена в базарный день. Может, и сейчас не все выложили?

– Клянусь – все. Все, что рассказал мне Шагов.

– Почему же вы не ушли следом за ним в банду? Неужели не приглашал?

– В мятеж я убедился – борьба с Советами бесперспективна. Да и бороться мне не за что – имение отец, царство ему небесное, промотал, счета в банке не было. Одно лишь звание, что дворянин.

– Сколько человек у Толканова?

– Полтора десятка, не больше.

– Как вооружены?

– Винтовки, револьверы, обрезы. Один пулемет «Шоша», но патронов мало.

– С какой стороны подойдут?

– Там у самой дороги лес... В нем и залягут.

– Алумов в отряде? – спросил Тихон.

– Алумов? – удивился поручик. – Шагов мне о нем не говорил.

– А так ли? – допытывался Тихон.

– Я бы не стал скрывать, не в моих интересах.

– Еще вопрос. – Лобов в упор посмотрел в глаза Перова. – Повторите, когда вы последний раз видели Перхурова?

– Я же говорил – десятого.

– А о встрече семнадцатого июля вы не желаете вспоминать?

Перов пытался возразить – и не смог.

Когда его увели из кабинета, Лобов сказал Тихону:

– Перова я забираю в Губчека, скрывает он что-то. И, может, самое главное, самое опасное для нас. Бороться ему и правда не за что, а вот понятие об офицерской чести вьелось в душу, поэтому не сразу и о Шагове рассказал... Теперь давай думать, как будем ликвидировать банду Толканова...

Банда

На другой день утром Тихон по шпалам направился в сторону Вилина. Перед этим у знакомого железнодорожника взял форменную фуражку и промасленную куртку. Делал вид, будто осматривает путь, а сам внимательно поглядывал по сторонам – может, и бандиты решили провести разведку в этот самый час?

Но до двенадцатого километра Тихон дошел, так никого и не встретив. Замедлил шаг, стараясь получше запомнить место. Понял: Толканов выбрал этот участок дороги не случайно – вплотную к железнодорожному откосу подступал густой лес, в котором легко было скрыться. По другую сторону тянулись луга с пожухлой отавой.

Здесь дорога делала крутой поворот, и со стороны, откуда подходил поезд, этот участок не просматривался.

Видимо, Толканов учел и то, что откос не высок. Сойдя с рельс, вагоны не повалятся один на другой, и можно будет спокойно обшарить пассажиров.

Дойдя до Вилина, Тихон покрутился на станции. Пьяный, заросший щетиной солдат с гармошкой пытался сыграть «На сопках Маньчжурии», но поминутно сбивался и матерился.

Тихон повернул назад. Небо быстро помутнело, заморосил холодный дождик. Мокрые шпалы под ногами почернели, рельсы впереди растворились в пасмурной дымке.

Засунув руки поглубже в карманы, Тихон шел, не поднимая головы, обдумывал, как уничтожить банду.

В Коллегии его ждал Лобов.

Нарисовав участок дороги, где предполагалась засада, Тихон выложил свой план:

– Незаметно к этому месту не подойти. Предлагаю на дрезине всем отрядом махнуть в Вилино, вечером встретить там литерный. Пересесть на него, а на двенадцатом километре поезд остановить – и к лесу.

– Из леса они нас как белок перестреляют, – возразил Лобов. – А насчет дрезины – верная мысль. Только еще один отряд надо направить отсюда, навстречу, чтобы с двух сторон ударить...

Так и решили: отряд во главе с Лобовым уехал в Вилино; другой, которым командовал Тихон, ждал возвращения дрезины в Заволжье.

Волновался Тихон – людей оставалось мало, дрезина запаздывала. И тут на станцию пришли Иван Алексеевич и Коркин.

– Должностей нам не надо, бери рядовыми, – пошутил Резов.

– Винтовок больше нет.

– Обойдемся наганами...

Рядом с ними Тихон успокоился. Позвонил в Вилино – Лобов был уже там, дрезина направилась обратно.

– Литерный ждут в половине девятого. Ровно в это время выезжайте из Заволжья, – приказал чекист.

К двенадцатому километру, как и рассчитывал Лобов, отряд Тихона подъехал, когда здесь уже завязался бой. Соскочили с дрезины, без выстрелов бросились к лесу, чтобы пересечь банде путь к отступлению. Пробежали поле, залегли в кустах. В пылу перестрелки с отрядом Лобова бандиты не заметили их. Рабочие углубились в лес, опять залегли.

– Чего резину тянем? – ругался Степан Коркин. – Вдарить из всех стволов сразу.

– Молчи уж, полководец, – одернул его Иван Резов. – Правильно Тихон действует, пусть бандюги отстреляются...

Наконец заглох, выдохся единственный пулемет, отряд Толканова начал отступать.

– Подпустим ближе, – передал Тихон по цепочке.

Уже слышно, как перекрикиваются бандиты, между деревьев видны их темные силуэты. А Тихон все медлит.

– Огонь! – громко скомандовал он, когда до первого бандита оставались считанные шаги.

Винтовочные и револьверные выстрелы слились в один залп, оглушили, разметали отряд Толканова. Послышались стоны, ругань, треск сучьев под падающими телами. Рабочие перебежками бросились вперед.

– Не стреляй! Сдаюсь! – истошно закричал один из бандитов, с поднятыми руками выбежал навстречу рабочим. За ним второй, третий. А из темноты все еще кто-то отстреливался, сначала из винтовки, потом из нагана.

Пленных обыскали, связали руки.

– Кто там из ваших не угомонился?

– Сам Толканов, – за всех ответил Тихону мужик в шинели. Это он первым поднял руки.

Тихон пригляделся к нему и узнал солдата, который наигрывал на гармошке на станции Вилино. Значит, бандиты тоже делали разведку.

– А ты кто такой будешь?

– Шагов.

– Поговори с Толкановым. Пусть выходит, спета его песенка.

– Ему терять нечего.

– А ты попробуй...

Шагов неохотно подошел к старой сосне, встал за нее и крикнул в темноту:

– Георгий Викторыч!! Ты окружен! Выходи без оружия!

– Шагов! Сволочь! – ругнулся главарь, пуля из нагана угодила в ствол сосны, за которой прятался Шагов.

Подпоручик упал на траву, отполз туда, где залегли рабочие.

– Я же говорил – бесполезно. Бешеный он, – дрожащим голосом сказал Шагов Тихону.

– Толканов! Не валяй дурака! Сдавайся! – еще раз предложил бандиту Тихон, чтобы не подвергать людей риску, обойтись без перестрелки.

– Кто это говорит? – спросил Толканов.

И тут ему неожиданно ответил Иван Резов, оказавшийся рядом с Тихоном:

– Председатель Заволжского Военно-революционного комитета.

Раздумывая, Толканов помолчал.

– Потолковать надо. Выходи, председатель, один...

Тихона словно подтолкнули. Чтобы опередить Резова, он рывком поднялся на ноги, встал во весь рост. В одно мгновение из оврага хлопнул выстрел, и Резов с силой уронил Тихона на землю.

Над головой у Тихона просвистела вторая пуля.

– Куда лезешь?

– А ты чего, дядя Иван? Вызвался рядовым, а сам командира подменяешь? Лежи молчком, иначе Лобову пожалуюсь...

Старый рабочий от такого напора даже опешил. Хотел что-то сказать – и не успел. Оттуда, где прятался Толканов, донесся еще один выстрел – странно приглушенный.

В вязком холодном воздухе натянулась тишина, только слышалось, как на насыпи поспевает паровоз.

Когда рабочие подползли к оврагу, они увидели на его глинистом дне скорченное тело Толканова – последнюю пулю бандит выпустил в себя.

Железнодорожники из отряда Лобова восстановили разобранный путь, и отряд без потерь, с пленными, вернулся в Заволжье.

В ту же ночь чекист в Коллегии допросил Шагова. Тот отвечал с готовностью, словно давно дожидался этих вопросов...

Когда красноармейские части уже входили в Заволжье, отряд Толканова пробрался в Волжский монастырь. Здесь какой-то монах проводил штабс-капитана в покои наместника. Потом Толканов хвастал Шагову, что от самого иеромонаха Варлаама получил благословение на убийство большевиков и поджоги. «Попы все наши грехи отмолят», – сказал Толканов. Этой же ночью бандиты покинули монастырь и остановились у богатого крестьянина в Воскресенском. На другой день пришел Алумов и передал от отца Варлаама приказ сжечь в селе комитет бедноты. Потом напали на пароход «Григорий» и ушли в лес.

– Алумов скрылся с вами? – задал вопрос Тихон.

– Нет, ему надо было пробраться в Заволжье, встретиться там с одним человеком.

– С кем? – насторожился Тихон.

– Мне кажется – он из Заволжских мастерских, Алумов хотел устроить там диверсию. Однако потом отдумал.

– Почему? – удивился Лобов.

– Решил не подвергать этого человека риску. Очень Алумов дорожит им. Толканов, наверное, знал, кто это...

– Что было потом?

– Начали готовить диверсию на железной дороге. Удивляюсь, как вам удалось загнать нас в ловушку.

– Ничего удивительного – поручик Перов подробно рассказал нам о готовящемся нападении.

– Перов?! – воскликнул Шагов и сразу поверил словам чекиста: – Да, кроме него, некому...

– Что же вы были так неосторожны?

– Привык доверять друзьям детства. Вот и поплатился... – невнятно промолвил Шагов. – Перова за это помилуют?

– Не советуете? – усмехнулся Лобов.

– Вам решать... Только, я думаю, он нас выдал, чтобы более важное скрыть.

– Вы знаете, что скрывает Перов? – заинтересовался Лобов.

– Если бы знал – отплатил бы ему той же монетой! Разыграл передо мной простачка, которому все осточертело: белые, красные, большевики, меньшевики. А я уши развесил. Единственное, что мне известно, – когда Перхуров бежал из города и остановился возле монастыря, они полчаса о чем-то разговаривали с Перовым наедине.

– Кто вам сказал, что Перов скрывается в Вилине?

– Сам Грибов, хозяин дома.

– Где вы с ним виделись?

– Он был в нашем отряде.

– Был?

– Грибов хотел уйти из отряда, явиться к вам с повинной. Толканов его и пристрелил. Конечно, Тамаре Александровне я об этом не сказал.

Оставшись вдвоем, Лобов и Тихон долго молчали. Многое прояснилось после этого допроса.

– Ладно, с Перовым разберемся потом, – первым заговорил чекист. – А с монастырем надо решать сейчас. Все ниточки ведут туда, какую ни потянешь: Перов там с Перхуровым встречался, Толканов – инструкции получал.

– Послать отряд, взять святую обитель штурмом.

– Вспомни показания Перова – в мятеж в монастыре был тыловой штаб. Незваных гостей могут встретить хорошей порцией свинца. А если там никого нет – попы шум поднимут: большевики святые храмы оскверняют.

– Как же быть?

– Разведчиков надо туда. Узнать сначала, что к чему.

– Пошлите меня, – сразу вызвался Тихон. – Прикинусь хворым сыном крепкого хозяина – и с богом. Сейчас момент-то уж больно удобный – праздник Волжской Богоматери. С толпой верующих и проникну в монастырь. Вот только деньги потребуются на всякие свечки, подношения...

– Это не проблема: деньгами снабдим. Лишь бы толк был. А задумано хорошо.

– Значит, договорились? – обрадовался Тихон. – Завтра и выйду.

– Больно ты скор, подготовиться надо. И тревожит меня алумовский осведомитель, как бы он не предупредил монастырскую братию... Ладно, рискнем, – согласился Лобов. – О том, что ты в монастыре, будут знать только я и Резов. Остальным скажем – вызвали тебя в Губчека. Разузнай, каких чертей пригрела святая обитель...

Монастырь

Два дня готовил чекист Тихона, прежде чем отпустить в монастырь. В местной церкви заставил службу выстоять, приглядеться, как молятся, какие порядки.

В школе на уроках Закона Божьего учил когда-то Тихон и молитвы, и заповеди, а теперь их из головы словно метлой вымело. Пришлось отыскать потрепанный Катехизис, которым бил Тихона по голове за баловство отец Василий – преподаватель Закона Божьего, заново выучить «Отче наш».

Лобов откуда-то принес котомку с веревочными ляжками, в ней ситцевая рубаха, кусок ветчины домашнего копчения и целый каравай подового ржаного хлеба, какого Тихон уже давно и во рту не держал.

– Обувку и штаны свои наденешь, – придирчиво оглядел их Лобов. Потом достал из кармана слежавшийся листок – метрическую выписку из церковной приходской книги. – Это – твой документ. Вызубри и забудь, что ты Тихон Вагин. Разбудят тебя ночь-полночь, ты Алексей Кузьмин из села Петровское Ростовского уезда. Отец твой – Никита Аверьяныч – держал скобяную лавку, приторговывал хлебом и скотом. Мать – Евдокия Васильевна – из мещан... Молись усердно, но держись с достоинством, ты как-никак – наследник отцовского дела!.. А вот тебе мамкино и тяткино благословение – крестик кипарисовый из святого Афонского монастыря!..

Несколько раз гонял Лобов Тихона по новой, придуманной для него биографии.

И о монастыре Тихон многое узнал. Кому угодно, хоть самому настоятелю, мог рассказать его историю. А рассказать было что – монастырю шестьсот лет исполнилось. И все эти годы князья да цари наделяли его земельными угодиями, драгоценными подарками.

И недаром раскошеливались – расплачивались монахи усердной службой, вбивали в мозги простому народу, что царь – Помазанник Божий, потому верить и подчиняться ему надо безропотно.

О многом бы поведал Тихон богомольцам, вместе в которых пыльной, истоптанной тысячами ног дорогой брел к монастырю, повесив на посошок свои австрийские ботинки. О том, как весной восемнадцатого года монахи подняли кулаков и зажиточных крестьян окрестных сел на восстание; как во время мятежа попы пулеметами косили рабочих и красноармейцев с колоколен Владимирской и Богоявленской церквей города; как родилась тогда пословица: «Что ни попик – пулеметик».

Но молчит Тихон, а вернее – Алексей Кузьмин. Поглядывает на небо – не застанет ли на дороге дождичек, прислушивается к разговорам попутчиков-богомольцев.

Брело их в монастырь много, а разговоры всё одни и те же – о чудесах, которые творила икона Волжской Божьей Матери. То слепой, приложившись к ней, исцелился-прозрел; то калека вдруг бросил костыли и пошел быстрее здорового; то горбатый выпрямился. А одного малопера, кривого мужика, чуть не избили.

Благостно вздыхал Алексей Кузьмин, поджимал губы, крестился.

Монастырь – как крепость. Толстенные каменные стены длиной чуть не в два километра, на девяти углах – башни с бойницами. У стен крестьянские подводы, у ворот нищие и калеки милостыню собирают, тут же два монаха-привратника за порядком следят. Вплотную к монастырской стене кедровая роща подступает, в ней – затянутые изумрудной ряской пруды.

Вспомнил Тихон: на одном из могучих кедров и нашли икону Волжской Богоматери, поклоняться которой толпами шли верующие. Представил, как, путаясь в долгополых рясах, монахи втаскивают на кедр тяжеленную икону, – и чуть не прыснул от смеха, едва удержался.

Монастырское подворье широкое, кроме центрального храма еще три церкви, две часовни стоят. У храма, где икона Пресвятой Волжской Богоматери, на паперти нищих больше, чем у ворот. Тянут руки почти к самому лицу, друг друга отталкивают, ругаются.

Тихон скупно подал милостыню, пока вошел в храм – и пинков, и толчков от богомольцев натерпелся. И в самом храме теснота – локтя не просунуть. Душно, приторно пахнет расплавленным воском и потом. Люди бормочут молитвы, кряхтят от давки.

– «Алчущим читательница, странным утешение, обидимых от обид и бед избавляющая...» – тянет молитву чернородый поп.

А Богоматерь в красном покрывале прижала к себе худосочного ребенка и смотрит на толпу скорбно, вот-вот расплачется. Какая, мол, я вам, люди, заступница – самой страшно...

Помолился ей Тихон, пошел в монастырскую гостиницу с жильем устраиваться. А мест свободных нет, то же самое – в «странноприемнице» рядом.

Тут народ опять повалил в центральный храм – начали обедню служить. И Тихон туда. Слышит, как ветхая старушка бойко шепчет другой:

– Глянь-ка, Агафья, на старосту, на Сафонова. Так глазами и шныряет, кто сколько ему на поднос положил.

– Ох и жадный, – согласилась с ней вторая богомолка.

– Не иначе – и в его карман наши денежки проскальзывают.

– Прости нас господи. – И обе старухи закрестились так быстро, словно от пчел заотмывались.

Заинтересовал Тихона этот разговор. Незаметно пригляделся к церковному старосте – низенький, пузатый, пуговицы на поддевке еле застегнулись, ребром торчат. Рыжие волосы на голове, помазанные, видимо, лампадным маслом, слиплись, блестят. Шея красная, словно обварена.

Стоит Сафонов с подносом важно, не шелохнется лишний раз, а маленькие глазки – верно старушка подметила – так за каждую монетку и цепляются.

Смекнул Тихон – хорошо бы со старостой знакомство свести. Положил на поднос тяжелую серебряную монету и увидел: Сафонов клюнул на нее, как щука на живца, сразу на богомольца с уважительным любопытством посмотрел.

Этого Тихону и надо было. Когда обедня кончилась и староста вышел из храма, робко приблизился к нему, смиренно спросил:

– Не посоветуешь ли, отец, где бы мне на постой устроиться? Гостиница забита, да и не привык я тесниться.

Запомнил староста щедрый дар, и робость парня понравилась. Елейно прогнусавил:

– Только Богу и плакаться... А ты чей будешь, сынок? Откуда к нам пожаловал?

– Батюшка мой до революции по торговой части был.

– А теперь?

– Живем тем, что батюшка трудом праведным раньше скопил.

– Кто Бога не забывает, тому Он помогает, – вздохнул староста.

Вроде сочувствуя, дотошливо стал спрашивать о деревенском житье-бытье, чем торговал отец и какая выручка была, велико ли сейчас хозяйство.

Словно бы невзначай Тихон проговорился, как с отцом отгонял на хутора лошадей, чтобы их красные комиссары не забрали. Мысленно поблагодарил Лобова – не выдержать бы ему этого экзамена, если бы чекист не заставил выучить придуманную биографию наизусть.

Поверил ему староста, решил:

– Ладно, помогу я тебе, сынок. В свой дом на постой пуцу.

– Премного благодарен вам, – обрадовался Тихон.

– Порядочного человека сразу видно. А о цене столкуемся.

– Об оплате не беспокойтесь. Мы, чай, не голь какая, батюшка меня на дорогу щедро снабдил, – заверил Тихон. – Что-то я прибаливать стал, худеть. Вот меня матушка и послала Святой Богородице поклониться.

– Я и то гляжу – бледный ты, ледащий. Но ничего, усердное моление многим подсобляет. – И староста повел Тихона к себе.

Дом Сафонова – высокий пятистенок из потемневшего соснового бруса, на каменном подклете. Крыша железная, на окнах прочные ставни. К дому привалился сарай, такой же неуклюжий, большой.

Огород за сараем и сам дом обнесены глухим забором – не любил, видимо, староста чужих глаз, не больно-то доверял монахам и богомольцам. У калитки – собачья будка. Проходя мимо, Сафонов в сердцах пнул ее ногой:

– Кобель был, Полканом звали... Бывало, чужого человека в дом не пустит. Околел... Грешу на монахов – отравили по злобе...

Вошли в просторную, но сумрачную переднюю с широкими половицами, побеленной русской печью, начисто выскобленным, без скатерти, столом посередине и лавкой вдоль окон. В углу, на божнице, темные иконы в поблескивающих окладах, перед ними – тусклая лампадка.

– Ты надолго в монастырь? – Староста устало плюхнулся на лавку под иконами.

– Матушка наказывала – сколь захочется, столь и побудь. А ведь хозяйство!.. Было бы все, как раньше, а то... Ну, дня три-четыре...

– Вот и хорошо, на Пашуткиной кровати поспишь, – кивнул Сафонов на сонного толстого подростка лет пятнадцати. – Сынок мой!..

Пашутка сидел, облокотясь на стол, лениво жевал ломоть хлеба с солью.

– Обедать пора, папаня. Исть хочется – аж брюхо подтянуло!

– Он эти дни у наместника прислуживать будет, – похвастал Сафонов.

– У самого наместника?! – Тихон с завистью посмотрел на ухмыльнувшегося Пашутку.

– И мы Богу свою лепту несем, – важно сказал Сафонов, крикнул в горницу, чтобы собирали на стол.

Оттуда вышла дочка старосты – высокая, круглолицая, в стареньком ситцевом платье. Карие глаза строгие и будто заплаканные. Неприязненно покосилась на Тихона и ухватом ловко стала вынимать из печи горшки.

– Благодать-то у вас... Будто из дома не уезжал, – огляделся Тихон. Для вида помявшись, просительно обратился к Сафонову: – Нельзя ли у вас, Тимофей Силантьевич, и столоваться?..

Староста засомневался:

– Не знаю, надо бы с женой поговорить...

– Деньги я вперед заплачу, – вынул Тихон из кармана увесистый платок с серебряными рублями.

Увидев их, Сафонов не стал и с женой советоваться:

– Доброму и Бог помогает, согласен я. Понравился ты мне, парень.

Дочка старосты со стуком кинула ухват на печь. Сафонов сердито зыркнул на нее, но при постояльце ругаться не стал.

К столу вышла жена старосты – с желтым, высохшим лицом, большими скорбными глазами, словно у Волжской Богородицы на иконе. Как чужая, тихо притулилась на углу стола, возле дочки.

Только что кончился двухнедельный Успенский пост, и теперь на стол подали скоромное – жирную лапшу с курятиной, потом – упревшую пшеничную кашу с топленным маслом.

Тихон старался есть степенно, не жадничая, словно такая пища ему привычна.

Хозяйка к еде почти не прикоснулась – подержала ложку в руке и положила ее на стол, только квас попробовала. Девушка тоже ела плохо. Несколько раз поймал Тихон на себе ее изучающий взгляд и как-то безотчетно проникся к дочери церковного старосты доверием, даже симпатией.

Громко чавкал Пашутка, от усердия сопел широким носом. Сразу невзлюбил парня Тихон, а мысль подсказывала – у Пашутки многое можно узнать. Хочешь не хочешь, а надо с ним поближе сойтись.

– Наместник-то, поди, строгий? – спросил его после обеда.

За Пашутку ответил староста:

– В ком есть Бог, в том есть и страх. Нельзя Господу без строгости служить.

Пашутка зевнул, отмолчался. Вечером ушел к двухэтажному серому дому, в котором жил наместник.

Тихон подметил – староста будто боится, что Пашутка сболтнет лишнее, да и сам старался поменьше отвечать, побольше спрашивать.

Противно было Тихону врать, но дело требовало – представился Сафонову единственным наследником большого отцовского хозяйства, а сам думал: «Рассказать бы тебе, мироед, как пешком уходил отец на заработки в Питер, как впроголодь жила семья зимой, как, не найдя работы, возвращался отец в Заволжье и в пургу замерз на железной дороге, а мать схоронили на чужом погосте. Наверное, и на порог не пустил бы голодранца. А услышал про крепкое хозяйство – и мелким бесом рассыпаешься. Уж не решил ли за богатого наследника дочь замуж выдать?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.